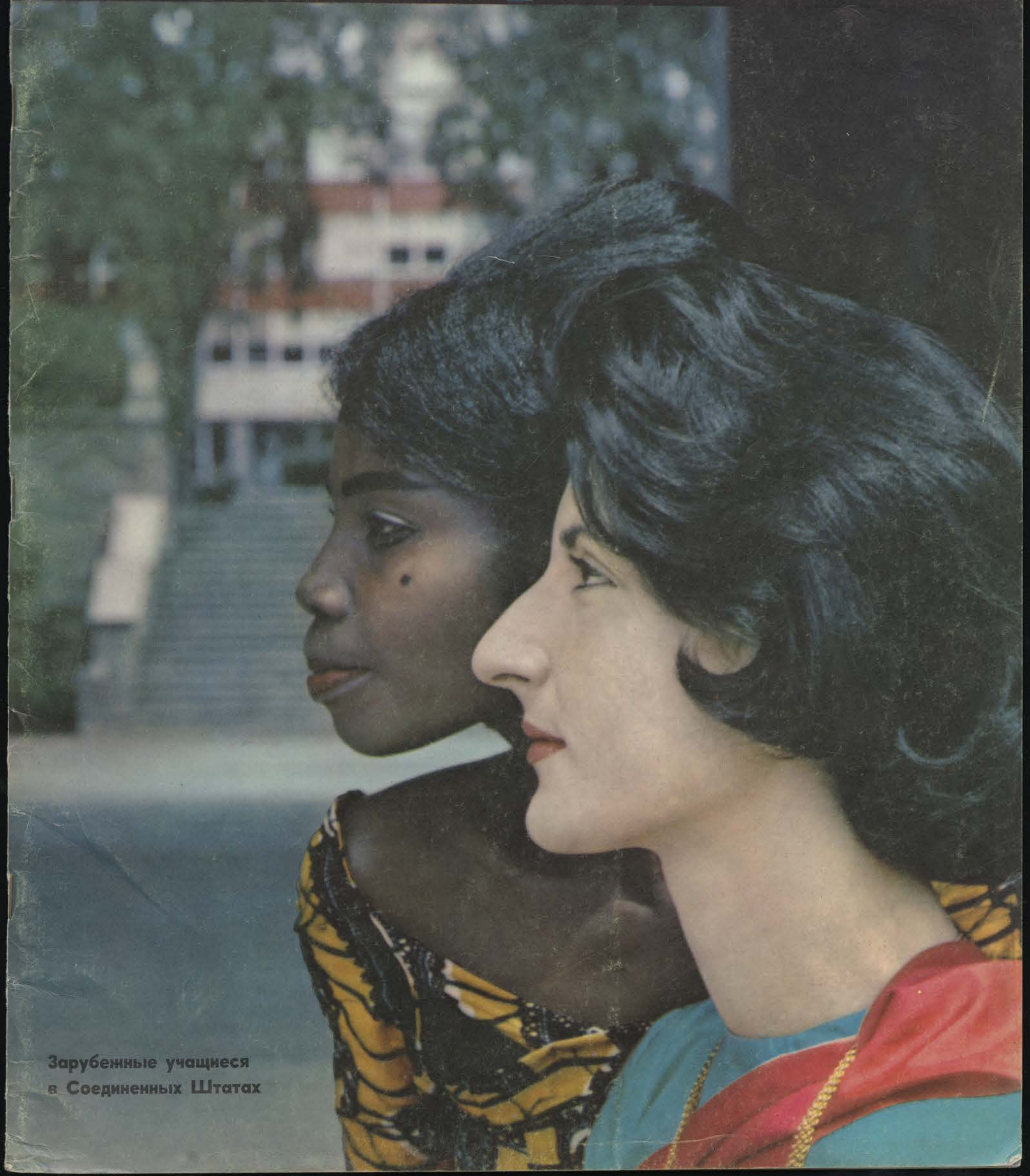

Америка

№ 90 Цена 50 коп.

Зарубежные учащиеся
в Соединенных Штатах

Америка

Иллюстрированный журнал

ЗАБАСТОВКА НЬЮ-ЙОРКСКИХ ГАЗЕТ Джемс С. Уомсли	2
ЗВЕЗДОЧКА СТАЛА ЗВЕЗДОЙ Сузан Бэйли	6
СМЕЮЩИЙСЯ ЮНОША (отрывок по-английски) Оливер Ла Фарж	8
А БЕГАТЬ-ТО БОЛЬНО... С разрешения журнала <i>Сатердэй ивнинг пост</i>	9
КАК ЖИВОТНЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ВРЕМЯ? С разрешения журнала <i>Лайф</i>	12
ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ С разрешения журнала <i>Лайф</i>	14
АРХИТЕКТУРА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ	
АМЕРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА НА НОВОМ ЭТАПЕ Вольф фон Экardt	16
ОБИЛИЕ СВЕТА И ВОЗДУХА Фото Эрнеста Брауна	32
ПРИЗНАНИЯ МОЛОДОГО АРХИТЕКТОРА Мэри Сэйр Хейверсток	36
ФАКТЫ И ЦИФРЫ О США: СТРАНА ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ	40
ФИЛАДЕЛЬФИЯ — ОМОЛОЖЕННЫЙ ГОРОД Дэвид Б. Карлсон	42
СЛОВО ЗОДЧИХ	48
КОНСТРУКТОР И ГОНЩИК Фото Флипа Шульке	49
«ВО МНОГОМ РАЗЛИЧНЫЕ... В ОСНОВНОМ ТАКИЕ ЖЕ» Мэри Бойкен	50
ПЯТЬДЕСЯТ ШТАТОВ: СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА	51
ТУФЛИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦ С разрешения журнала <i>Лук</i>	52
ПО ЗАВЕТАМ ФРЕЙДА Брок Брауэр	54
ДЖЕССИ ЛОКЕТТ И ЕГО ДЕТИ Фото Роуанда Шермана	57
НА ОБЛОЖКЕ:	
ЗАРУБЕЖНЫЕ СТУДЕНТКИ В КОРНЕЛЛСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Фото Эрика Гартманна	I
ШЕСТОВИК ДЖОН ПЕННЕЛ СТАВИТ МИРОВОЙ РЕКОРД Фото Чарльза Трэйнора С разрешения газеты <i>Майами ньюс</i>	II
ФИЛАДЕЛЬФИЯ МЕНЯЕТ СВОЙ ОБЛИК Фото Джозефа Неттиса	III

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Стр. 2, Витас Валайтис (журнал *Ньюсуик*); 6, верхний ряд — собрание Джона Спрингера, «Калвер пиччурс», «Север артс», нижний ряд — Джек Стейгер («Глоб»), «Калвер пиччурс», Уильям Илакстон («Глоб»); 7, Джек Харрис («Глоб»); 9-10, Нил Лейфер (журнал *Паджент*); 11, «Юнайтед пресс Интернационал»; 12, Флип Шульке («Блак стар»); 13, Фриц Горо (журнал *Лайф*) (2); 14, Ред Нелсо; 15, Джен Доггетт и Малколм Смит; 16-17, Балтазар Кораб; 18, «Эзра Столлер ассошиэйтс»; 19, Серджио Ларрэн («Магнум»); 20-21, слева — Балтазар Кораб, вверху справа — «Транс уорлд эрлайнс» («Эзра Столлер ассошиэйтс»), внизу справа — Александр Жорж («Филип Джонсон ассошиэйтс»); 22, У. Юджин Смит (цветное клише журнала *Лайф*), Балтазар Кораб; 23, «Эзра Столлер ассошиэйтс»; 24, Джулиус Шульман, Мария Э. Т. Сток; 25, Фред Лайон; 26, Малколм Смит; 27, «Хедрик-Блессинг»; 29, Эрик Локер («Чейс-Манхаттан банн»); 30, Айван Массар («Блак стар»); 36, Лора Уинслоу; 37-39, Фред Марун; 42, Плановой комиссии г. Филадельфии; 43, «Снайфотос»; 44, Плановой комиссии г. Филадельфии, Джозеф Неттис; 46, Плановой комиссии г. Филадельфии; 50-51, Ира Розенберг (газета *Нью-Йорк геральд трибюн*); 54, «Фридман-Абелес»; 55, «Континентал дистрибутиг».

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР местными отделами Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, относящиеся к выбору материала для журнала, просим направлять по адресу: Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington 25, D.C., USA, или Американское посольство, Москва, улица Чайковского, 19-21.

Все кругом застыло в напряженном ожидании. Вот он, мировой рекорд — 5,2 м! Такой результат показал в Майами (Флорида) прыгун с шестом Джон Пеннел.

D631 FED DEPOSITORY DOC
DOC DEPT SWEM LIB W & M

Америка

AMERICA
ILLUSTRATED

Covers Front: Two foreign students at Cornell University. Photograph by Erich Hartmann, Magnum. Inside Front: Worm's-eye view of pole vaulter John Pennel. Photograph by Charles Trainor, *The Miami News*. Back: Redevelopment in Philadelphia. Photo by Joseph Nettis.

- 2 The New York Newspaper Strike** By James S. Wamsley. A report on the labor walkout that deprived New York's voracious readers of their daily papers for 114 days. Though people grumbled, they accepted it as a legitimate exercise of the worker's right to strike, and to have a voice in determining the conditions of his work. But most labor disputes, the writer notes, are settled around the conference table without a work stoppage.
- 6 Little Star, Big Star** By Suzanne Bailey. Youngest of Hollywood's "old-timers," Natalie Wood began her film career at four. Now in her mid-twenties, she still dazzles the public—on screen and off.
- 8 Laughing Boy** By Oliver La Farge. Amid the throb of drums at a tribal dance festival, the young silversmith Laughing Boy meets Slim Girl, and a tale unfolds of life and love among the Navajos. This excerpt from the Pulitzer Prize novel is one of a series in English for Soviet students and teachers.
- 9 It Hurts to Run** By Bill Libby. At twenty-nine, Jim Beatty is the fastest American miler ever. "I sort of like knowing it doesn't come easy," he says, and indeed the achievement of this five-foot-six office worker who has captured many U.S. and world track records is the product of Spartan conditioning, determination, and iron fortitude. Courtesy of THE SATURDAY EVENING POST.
- 12 How Do Animals Tell Time?** To study the mystifying "clocks" by which animals regulate their lives, scientists have tied balloons to great sea-going turtles and charted the feeding habits of fiddler crabs. The research is important, doctors say, because health is related to the smooth working of the timers, which tick inside humans, too. Courtesy of LIFE.
- 14 He Didn't Know How to Fly—but He Did** Following radio instructions from an airport, a construction engineer safely landed a chartered plane after the pilot died in mid-air. Courtesy of LIFE.

Architecture in the United States A special 34-page survey of its creative figures and contending ideas, its evolving styles and remarkable achievements.

- 16 American Architecture in Transition** By Wolf Von Eckardt. Amid Virginia's rolling hills the new terminal at Dulles Airport rears its bold and sinewy shape. This majestic structure is a startling departure from the earlier work of its famed architect—and Eero Saarinen's swift evolution fairly symbolizes the march of American architecture in our day, in its search for new forms and materials and techniques. This unrelenting search, carried on by 28,000 architects along with an army of engineers and city planners, coincides with the greatest building boom the country has ever known. And so they speak of building a "second United States," in which the architect's dominant concern will be to give our urban life a harmonious scale—where man will be truly the measure of all things.

Америка

Иллюстрированный жу

ЗАБАСТОВКА НЬЮ-ЙОРКСКИХ ГАЗЕТ
Джемс С. Уомсли

ЗВЕЗДОЧКА СТАЛА ЗВЕЗДОЙ
Сузан Вэйли

СМЕЮЩИЙСЯ ЮНОША (отрывок по-английски)
Оливер Ла Фарж

А БЕГАТЬ-ТО БОЛЬНО...
С разрешения журнала *Сатердэй ивнинг пост*

КАК ЖИВОТНЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ВРЕМЯ?
С разрешения журнала *Лайф*

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ
С разрешения журнала *Лайф*

АРХИТЕКТУРА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

АМЕРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА НА НОВОМ ЭТАПЕ
Вольф фон Экардт

ОБИЛИЕ СВЕТА И ВОЗДУХА
Фото Эрнеста Брауна

ПРИЗНАНИЯ МОЛОДОГО АРХИТЕКТОРА
Мэри Сэйр Хейверсток

ФАКТЫ И ЦИФРЫ О США: СТРАНА ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ

ФИЛАДЕЛЬФИЯ — ОМОЛОЖЕННЫЙ ГОРОД
Дэвид В. Карлсон

СЛОВО ЗОДЧИХ

КОНСТРУКТОР И ГОНЩИК
Фото Флипа Шульке

«ВО МНОГОМ РАЗЛИЧНЫЕ... В ОСНОВНОМ ТАКИЕ ЖЕ»
Мэри Бойкен

ПЯТЬДЕСЯТ ШТАТОВ: СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

ТУФЛИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИК
С разрешения журнала *Лук*

ПО ЗАВЕТАМ ФРЕЙДА
Брок Брауэр

ДЖЕССИ ЛОКЕТТ И ЕГО ДЕТИ
Фото Роуанда Шермана

НА ОБЛОЖ

ЗАРУБЕЖНЫЕ СТУДЕНТКИ В КОРНЕЛЛЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Фото Эрика Гаргманна

ШЕСТОВИК ДЖОН ПЕННЕЛ СТАВИТ МИРОВОЙ РЕКОРД
Фото Чарлза Трэйнора
С разрешения газеты *Майами ньюс*

ФИЛАДЕЛЬФИЯ МЕНЯЕТ СВОЙ ОБЛИК
Фото Джозефа Неттиса

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Стр. 2, Витас Валайтис (журнал *Ньюсуик*); 6, верхний ряд — Джон Спрингера, «Калвер пикчурс», «Север артс», нижний ряд — Джек Стейгер («Глоб»), вер пикчурс, Уильям Клакстон («Глоб»); 7, Джен Харрис («Глоб»); 9-10, Нил Лейфер («Паджент»); 11, «Юнайтэд пресс Интернационал»; 12, Флип Шульке («Блак стар»); 13, Фри (журнал *Лайф*) (2); 14, Ред Келсо; 15, Джен Доугетт и Малколм Смит; 16-17, Балтазар; 18, «Эзра Столлер ассошиэйтс»; 19, Серджио Ларрэн («Магнум»); 20-21, слева — Балтазар вверху справа — «Транс уорлд эрлайнс» («Эзра Столлер ассошиэйтс»), внизу справа — сандр Жорж («Филип Джонсон ассошиэйтс»); 22, У. Юджин Смит (цветное клише журнала *J. Балтазар Кораб*; 23, «Эзра Столлер ассошиэйтс»); 24, Джулиус Шульман, Мария Э. Т. Ст Фред Лайон; 26, Малколм Смит; 27, «Хедрич-Блессинг»; 29, Эрик Локер («Чейс-Ман банк»); 30, Айван Массар («Блак стар»); 36, Лора Уинслоу; 37-39, Фред Марун; 42, Пл комиссии г. Филадельфии; 43, «Снайфотос»; 44, Плановой комиссии г. Филадельфии, Джозе тис; 46, Плановой комиссии г. Филадельфии; 50-51, Ира Розенберг (газета *Нью-Йорк т трибюн*); 54, «Фридман-Абелес»; 55, «Континентал дистрибутиг».

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашения, предусматривающему распространение жур «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — в С Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР местными делами Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тир

НА ПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТ

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, относящ к выбору материала для журнала, просим направлять по ад Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington 25, USA, или Американское посольство, Москва, улица Чайковского,

32 Homes Full of Light and Easy Living Photographs by Ernest Braun. In California, just north of the Golden Gate, the Eichler Development Company has answered a perennial problem: where can you find a pleasant neighborhood with lots of open space for children and still be near a big city? Eichler built a community thirty minutes from San Francisco where woodland verges on wide streets, and spacious homes with gardens and patios make for a bright and satisfying life.

36 A Young Architect Speaks Out By Mary Sayre Haverstock. Only a few architects choose independence soon after leaving school, but John Richards Andrews is a self-reliant young man of strong convictions. Here he describes his work and his career, with some pithy thoughts on the design of the modern home.

40 Facts about the U.S.: A Nation of Homeowners Every year over a million Americans move into new homes of their own, and today more than three out of five American families are homeowners — a striking development that is illuminated here with significant figures, charts and graphs.

42 Philadelphia: A City Rejuvenated By David B. Carlson. In the last fifteen years Philadelphia has superbly demonstrated to the world how an old city can take a new lease on life. Dilapidated by helter-skelter growth and spreading slums through many decades, the central city has been transformed and revitalized by intelligent planning and a civic effort on a massive scale.

48 What the Masters Say From Louis Sullivan to Philip Johnson — spanning three-quarters of a century — a procession of great architects in America speak here with varying voices, each stating forcefully a distinctly individual view of architecture as a living art in an ever-changing world.

49 King of the Karts In the world of gasoline-powered karts, Bobby Allen of Miami is champion. Photographer Flip Schulke (Black Star) shows him tuning up and racing one of the snarling little speedsters.

50 "Different... but the Same" By Mary Boyken. "We need not necessarily reconcile all our moral and ideological differences, but we must learn to accept each other..." These words in 1963 from an Israeli boy formed a simple tribute to the purpose and effectiveness of the *New York Herald Tribune's* annual youth forum, designed to encourage young people from all over the world to take a candid look at their world and at themselves.

51 The 50 States North Carolina, a thriving center of industry and agriculture, was home for the first English child born in America, founded the first State university in the country, and was the site of man's first powered air flight.

52 For Well-Travelled Feet Photos by Michael A. Vaccaro. Smart-looking low heels for the lady sight-seer. Courtesy of LOOK.

54 The Shadow of Freud By Brock Brower. Psychoanalysis has found its largest and most varied following in the United States — the country Sigmund Freud thought least hospitable to his theory and therapy. The numerous deviations from orthodox Freudian theory in America derive not only from a wide acceptance of psychoanalytic concepts but also from a climate of intellectual freedom and a commitment to the full development of individual personality.

57 The World of Jesse Lockett — and His Children For a man who raised seven children and sent them to college — on a janitor's pay — the hard-work habit is hard to break, Jesse Lockett retired ten years ago, his children are all successful, and he now can take it easy. Rowland Scherman's photos show how seldom he does.

PICTURE CREDITS: 2, Vytas Valaitis, *Newsweek*; 6, top row — John Springer Collection; Culver Pictures; Seven Arts; bottom row — Jack Stager, *Globe*; Culver Pictures; William Cloxton, *Globe*; 7, Jack Harris, *Globe*; 9-10, Neil Leifer, courtesy of Pageant; 11, United Press International; 12, Flip Schulke, *Black Star*; 13, Fritz Goro, *Life* (2); 14, Red Kelso; 15, Jane Doggett and Malcolm Smith; 16-17, Baltazar Korab; 18, Ezra Stoller Associates; 19, Sergio Larrain, *Magnum*; 20-21, left — Baltazar Korab; top right — Trans World Airlines from Ezra Stoller Associates; bottom right — Alexandre Georges, courtesy Philip Johnson Associates; 22, W. Eugene Smith, color engraving courtesy of *Life*; Baltazar Korab; 23, Ezra Stoller Associates; 24, Julius Schulman; Maria E. T. Stone; 25, Fred Lyon; 26, Malcolm Smith; 27, Hedrich-Blessing; 29, Erich Locker from Chase Manhattan Bank; 30, Ivan Massar, *Black Star*; 36, Laura Winslow; 37-39, Fred Maroon; 42, Philadelphia City Planning Commission; 43, Skyphotos, Inc.; 44, Philadelphia City Planning Commission; Joseph Nettis; 46, Philadelphia City Planning Commission; 50-51, Ira Rosenberg, *New York Herald Tribune*; 54, Friedman-Abeles; 55, Continental Distributing, Inc.

Пикеты забастовщиков спокойно маршировали, публика нервничала, а представители профсоюзов и издателей спорили и в конце концов пришли к соглашению.

ЗАБАСТОВКА НЬЮ-ЙОРКСКИХ ГАЗЕТ

Джемс С. Уомсли

■ Некоторые назвали те дни потерянными для истории. Один из профсоюзных деятелей окрестил ее «забастовкой, которая должна навсегда покончить с газетными забастовками». Быть может, до тех пор, пока в Нью-Йорке будут грохотать ротационные машины, ее будут вспоминать как «великую забастовку».

Она продолжалась 114 дней, помешала выходу в свет 600 000 000 экземпляров нью-йоркских газет и создала вакуум, отнявший от жизни восьми с лишним миллионов нью-йоркцев ее привычный вкус и аромат.

До забастовки в крупнейшем американском городе выходило девять больших ежедневных газет. Их общий суточный тираж — около 6 000 000 экземпляров, и рассчитаны они на читателя, одновременно и невзыскательного, и избалованного. Для типичного жителя Нью-Йорка газета (а нередко три или четыре газеты в день) — это собеседник, наставник, источник развлечения и средство, с помощью которого в течение дня, начиная с завтрака и кончая вечерней поездкой с работы, можно находить уединение. И весь этот удобный, устоявшийся порядок рухнул в ночь на 8 декабря 1962 года, когда руководитель профсоюза тоном, не предвещавшим ничего хорошего, категорически заявил: «Теперь уже поздно!»

С этого дня вплоть до 31 марта следующего года нью-йоркцы читали все, что попадалось под руку. Иногородние газеты раскупались нарасхват, а некоторые читатели успели живо заинтересоваться делами соседних штатов — Нью-Джерси, Пенсильвании и Коннектикута — и даже стать болельщиками тамошних спортивных команд. Объем передач последних новостей по радио и телевидению чрезвычайно увеличился, и широко известные газетные комментаторы стали появляться на экранах телевизоров, где журналистам средней руки, обладавшим представительной внешностью и приятным голосом, нередко отдавалось предпочтение перед более даровитыми и авторитетными. Но ничто не помогало. Житель Нью-Йорка, лишенный собственной газеты, — это человек, выбитый из колеи, и таким он оставался до 1 апреля 1963 года, когда читатель вместе с бойкой малоформатной газетой «Миррор» мог наконец воскликнуть: «Нью-Йорк снова ожил!»

Именно под таким заголовком поперек всей первой страницы «Миррор» сообщила об окончании забастовки.

СРОКИ ИСТЕКАЮТ

Почему все это произошло? Почему стачка так затянулась? Кто был виновником забастовки и кто вышел из нее победителем? Определенно ответить на эти вопросы довольно трудно, но тщательный анализ может привести нас на верный след.

Рабочий лагерь был представлен соглашением девяти профсоюзов, объединяющих производственных рабочих газетного дела. За многие годы мирного сотрудничества рабочих с работодателями эти профсоюзы сплотились в Нью-Йорке в сильное братство и добились того, что их коллективные договоры с издателями истекали в одни и те же сроки. Лишь десятому профсоюзу, так называемой «Газетной гильдии», в которую входят сотрудники редакций, работники отделов объявлений и конторские служащие, приходилось перезаключать свой договор немного раньше. Это не мешало Газетной гильдии почти во всем солидаризироваться с производственными профсоюзами.

По неписанному закону рабочего движения — «все за одного и один за всех» — новый коллективный договор, заключенный с одним из десяти профсоюзов, служил образцом для остальных. Вот почему Газетная гильдия автоматически стала указывать путь девяти своим собратьям. Так обстояло дело до осени 1961 года, когда руководство одного из девяти — Международного типографского профсоюза (МТП), настроенного особенно воинственно, заявило, что не станет больше следовать традиционной практике пассивного принятия условий, выработанных Газетной гильдией.

После сравнительно короткой забастовки в начале ноября Газетная гильдия заключила новый коллективный договор. Но еще до его подписания девять других профсоюзов, во главе с МТП и его тремя тысячами нью-йоркских печатников, зловеще пригрозили игнорировать новый договор.

МТП удалось занять руководящее положение в рядах девяти производственных профсоюзов главным образом благодаря усилиям председателя нью-йоркского отделения МТП Бертрама А. Пауэрса — своего рослого и серьезного лидера. Пауэрс считал, что его организация, созданная более ста лет тому назад, несколько ослабила свои усилия в борьбе за дальнейшее повышение зарплаты и улучшение условий труда, хотя, по данным на осень 1961 года, средний недельный заработок члена МТП никак нельзя было назвать недостаточным: он равнялся 141 доллару (127 рублям по официальному курсу) при 36¼ рабочих часах в неделю. Работы в ночной смене и сверхурочные значительно повышали заработок. Пауэрса беспокоили, кроме того, успехи автоматизации, особенно в наборном деле, медленно, но верно уменьшавшие потребность в рабочих руках.

Один из администраторов, часто встречавшийся с Пауэрсом во время забастовки, охарактеризовал его в частном разговоре как «честного, демократически настроенного и... невыносимого субъекта». Почитатель Пауэрса из числа профсоюзных деятелей отозвался о нем, как о «самом способном и дальновидном лидере рабочих полиграфической промышленности». И во время забастовки, и после нее легко можно было заметить, что крайние позиции Пауэрса отражали настроение нью-йоркской организации.

Со стороны работодателей Пауэрсу противостоял Эмори Брандфорд — адвокат и бывший государственный служащий, состоявший тогда вице-президентом газеты «Нью-Йорк таймс». По словам посредника, Брандфорд — самый тонкий ум среди администраторов, хотя и «довольно вспыльчив». Администрация девяти газет через Ассоциацию издателей поручила Брандфорду представлять все эти газеты при переговорах.

Издатели опасались, как бы слишком большие уступки не привели к финансовому краху нескольких газет. Лишь две из девяти газет — «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс» — постоянно давали прибыль, остальные едва покрывали расходы поступлениями от подписки и объявлений. От соглашения с профсоюзами зависело самое их существование.

Переговоры начались в июле 1962 года, то есть задолго до забастовки 8 декабря, и несколько месяцев носили характер обычных предварительных стучек. За это время печатники, потребовавшие явно фантастическую прибавку 98 долларов в неделю, снизили эту цифру лишь до 83. Единственное контрпредложение администрации сводилось к столь же неприемлемой 8-долларовой прибавке. Такова была ситуация, сложившаяся к шести часам вечера 7 декабря — всего за восемь часов до истечения срока старого договора. Стремясь проникнуть за дымовую завесу формальных требований, представитель издателей Брандфорд попытался прощупать наименьшую цифру, действительно приемлемую для профсоюза. Пауэрс ее не назвал. Тогда Брандфорд посоветовал издателям предложить недельную прибавку в 9,20 доллара (то есть на 70 центов больше договоренной раньше с Газетной гильдией ставки): «Посмотрим, что ответят профсоюзы, а затем накинем еще доллар, если только это приведет к соглашению».

Пауэрс выслушал предложение и отправился на заседание объединенного комитета девяти союзов. В 10 часов вечера он вернулся, сообщил, что его профсоюз (МТП) отклонил предложенную прибавку, и тотчас же удалился, не сделав никакого контрпредложения. Между тем, другой профсоюз — развозчиков газет — в ходе сепаратных переговоров согласился на недельную прибавку в 10,07 доллара. В час ночи на 8 декабря он обратился к объединенному комитету с просьбой утвердить договор. Однако Пауэрс в качестве главного представителя профсоюзов возглавил оппозицию, которая и отклонила просьбу пятью голосами против четырех. В происшедшей затем короткой перепалке глава профсоюза развозчиков заявил, что его организация все равно примет предложение администрации.

«Как бы вы ни поступили, — резко парировал Пауэрс, — мы бросаем работу в два часа ночи, если не получим удовлетворительного предложения». Поскольку все профсоюзы обязались поддерживать друг друга, это означало начало общей забастовки. Союз развозчиков настаивал, чтобы Пауэрс точно сказал, на что он согласится. Но дипломатичный лидер МТП заявил, что не скажет этого ни работодателям, ни объединенному комитету профсоюзов. «Пусть мне сделают достаточно хорошее предложение», — был его единственный ответ. Подобная тактика — не редкость в ранней стадии переговоров: она позволяет представителям профсоюзов прощупать предел уступчивости работодателей.

Однако без четверти два, то есть за 15 минут до назначенного им самим срока, Пауэрс выступил с контртребуем: прибавка в 38 долларов в неделю. Это более чем вчетверо превышало самое высокое предложение работодателей. Правительственный посредник, терпеливо старавшийся привести стороны к соглашению, предложил не считаться со сроками и продолжать переговоры. «Теперь уже поздно!» — ответил профсоюзный представитель. Вошел один из издателей и сообщил, что перед зданием его газеты расхаживают пикетчики.

Забастовка началась.

ЗАБАСТОВКА!

Несмотря на предостережения, раздававшиеся в предшествовавшие забастовке месяцы, она застала большинство жителей Нью-Йорка врасплох. Одной из причин была просто их неспособность представить себе жизнь без местных газет. Другая заключалась в том, что уже длинный ряд лет

и даже десятилетий не было ни одной сколько-нибудь серьезной или длительной забастовки, охватившей все нью-йоркские газеты. Тут нет ничего удивительного: в наши дни рабочие организации сравнительно редко прибегают к последнему оружию — стачке. Подавляющее большинство договоров между рабочими и администрацией, определяющих уровень зарплаты, условия труда и различные дополнительные привилегии трудящихся, подписываются задолго до истечения срока предыдущих соглашений. В прежние времена, когда предприниматели противились самой идее переговоров с профсоюзами, забастовки происходили гораздо чаще.

Теперь, когда право профсоюзов на организацию трудящихся и на коллективные переговоры с администрацией строго охраняется законодательством, оружие забастовки применяется лишь в тех редких случаях, когда, по мнению профсоюза, дело идет об исключительно важных вопросах. Вообще же и профсоюзы и работодатели предпочитают компромисс, поскольку забастовка неизбежно означает материальные убытки для трудящихся, потери прибылей для предпринимателей и неудобства для широкой публики. Но, несмотря на все это, право забастовки признается всем американским народом: каждый рабочий может оставить работу в знак протеста против ее условий и имеет право голоса при выработке этих условий. Конечно, как и всякое иное право, забастовкой можно пользоваться разумно или неразумно, но такова уж природа свободы, что она позволяет людям ошибаться и высказывать непопулярные взгляды. Вот почему, хотя многие и ворчали на печатников, никто однако не ставил под серьезное сомнение их право на стачку.

Сначала забастовка ограничивалась печатниками, работающими в наиболее доходных газетах города: «Нью-Йорк таймс», «Дэйли ньюс», «Джорнал-Американ» и «Уорлд-телеграм энд Сун». Пауэрс заявил, что разрешит печатникам продолжать работу в пяти других, менее прибыльных газетах: «Геральд трибюн», «Пост», «Дэйли миррор» (которую осенью 1963 года купила газета «Дэйли ньюс»), «Лонг Айленд стар-Джорнал» и «Лонг Айленд пресс». Но в пять часов утра 8 декабря, то есть спустя три часа после начала забастовки, четыре из пяти незатронутых ею газет сообщили, что они также прекращают выход, а пятая решила печатать лишь свое пригородное издание. Таким образом, издатели тоже выступили сплоченной фалангой. Они понимали, что, лишь сохраняя единство, они могут заставить печатников пойти на разумный компромисс.

Нужно оговориться, что все цифры, относящиеся к предложениям и контрпредложениям сторон при переговорах о заключении коллективных договоров, — это цифры-брутто. В них входит не только еженедельная зарплата рабочего в денежном выражении, но и все дополнительные его доходы. К последним обычно относятся: оплаченный отпуск по болезни, взносы работодателя на коллективное медицинское страхование, а также в пенсионный и другие фонды. Забастовавшие печатники требовали прибавки по всем указанным статьям. Но и этим дело не ограничилось.

Обе стороны признавали, что в дальнейшем коллективные договоры всех профсоюзов должны истекать в одно и то же время. Но Пауэрс настаивал, чтобы конечной датой было 7 октября 1964 года, когда истекал срок уже подписанного Газетной гильдией договора (большинство договоров заключается на два года). Издатели же считали, что сроки договоров должны исчисляться с момента окончания забастовки. Они возражали против октябрьской даты, так как, по их мнению, истечение договора перед наступлением рождественского сезона (когда наплыв объявлений дает газетам значительную часть их годового дохода) должно было усилить позиции профсоюзов в будущих переговорах.

Печатники не скрывали своего беспокойства по поводу намерения издателей увеличить число автоматических наборных машин. Правда, администрация соглашалась гарантировать, что ни один постоянный работник не будет уволен в связи с автоматизацией. Но профсоюзы хотели, кроме того, чтобы часть экономии от автоматизации поступала в специальный фонд для переобучения рабочих и снижения пенсионного возраста.

До забастовки печатники, как правило, работали 36¼ часов в неделю. Теперь они требовали 35-часовой рабочей недели. Газетная гильдия уже добилась сокращения числа рабочих часов. Представители МТП утверждали, что рабочие могут справиться с работой в более короткое время, добровольно сократив на четверть часа перерыв, предоставляемый им прежним договором на умывание в конце рабочего дня. Но по мнению администрации такое обещание отнюдь не гарантировало, что рабочие не будут тратить на умывание время фирмы.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Специалисты по вопросам труда, работающие в федеральной Службе посредничества и примирения, часто встречались с представителями договаривающихся сторон в период, предшествовавший забастовке. Сам министр труда У. Уиллард Уиртц, в сущности говоря, жил между своим Вашингтонским кабинетом и нью-йоркской конторой, где велись переговоры. Когда же забастовка все-таки разразилась, Уиртц и его неутомимые сотрудники удвоили усилия. Однако роль правительства в подобных случаях — это роль помощника, а не начальства. По американскому закону о трудовых взаимоотношениях, спорящие стороны сами вырабатывают соглашение в рамках определенной легальной процедуры. Чтобы помочь им прийти к ра-

зумному компромиссу, правительство предлагает услуги посредников. Во мнение посредника, в отличие от решения арбитра, не обязательно для спорящих сторон. Лишь в том случае, когда обе стороны заранее согласятся принять решение посредника, правительственные арбитры могут выносить окончательное решение. В данном случае издатели соглашались на арбитраж, а печатники своего согласия не давали.

Проходили недели. Президент Кеннеди разрешил своему пресс-секретарю Пьеру Салинджеру использовать авторитет Белого Дома в целях посредничества. Но ни Салинджер, ни многие другие авторитетные лица не могли сдвинуть с места зашедшие в тупик переговоры.

Первые признаки просвета появились 30 декабря, когда мэр Нью-Йорка Роберт Вагнер, председатель Центрального городского рабочего совета (представляющего почти все местные профсоюзы) Гарри Ван Арсдейл, Пауэрс и Брайфорд встретились на дому у мэра и совещались 14 часов подряд. На короткий миг блеснула надежда, когда издатели дали понять, что могут согласиться на 35-часовую неделю, а профсоюзный лидер снизил требуемую прибавку-брутто (среднее повышение заработной и добровольных доходов) до 16,42 доллара в неделю, то есть уступил более половины того, что запрашивал в начале забастовки. Но когда Брайфорд ответил на это предложением 10-долларовой прибавки, надежда погасла.

Убедившись, что переговоры снова зашли в тупик, министр труда Уиртц связался с губернатором штата Нью-Йорк Нельсоном Рокфеллером и мэром Вагнером. Сообщая они назначили комиссию из трех видных судей для исследования причин забастовки и для выяснения того, насколько добросовестно работодатели и профсоюзы относятся к своим обязанностям по отношению к публике. Пауэрс решил бойкотировать новую комиссию, но семь других профсоюзов приняли участие в ее работах. В своем заключительном докладе трое судей возлагали главную ответственность на МТП, обвиняя печатников в том, что они затеяли длительную забастовку с целью заставить издателей уступить — или обанкротиться.

Судьи начали 12 января новый тур переговоров с участием печатников, издателей и посредников, назначенных городом, штатом и правительственными ведомствами. Но это ни к чему не привело, и положение даже ухудшилось. Надежды на соглашение постепенно исчезали, и издатели перешли к новой тактике — к попыткам расколоть единый профсоюзный фронт.

Владельцы газет хотели соблазнить рабочих других специальностей выйти из-под ферулы МТП и подписать отдельные договоры, принудив тем самым Пауэрса согласиться на аналогичные условия; в противном случае союзы могли бы самовольно прекратить стачку. Но хотя некоторые профсоюзы и согласились выслушать новые предложения, ни одно из них не оказалось достаточно привлекательным для нарушения рабочей солидарности.

Так последняя карта издателей была бита. Однако мэр Вагнер продолжал свои попытки примирения. Январь уже перевалил за половину, а жизнь Нью-Йорка в новом году все еще не отражалась в ежедневной летописи газет.

Пресс-секретарь Белого Дома Пьер Салинджер приехал в Нью-Йорк 22 января, сразу после произнесения (одобренной Президентом) речи, в которой подчеркнул, что забастовка создала совершенно невыносимое положение. Салинджер совещался с министром труда Уиртцом, который смотрел на дело оптимистически и считал, что Пауэрс становится сговорчивее. По мнению Уиртца, Пауэрс мог прекратить забастовку при валовой прибавке в 12,5 доллара. Однако, надежды министра рухнули, когда Пауэрс вдруг предъявил ряд требований, которые оказались куда более жесткими, чем перечисленные им лишь накануне в беседе с представителем Белого Дома. На упрек Уиртца в том, что он изменил свои требования почти по каждой важнейшей статье, Пауэрс ответил, что его неправильно поняли.

Уиртц и Салинджер прервали — на некоторое время — переговоры и улетели сейчас же в Вашингтон.

МЭР ВМЕШИВАЕТСЯ В КОНФЛИКТ

За дело тогда вновь взялся мэр Вагнер и начал засыпать телеграммами всех заинтересованных лиц. Он заявил, что решил вмешаться в конфликт в качестве посредника и предложил всем издателям и профсоюзным представителям явиться в муниципалитет и заседать там до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение. Профсоюзы отозвались на предложение мэра без особого энтузиазма, а уполномоченный издателей Брайфорд встретил его более чем холодно. Он опасался, что мэр и его главные помощники в делах посредничества (Ван Арсдейл и работник городского управления Теодор У. Кил) капитулируют перед печатниками и приведут издателей к поражению.

Но Брайфорд очутился в полном одиночестве. Владельцы газет отвергли мнение своего представителя и заявили, что об отклонении плана мэра и думать нельзя. Делегации обеих сторон явились к мэру в полном составе. Так начался новый тур переговоров, затянувшийся на 60 дней — и ночей.

Сперва переговоры пошли неожиданно успешно. Пауэрс снизил свой минимум до 13,75 доллара, а издатели повысили прибавку до 11,04. Известный прогресс наметился и по вопросу об автоматизации. Но все застопорилось из-за требования 35-часовой рабочей недели. Взаимное раздражение нарастало, и Брайфорд грозил прервать переговоры. Так же вел себя и посредник Кил. Хотя ни тот, ни другой не осуществил своей угрозы, однако переговоры в муниципалитете к концу второй недели снова зашли в тупик.

Не только издатели, но и посредники и представители профсоюзов все

больше жаловались на Пауэрса, который так часто менял свои слова и брал их назад, что просто невозможно было угадать его истинные намерения. Одно из возможных объяснений его поведения состояло в следующем: Международный типографский союз, в который входила возглавляемая Пауэрсом нью-йоркская организация, назначил всеамериканский референдум среди 115 000 своих членов по вопросу о трехпроцентном отчислении из зарплаты для пополнения профсоюзного стачечного фонда (такие фонды создаются американскими профсоюзами для поддержки бастующих рабочих). Опустошенный нью-йоркской забастовкой и стачкой печатников в Кливленде, фонд уже задолжал около 2 000 000 долларов местным организациям МТП по займам, которые ему пришлось сделать для еженедельных выплат бастующим печатникам. Новый референдум был назначен на 6 февраля, и от его исхода зависела платежеспособность нью-йоркского МТП. В период, предшествовавший референдуму, отношения Пауэрса с его коллегами по другим производственным профсоюзам заметно испортились: союзники обвиняли Пауэрса в намеренном затягивании переговоров, так как самая возможность ликвидации забастовки могла лишить его надежды на благоприятный исход голосования о трехпроцентном отчислении.

Представители администрации, напротив, сохранили прочное единство и открыто выражали свое недовольство черепащими темпами переговоров. Перед закрытием одного особенно нудного заседания один из издателей саркастически бросил: «Мы словно барахтаемся в бочке с патокой».

Шестого февраля члены МТП большинством трех четвертей голосов утвердили отчисление, обеспечив таким образом выплату недельных пособий забастовщикам. Вместе со штатным пособием по безработице, эти выплаты давали каждому бастующему в среднем немногим больше 120 долларов в неделю, то есть сумму, очень близкую к той, которую он после всех вычетов получал за рабочую неделю. Издателям приходилось туже: хотя их страховые полисы и предусматривали компенсацию потерь от забастовки (совершенно так же, как индивидуальное страхование по болезни обеспечивает оплату расходов при несчастном случае), однако, они уже в первые месяцы забастовки успели получить от страховых компаний 2 250 000 долларов, а затем сроки полисов истекли и платежи прекратились.

После референдума мэр Вагнер пригласил председателя всего Международного типографского союза Элмера Брауна в Нью-Йорк для участия в переговорах: Вагнер собирался созвать на 8–11 февраля совещание, которое, по его предположениям, должно было стать решающим. Но несмотря на присутствие главы МТП и на неофициальные усилия члена Верховного Суда Артура Гольдберга (бывшего министра труда, а до того — видного адвоката и профсоюзного юрисконсульта), бесконечные разговоры, продолжавшиеся с пятницы до понедельника включительно, окончились ничем. Объявив старания мэра «совершенно бесплодной тратой времени», Браун возвратился к себе в Колорадо, в центральное правление МТП.

Следующее крупное событие произошло 21 февраля, когда Президент Кеннеди начал свою очередную пресс-конференцию в Вашингтоне суровым осуждением позиции Пауэрса, назвав его требования вымогательскими.

«Поскольку можно судить об их позиции, — сказал покойный Президент о Пауэрсе и о нью-йоркском отделении МТП, — они пытаются навязать условия, которые могут повести к закрытию нескольких нью-йоркских газет и лишить работы тысячи людей». Президент предложил передать спор беспристрастному третейскому судье на рассмотрение.

Предложение было тотчас же подхвачено издателями. Они призвали к немедленному окончанию забастовки и к передаче всего дела на арбитраж. Три профсоюза (в их числе МТП не было) выступили с контрпредложением: если в течение следующей недели не будет достигнуто соглашение, просить мэра выработать условия договора. Что касается Пауэрса, то, относясь по-прежнему враждебно ко всякому вмешательству правительства, он все-таки заявил одному из представителей мэра: «Если вы собираетесь выступить с новыми предложениями, не распространяйтесь о них наперед. Просто выкладывайте ваши карты на стол. Если условия нам подойдут, мы пойдем вам навстречу. Если нет — скажем вам без обиняков».

Однако, прежде чем из всех этих новых обстоятельств могло что-нибудь впоследствии произойти, в расстановке сил произошло первое существенное изменение: 28 февраля Дороти Шифф, издательница «Нью-Йорк пост» (самой скромной по тиражу и наименее материально обеспеченной из заинтересованных газет) заявила, что 4 марта она возобновляет выпуск газеты. Раздраженная отказом Ассоциации издателей назначить ее представителя в состав делегации по переговорам и отчаявшись в благоприятном для работодателей исходе забастовки, она пришла к заключению, что «положение невыносимо». Когда миссис Шифф объявила о своем решении, Пауэрс оказался на ее стороне. Он подчеркнул, что «Пост» не связана обязательством платить печатникам прибавку по новому договору, когда последний будет наконец заключен. (Не мешает напомнить, что «Нью-Йорк пост» не входила в число газет, затронутых забастовкой, а была среди тех пяти, которые прекратили выход в знак солидарности.)

ВЫХОД НАМЕЧАЕТСЯ

Теперь, когда «Пост» возобновила издание, более чем удвоив свой тираж и доведя его до 800 тысяч, нью-йоркцы получили хотя бы одну газету, немало смягчившую общественное недовольство забастовкой. Этот факт, а

УВЕЛИЧЕНИЕ ЗАРАБОТКОВ ПЕЧАТНИКОВ ПО НОВОМУ ДОГОВОРУ

	Зарплата в неделю (в долл.)		Число рабочих часов в неделю		Сверхурочные за час (в долл.)	
	прежде	теперь	прежде	теперь	прежде	теперь
Утренняя смена	141	149	36¼	35	3,89	4,26
Вечерняя смена	146	156	35	33¾	4,03	4,46
Ночная смена	151	163	35	33¾	4,31	4,83

АВТОМАТИЗАЦИЯ:

По новому договору, печатники соглашаются на автоматический набор биржевых таблиц наборными цехами на стороне, в обмен на обязательство издателей не сокращать рабочих в связи с автонабором. Издатели соглашаются также делить с рабочими все суммы, сэкономленные предприятием благодаря автоматизации.

ОТПУСК ПО БОЛЕЗНИ:

К оплаченному отпуску по болезни прибавляется два дня в год. Они оплачиваются из фонда, образованного взносами рабочих и предпринимателей.

ПРАЗДНИКИ:

Число оплачиваемых праздников (8) остается прежним. Но по новому договору рабочим, занятым неполный день и проработавшим в предыдущем году больше 120 дней, оплачиваются 8 праздничных дней и отпуск по болезни.

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД:

Еженедельный взнос работодателя в пенсионный фонд увеличивается по новому договору с 0,90 до 1,28 доллара на каждого рабочего.

также приближение пасхального сезона с его наплывом объявлений, приносящих обычно значительный доход газетам, придали новую энергию мэру Вагнеру. Председатель МТП Элмер Браун снова приехал из Колорадо, чтобы встать во главе профсоюзной делегации. Вагнеру пришлось теперь заняться разработкой деталей. Со своим главным советником Килом мэр проводил долгие часы, составляя исключительно сложный договор, который должен был удовлетворить все заинтересованные стороны. Проект договора был готов 7 марта.

План мэра предусматривал общее увеличение зарплаты и дополнительных привилегий на 12,63 доллара в неделю или, в круглых цифрах, на 2,50 доллара больше того, что рабочие могли получить без забастовки. Цифра эта составлялась из 4-долларовой прибавки к еженедельной зарплате в течение первого года и еще из 4 долларов во втором, плюс повышение дифференциала при работе в ночной смене и увеличение оплаченного отпуска по болезни. В план мэра входили многие из опубликованных Пауэрсом «принципиальных требований». Начиная со второго года, рабочие, отказываясь от 15 минут на умывание, переходили на 35-часовую рабочую неделю. Удовлетворялось также требование профсоюзов об одновременном истечении сроков всех договоров, хотя общая дата была не та, которой добивался Пауэрс. Число автоматических наборных машин ограничивалось двумя третями предполагаемого администрацией; кроме того, создавалась специальная комиссия для изучения вопроса об отчислениях в пользу рабочих части сумм, сэкономленных на автоматизации.

Внимательно ознакомившись с планом мэра, издатели без промедления ответили: «Мы согласны, если согласятся профсоюзы». Однако на профсоюзной стороне дело пошло не так гладко.

Браун и другие лидеры МТП сейчас же приняли план мэра, но натолкнулись на каменную стену сопротивления со стороны Пауэрса и местного отделения МТП (в американском рабочем движении местные профсоюзные органы пользуются большой автономией). Совещание затянулось. В последний момент появление на нем видного профсоюзного деятеля Гарри Ван Арсдэйла придало делу новый оборот. «Это глупо, — резко заявил Арсдэйл. — Своим отказом Пауэрс вредит не только себе и своему профсоюзу, но и всему рабочему движению».

Битых полтора часа Пауэрсу пытались втолковать справедливость предлагаемого договора. Ему доказывали, что дальнейшее упрямство может породить в широких кругах населения враждебность к профессиональным союзам вообще и возможно даже вызовет законодательные ограничения. Пауэрса наконец уломали.

Но тут неожиданно обнаружилось, что несговорчивый лидер местного МТП отнюдь не является диктатором. Члены профсоюза должны были утвердить коллективный договор путем голосования, и недовольные не-

медленно подняли на смех денежную прибавку как недостаточную, а статьи договора, охранявшие права рабочих, объявили слишком слабыми. 17 марта члены МТП отвергли договор 1621 голосом против 1557.

Мэр Вагнер и посредник Кил вместе с издателями и профсоюзными деятелями, одобрявшими договор, начали энергичную кампанию, имевшую целью убедить печатников, что предложенное соглашение — лучшее из возможных и что большего им не добиться, если даже забастовка затянется еще на сто дней. Их доводы возымели действие: при втором голосовании договор был утвержден значительным большинством.

Второе голосование происходило в «Мадисон сквер гарден», одном из самых больших в стране спортивных залов. Митинг состоялся днем, а на вечер была назначена игра в хоккей. Доказывая Пауэрсу, как важен положительный исход голосования, Кил не мог удержаться от остроты: «Платформа, на которой вы стоите, построена на льду, и лед этот очень тонок. Помните об этом!»

Лед выдержал, но, несмотря на утверждение договора местным МТП, печатные станки стояли по-прежнему. Остальные восемь профсоюзов, хотя и соглашались на прибавку в 12,63 доллара, но требовали различных оговорок и поправок, применительно к своим специальностям. Цинкографы хотели более продолжительных отпусков и более короткой рабочей недели и угрожали продолжать забастовку до бесконечности, если их требования не будут удовлетворены. Другие профсоюзы требовали выработки детальнейших условий, и каждое из них нуждалось в обсуждении. В этот период Пауэрс играл роль миротворца, особенно по отношению к воинственным граверам. Однако, после бурного голосования, и граверы убрали наконец последнюю баррикаду.

Долгая безгазетная зима кончилась. Громadne ротационные машины снова завертелись полным ходом.

БАЛАНС ЗАБАСТОВКИ

Все в этой забастовке казалось грандиозным особенно потому, что произошла она в такой отрасли промышленности, где отношения между рабочими и предпринимателями в течение многих лет были сравнительно устойчивыми и мирными. В сущности, вся страна была удивлена столь решительным применением профсоюзами их ультимативного оружия. Десятки лет прошли с тех пор, когда рабочее движение только организовывалось, когда сопротивление предпринимателей было упорным и стачки случались часто и носили бурный характер. Теперь все это в прошлом, и рабочие и работодатели сознают, что в громадном большинстве случаев взаимные уступки ведут к спокойным и разумным решениям, обеспечивающим увеличение доли рабочих в растущих прибылях предприятий. Вот почему подавляющее большинство — 97 процентов — коллективных договоров перезаключается ныне без остановки работ.

Здравый смысл одержал наконец верх в Нью-Йорке. Некоторые наблюдатели полагают, что давление общественного мнения сыграло роль при устранении незначительных расхождений, задержавших подписание договора в последние недели.

Нерешенным остается вопрос: нужна ли была вообще эта забастовка? Стоило ли газетам терять доход, а профсоюзам растрачивать запасные фонды? Кроме того, пострадали ведь и многочисленные предприятия, не затронутые забастовкой непосредственно. Нью-йоркские рестораны, например, понесли убытков на 16 000 000 долларов, поскольку объявления в газетах играют громадную роль в привлечении как туристов, так и местных жителей. Владельцы газетных киосков потеряли почти 12 000 000 долларов. И примерно 12 000 000 долларов недополучили на налогах федеральное казначейство и штат Нью-Йорк.

Сами бастующие не перенесли, как мы видели, больших лишений: благодаря государственному страхованию от безработицы и профсоюзным пособиям их поступления во время забастовки были близки к обычной зарплате. Но и они пострадали из-за истощения профсоюзных фондов, которые им придется пополнять путем особого обложения.

Многие придерживаются того мнения, что выигранные рабочими прибавки в сравнении с тем, что они получили бы без забастовки, едва ли оправдывают ее громадную стоимость и причиненные ею неудобства. Некоторые возлагают вину за искусственное затягивание стачки персонально на Бертрама Пауэрса.

Другие, однако, с этим не соглашаются. Они указывают, например, на то обстоятельство, что Пауэрс через месяц после забастовки был переизбран тремя четвертями голосов членов своего профсоюза, из чего явно следует, что он руководил забастовкой в полном согласии с настроениями большинства. Сторонники этой точки зрения идут дальше, защищая забастовку как форму законного выражения рабочими чувств собственного достоинства и независимости и права трудящихся непосредственно участвовать в выработке условий своей работы.

Не подлежит сомнению одно: подобно тому как демократические и парламентские процедуры замедляют иногда политическое развитие, так и забастовки могут временно замедлить развитие производительных сил. Но, по твердому убеждению большинства американцев, в обоих случаях то, что выигрывает свобода и человеческое достоинство, больше чем уравновешивает материальные потери и неудобства.

Сузан Бэйли

ЗВЕЗДОЧКА СТАЛА ЗВЕЗДОЙ

Натали Вуд (под таким именем известна в кино 24-летняя Наташа Гурдина) считается одной из самых юных «ветеранок» Голливуда. Сниматься в фильмах она начала с четырех лет. Успешно завершив «кинодетство», Наташа очень скоро стала кумиром подростков. Сейчас она законченная, горячо преданная любимому делу звезда экрана. В воспитании актрисы

немалую роль сыграла ее мать, балерина Мария Кулева, уроженка России. О своих способностях Натали Вуд отзывается очень скромно: «Леди Макбет мне никогда не сыграть». Возможно, она и права, но тем не менее обаяние и непосредственность этой очаровательной женщины как на экране, так и в жизни делают ее одной из самых популярных актрис Голливуда.

1946 год. В фильме «Завтра — это навсегда». Наташа исполнила роль девочки-сиротки, которую воспитывают приемные родители.

1953 год. Молодая актриса выступила в фильме «Кинозвезда» совместно с Бетти Девис.

1955 год. Фильм «Бунтарь без идеи» принес большую славу Натали Вуд и ее партнеру Джемсу Дину.

1958 год. Кадр из фильма «Марджори Морнингстар», где Натали Вуд выступила в главной роли.

1961 год ознаменовался переходом актрисы на роли взрослых. На снимке: кадр из кинофильма «Великолепие в траве».

1963 год. В мелодраме «Любовь с подходящим незнакомцем» партнером Натали был Стив Маккуин.

Роль пуэрториканской девушки в нашумевшем фильме «Уэстсайдская повесть» Натали Вуд завоевала любовь кинозрителей во всем мире.

СМЕЮЩИЙСЯ ЮНОША

ОЛИВЕР ЛА ФАРЖ

На юго-западе Соединенных Штатов мирно и дружно живут навахи, индейское племя, отличающееся тонким художественным вкусом. Что бы этот талантливый народ ни создавал — серебряные украшения, домотканые материи или танцы — все исполнено изяществом, грацией и красотой. Вряд ли кому-нибудь, не принадлежащему к их племени, удалось с ними так близко познакомиться, как Оливеру Ла Фаржу, скончавшемуся в прошлом году американскому антропологу и писателю. Именно навахам он посвятил свой нашумевший роман «Смеющийся Юноша». В этом произведении, удостоенном в 1930 году Пулицеровской премии, Оливер Ла Фарж тепло и трогательно рассказывает о любви двух молодых навахов. Мы выбрали из его романа отрывок, где описывается встреча Смеющегося Юноши, молодого наваха, выросшего в старых традициях, со Стройной Девушкой, на воспитание которой оказала сильное влияние жизнь современной Америки. Перед глазами читателей разыгрывается трагическое столкновение старого с новым. Мы будем весьма признательны читателям, интересующимся английским языком, если они сообщат нам свои пожелания и отзывы по поводу печатаемых в оригинале отрывков. Адрес редакции указан под оглавлением номера.

A small drum beating rapidly concentrated the mixed noises into a staccato unison. Young men gathered about the drummer. Laughing Boy might have eaten more, but he left the fire immediately with Jestig Squaw's Son. Some one led off high-pitched at full voice,

Yo-o galeana, yo-o galeana, yo-o galeana . . .

By the end of the second word the crowd was with him; more young men hurried up to join the diapason,

Galeana ena, galeana eno, yo-o ay-e hena ena . . .

They put their arms over each other's shoulders, swaying in time to the one drum that ran like a dull, glowing thread through the singing, four hundred young men turning loose everything they had.

A bonfire twenty feet long flared to the left of them. Opposite, and to the right, the older people sat wrapped in their blankets. Behind them, men crouched in their saddles, heads and shoulders against the night sky, nodding time to the rhythm, silent, with here and there a reflection of firelight on a bit of silver, a dark face, or a horse's eye.

Twelve girls in single file stole into the open space, moving quietly and aloof as though the uproar of singing were petrified into a protective wall before it reached them. Only the pulse of the drum showed in their steps. They prowled back and forth before the line of young men, considering them with predatory judgment.

Laughing Boy at the back of the crowd looked at them with mild interest; he liked to watch their suave movements and the rich display of blankets and jewelry. One caught his attention; he thought she had on more silver, coral, turquoise, and white shell than he had ever seen on any one person. He speculated on its value — horses — she must have a very rich mother, or uncles. She was too slender, seeming frail to dance in all that rich, heavy ornamentation. He wished she would move more into the firelight. She was well dressed to show off what she wore; silver and stones with soft high-lights and deep shadows glowed against the night-blue velveteen of her blouse; oval plaques of silver were at her waist, and ceremonial jewels in the fringe of her sash. Her blue skirt swung with her short, calculated steps, ankle-length, above the dull

Copyright 1957 by Oliver La Farge, Houghton Mifflin Company

red leggings and moccasins with silver buttons. The dark clothing, matching the night, was in contrast to the other dancers, even her blanket was mainly blue. He felt animosity towards her, dark and slight, like a wisp of grass — only part of a woman. Her gaze, examining the singers, was too coolly appraising. Now she was looking at him. He threw his head back, losing himself in the singing. He wished he, too, had an American hat.

Her mincing steps took her out of sight. Jestig Squaw's Son's arm was over his shoulder, and on the other side another Indian, unknown, but young. Their life flowed together with all those others, complete to themselves, merged in one body of song, with the drumbeats for a heart,

Yo-o galeana, yo-o galeana . . .

Song followed song with a rush; when one ended, the next took up, as though the whole night would never suffice to pour out all that was in them.

Some one plucked at his blanket; then with another, stronger pull it was snatched from his shoulders. He whirled about. The men near him snickered. The frail girl held his blanket up toward him, mockingly.

"Ahalani!" she greeted him.

He stood for a moment in feigned stupidity. He did not want to dance. The devil! Then with a sudden lunge he snatched the blanket. It was no use. She hung on with unexpected strength, digging her heels into the sand, laughing. The men on either side were watching over their shoulders with open joy.

"What's the matter? I think your feet hurt, perhaps. I think you are bandy-legged, perhaps."

Girls didn't usually say these things. He was shocked. Her clear, low voice turned the insults into music, bringing out to the full the rise and fall of a Navajo woman's intonation. All the time they tugged against each other, her long eyes were talking. He had seen girls' eyes talk before as they pulled at the blanket, but these were clear as words. He wanted desperately to be back among the men. He nearly pulled her over, but she hung on, and her eyes seemed to be making a fool of him.

Suddenly he gave up. She led him around behind the men, not speaking to him, uninterested. He pulled his end of the blanket over his shoulders, assuming the conventional pose of resistance, setting each foot before the other reluctantly, in response to her dragging. He watched her closely, but her grip did not slacken. Out in the clear space she transferred her hands to his belt. He pulled his blanket to his chin, masking enjoyment in a pose of contemptuous tolerance, like the other men dancing.

The solemn turning of the couples contrasted with the free release of the singers: this was a religious ceremony and a rustic, simple pleasure, the happiness of a natural people to whom but few things happen. They were traditional and grave in their revelry.

According to the etiquette, whenever there is a rest, the man asks what forfeit he must pay; by the length of time taken by the girl to get down to a reasonable figure, he gages her liking for his company. The music paused an instant for singers to catch their breath. He made a feeble attempt to get away, then asked,

"How much?"

"Ten cents."

The prompt answer astonished him. He paid the forfeit, still staring at her, chagrined, and furious at

the blank, correct impassiveness of her face, at the same time noting delicately chiselled features, set of firm lips, long eyes that in their lack of expression were making fun of him. Ten cents! Already! With a splendid gesture he swept his blanket round him, stalking back to the singers.

He was set to lose himself in the songs, but he watched the girl drag out a man nearly as tall as himself. Instead of dancing in the usual way, they held each other face to face and close to, each with one hand on the other's shoulder. It was shocking; and why had she not done it with him? But she had let him go the first time he had asked. She had insulted him, she was too thin, and probably ill-behaved.

Jestig Squaw's Son's arm was over his shoulder, his ears were full of the beat and uproar of music. He was a man among men, swinging with them, marking the rhythm, releasing his joy of living in ordered song.

Nashdui bik'e dinni, eya-a, eyo-o . . .

A late moon rose, cool and remote, dissociated. They brought another tree up to the bonfire, standing it on end a moment so that the hot light played on its dead branches; then they let it topple over and fall, sending up in its place a tree of moving sparks into the blackness.

Night passed its middle and stood towards day. The girls moved off together in single file, blankets drawn over heads, worn out by the night of unremitting dancing. The older people fell rapidly away. Inert forms like mummies stretched out in their blankets by the embers of the feast fires. Most of the young men gave in, leaving about a hundred knotted in a mass, still hard at it. They surrounded the drummer, an older man, intently serious over drawing forth from a bit of hide stretched across the mouth of a jar rapidly succeeding beats that entered the veins and moved in the blood. He played with rhythm as some men play with design; now a quick succession of what seemed meaningless strokes hurried forward, now the beat stumbled, paused, caught up again and whirled away. Devotedly intent over his work, his long experience, his strength and skill expended themselves in quick, wise movements of the wrist, calling forth a summation of life from a piece of goatskin and a handful of baked clay, while younger men about him swayed and rocked in recurrent crescendos.

Night stood towards morning, now night grew old. Now the first white line was traced across the east far away, outlining distant cliffs. Now it was first light, and Dawn Boy was upon them. The drumming stopped; suddenly the desert was empty and vast. Young men, whose bodies felt like empty shells and whose heads still buzzed with songs, moved down to drink at the pool.

Hayoilcatl Ashki, Natahni . . .

Laughing Boy breathed his prayer to himself, feeling a moment of loneliness,

Dawn Boy, Chief . . .

He rolled up in his blanket. When he rode his horse in the races, people would see; he would ride past the people, back to T'o Tlakai, with all his winnings. That girl was strong for one who looked so slight. He would make a bracelet about her, thin silver, with stars surrounded by stone-knife-edge. His horse came to stand by him. He roused himself to look at it, struggled awake, and dragged out the corn from under his saddle.

He pulled his blanket over his head. All different things melted together into one conception of a night not like any other.

А БЕГАТЬ-ТО БОЛЬНО...

РЕКОРДСМЕН ДЖИМ БИТТИ НАМЕРЕН ОТСТАИВАТЬ СВОЕ ПЕРВЕНСТВО

БИЛЛ ЛИББИ

Солнце лишь показалось из-за горизонта. На улицах ни души. Ловко перемахнув через забор, молодой человек попадает на школьную спортивную площадку, неподалеку от его дома. В руках у него секундомер. Кто же этот нарушитель утренней тишины? Ведущий американский спортсмен, рекордсмен в беге на одну милю Джемс Тулли Битти, которого знает каждый американец, имеющий даже самое туманное понятие о легкой атлетике. Дело в том, что этот небольшого роста страховой агент из Калифорнии — самый быстрый из всех доселе известных в Америке бегунов на одну милю. И он, по мнению знатоков, еще не достиг своего предела.

Что же видят любители спорта в этом молодом человеке, бегущем по замкнутому кругу гаревой дорожки? На первый взгляд, ничего особенного: рост спортсмена 168 см, вес — 58 кг, бег его порывист, но не лишен грации. Однако самое важное в бегуне недоступно их взорам: Битти обладает феноменальной выносливостью, которой он добился путем систематической тренировки, продолжающейся 363 дня в году (только в первый день Рождества и в Пасхальное воскресенье он не занимается бегом). Битти одержим той спортивной настойчивостью, которая сделала из этого двадцатидевятилетнего спортсмена — в прошлом ничем не приметного бегуна университета Северной Каролины — грозного соперника его самых быстрых собратьев.

Летом 1962 года, во время своего турне по Европе, Битти в течение двух недель сумел пять раз улучшить американский рекорд. В Лондоне он пробежал милю за 3 мин. 56,5 сек., причем сказал: «Могу и быстрее». Вскоре после этого, уже в Хельсинки, он прошел ту же дистанцию за 3 мин. 56,3 сек. Два месяца до того он закончил бег на две мили, установив новый мировой рекорд — 8 мин. 29,8 сек. Однако мировой рекорд на одномильной дистанции, к которому Битти так стремился, ему по-прежнему не давался: он принадлежал новозеландцу Питеру Снелу (3 мин. 54,4 сек.).

Когда наблюдаешь за бегом Битти по деревянному настилу или гаревой дорожке, чувствуешь его внутреннее напряжение, его напористость и целеустремленность, но глазами это увидеть невозможно. Так же недоступны пониманию рядового болельщика ощущения спортсмена, участвующего в рекордном забеге.

Вот что говорит о своих переживаниях Битти: «Приходилось ли вам когда-нибудь тащить увесистую ношу, чувствуя при этом, как у вас затекают руки? Пробовали ли вы взбежать вверх по высокой лестнице до боли в икрах?» Но чисто физическая боль — это еще далеко не все. «Бежишь, а сам чувствуешь себя истощенным, обессиленным и напуганным, — продолжает бегун. — Хочется сойти с дорожки, упасть на траву и прикинуться совершенно больным. Определяя на глаз оставшееся расстояние, думаешь о той

Переведено с разрешения журнала *Saturday evening post*. Авт. права: изд-ва «Кэртис публицинг компани», 1963 г.

физической боли, которую тебе причиняет бег, и тут ты готов на все, лишь бы выйти из состязания — мечтаешь о падении, травме или судороге». И у заветной линии финиша, когда Битти грудью срывает ленточку, в голове пронесется лишь одна мысль: «Слава Богу, конец!»

Пробежать одну милю — дело нелегкое. В свое время трудновато приходилось «летающему финну» Пааво Нурми, который бегал с секундомером в руке и, по словам покойного Джона Ларднера, даже умудрялся, приближаясь к финишу, считать зрителей на трибунах. И все же пройти милю за 4 мин. 12 сек. во времена Нурми считалось хорошим результатом. В тридцатых и сороковых годах, однако, рекордное время понемногу начало понижаться, приближаясь к непреодолимому, как казалось тогда, четырем минутам.

В 1954 году английскому студенту-медику Роджеру Баннистеру удалось прорвать этот «беговой барьер». С тех пор 38 человек прошли одномильную дистанцию менее чем за четыре минуты, в общей сложности проделав это около ста раз. Ныне четыре минуты безвозвратно канули в прошлое, как и бег с секундомером в руках.

Каким же образом удалось преодолеть четырехминутный барьер? Уж не произошли ли какие-нибудь изменения в человеческом организме за четыре десятилетия, протекшие со времени рекордов Нурми? Ничего подобного: просто современные бегуны ради достижения рекорда готовы на физическое самоистязание и на любую жертву. Их целеустремленность, несомненно, граничит с фанатизмом.

День Джемса Битти начинается в пять часов утра. На рассвете, в полном одиночестве, он начинает тренировку на беговой дорожке одной из средних школ недалеко от своего дома в западном Лос-Анжелесе. С восходом солнца он уезжает на службу в Пасадену, где работает в страховой компании, а перед вечером вновь возвращается на беговую дорожку.

160 КИЛОМЕТРОВ В НЕДЕЛЮ

Бегают Битти на рассвете и в вечерних сумерках, от одного до трех часов ежедневно. Тренировку он начинает с разминочного бега и затем постепенно переходит на спринт, покрывая от восьми до шестнадцати километров в день. Такую программу он выработал совместно со своим тренером, уроженцем Венгрии, Михали Иглои. Она рассчитана на постепенное повышение скорости бегуна — в день на доли секунды. Всего в неделю Битти делает до 160 км. Такой режим сопряжен с известным риском. За последние три года Битти успел получить пять травм. Из-за одной такой травмы — повреждения мускулов ноги — он не мог участвовать в матче СССР—США, что очень опечалило молодого спортсмена. «Может быть, я помешанный, — говорит он своим протяжным южным говорком. — А может быть, и в самом деле нужно быть немножко помешанным, чтобы заниматься таким делом. Ведь это чертовски больно».

Мягкий калифорнийский климат позволяет Битти тренироваться круглый год на открытом воздухе. Режим его дня не только однообразен, но и мучителен. Битти постоянно торопится. Дома он все делает впопыхах — моется, одевается, ест. Затишье наступает лишь вечером, когда Битти перед сном читает или смотрит телевизионную программу. Эти спокойные шестьдесят минут спортсмен использует за счет сна, так как вместо восьми часов предпочитает спать семь.

У жены Джемса Битти, Барбары, тоже свой режим и свои обязанности. Она стряпает, убирает, работает секретаршей и следит за карьерой

мужа. Супруги редко куда-нибудь уходят по вечерам и почти не бывают в ночных ресторанах. Они живут в мире беговых дорожек, спортивных арен, стадионов и близких друзей.

По словам Джемса, жена мучительно переживает вместе с ним каждое состязание. «Да, это правда, — подтверждает Барбара, — я чувствую его страдания, боль и слабость, даже когда он улыбается после финиша, и кроме меня этого никто не замечает. Но самое ужасное то, что я ничем не могу помочь ему. Ведь для достижения успеха ему пришлось так долго и так напряженно работать, что было бы просто нелепо вдруг взять и все забросить».

ПУТЬ РЕКОРДСМЕНА

Успех Джемсу Битти дался не сразу. Рекордсменом он не родился, рекордсменом он стал — и стал не совсем обычным путем. На белый свет Джемс появился в Бруклине (одном из районов Нью-Йорка). Родители его, ныне здравствующие в Шарлотте (Северная Каролина), были людьми среднего достатка. Несмотря на свой малый рост Битти считался в средней школе хорошим спортсменом, а в университете Северной Каролины он даже участвовал в команде бегунов, однако выдающихся результатов не добился. «В то время я вообще не знал, что такое тренировка, настоящая тренировка, — рассказывает Битти. — Сколько времени пропало даром!»

После военной службы Битти поступил на работу, перестал участвовать в состязаниях и потерял спортивную закалку. Казалось, карьера бегуна закончена. Мало ли деловых людей в студенческие годы занималось легкой атлетикой? Многие даже удостоивались наград, но все равно потом забрасывали спорт, и форма студенческой команды становилась для них тесноватой.

Однако с Битти этого не произошло. В 1959 году, наблюдая за волнующими соревнованиями легкоатлетов США и СССР в Филадельфии и следя за борьбой советской и американской команд, не бегавший больше года Битти решил покинуть трибуны зрителей и вернуться на беговую дорожку. Полный спортивного огня, он наскоро собрал свои скромные пожитки и переехал в Калифорнию, где вручил свою судьбу известному Михали Иглои.

Иглои — профессор физики и психолог-любитель, с большим успехом занимающийся подготовкой бегунов. Этот волевой и немного упрямый человек воспитал немало хороших атлетов. Результаты ежедневной работы своих питомцев Иглои вот уже на протяжении двадцати лет заносит в небольшую черную книжку. Записи охватывают как физические, так и психологические факторы, влияющие на показатели бегуна, и черная книжечка быстро превращается в увесистый том. Пользуясь этими наблюдениями, профессор вырабатывает для каждого из своих подопечных индивидуальную тренировочную программу, которая должна полностью выявить потенциал спортсмена. Поговаривают, что Иглои способен на целый год вперед с точностью до долей секунды предсказать показатели любого из своих питомцев.

Неизвестно, какие предсказания были сделаны насчет Битти, но, как бы то ни было, система Иглои не замедлила дать результаты. В 1960 году в нью-йоркском «Мадисон сквер гарден» Битти неожиданно для всех в беге на одну милю победил Дриола Бурлесона, считавшегося тогда лучшим бегуном на эту дистанцию.

В том же году Битти в составе американской олимпийской команды поехал в Рим. Но спортсмен оказался еще недостаточно подготовленным

8.20. Тренировка закончена, и Джим с головой ушел в дела.

и в финальный забег на 5000 метров не попал. Сегодня до мирового рекорда на одномильной дистанции ему не достаёт 1,9 сек., однако несмотря на это он занимает четвертое место среди быстрых бегунов мира. А рекорд Битти для закрытых помещений — 3 мин. 58,6 сек. — был побит лишь в начале 1963 года. Из 31 соревнования Битти только один раз не вышел победителем: в 1963 году на Панамериканских играх в Сан-Паулу в забеге на 1500 метров его на полшага опередил соотечественник Джим Грелл, установивший рекорд игр — 3 мин. 43,5 сек.

ПОД КРЫШЕЙ, ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ И НА ОЛИМПИАДЕ

На что способен теперь Битти в закрытых помещениях? По всей вероятности, ему удастся сделать несколько, хотя и немного, забегов на одну милю с результатами ниже четырех минут. В помещениях дистанцию эту, как правило, проходят медленнее, чем под открытым небом. По деревянному настилу это обычно 11 кругов, то есть 22 поворота; на стадионе такой забег состоит из четырех кругов и восьми поворотов. До 1962 года, когда Битти установил рекорд для закрытых помещений, на беговых дорожках время ниже четырех минут было отмечено всего 72 раза.

Чего же можно ожидать от Битти под открытым небом и на Олимпиаде 1964 года в Токио? На этот вопрос он сам затрудняется ответить. «Я попробую бегать на более длинные дистанции, — говорит он. — Если в забеге на 1500 метров несколько человек покажут одинаковое со мной время, а на длинной дистанции только один или два сравнятся со мной, то буду бежать на длинную. В душе надеюсь получить золотую медаль».

Говоря о золотых медалях и о будущем, Битти не прочь посмеяться над своим душевным состоянием, однако всегда умалчивает о болевых ощущениях. Быть может, в этом и проявляется его настоящий спортивный дух, беззаветная любовь к легкой атлетике и стремление к совершенству.

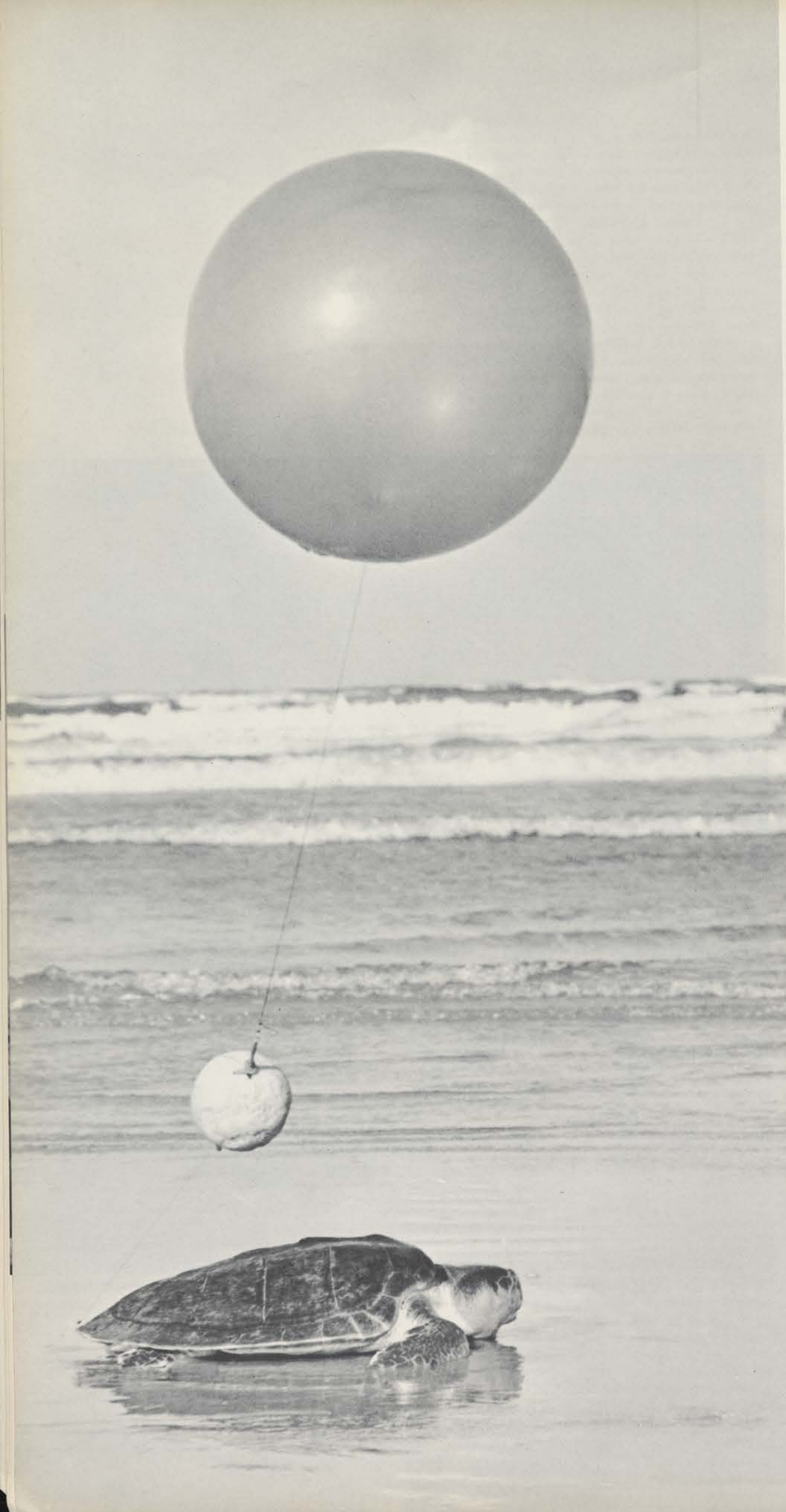
ВОЛНЕНИЕ ПО ПРЯМОЙ И НА ПОВОРОТАХ

«Бег — сплошное волнение. Сильнее всего волнуешься в закрытых помещениях и особенно в «Мадисон сквер гардене», — рассказывает Битти. — Одно лишь воспоминание о всех происходивших здесь крупных спортивных событиях и мысль о том, что ты участвуешь в одном из них, заставляют волноваться. Я люблю стремительно с поворота выходить на короткую прямую, люблю чувствовать кругом тысячи людей, видеть их лица и слышать многоголосый шум толпы».

Однако не одна лишь жажда сильных ощущений заставляет Джемса Битти вставать в пять часов утра и тренироваться 363 дня в году. Спортсменом также руководит стремление к достижению намеченной цели. «В какой-то мере мне приятно сознавать, что не все дается мне легко, — говорит Битти. — Сколько людей последует моему примеру? Чертовски мало. И сознание это доставляет мне какое-то странное удовольствие. Иногда мне хочется все бросить. Мне надоедает постоянная спешка. Так хотелось бы спокойно посидеть за порцией мороженого и хотя бы одну неделю или один день, а на худой конец — и один час ничего не делать. Иногда мне кажется, что я томлюсь в плену и заставляю томиться жену. Но на самом деле я не хочу ничего бросать и благодарю Бога, что Барбара от меня этого не требует. Я уверен, что когда придет время расстаться со спортом, я найду себе что-нибудь другое. Я всегда буду к чему-то стремиться. Такой уж я человек.»

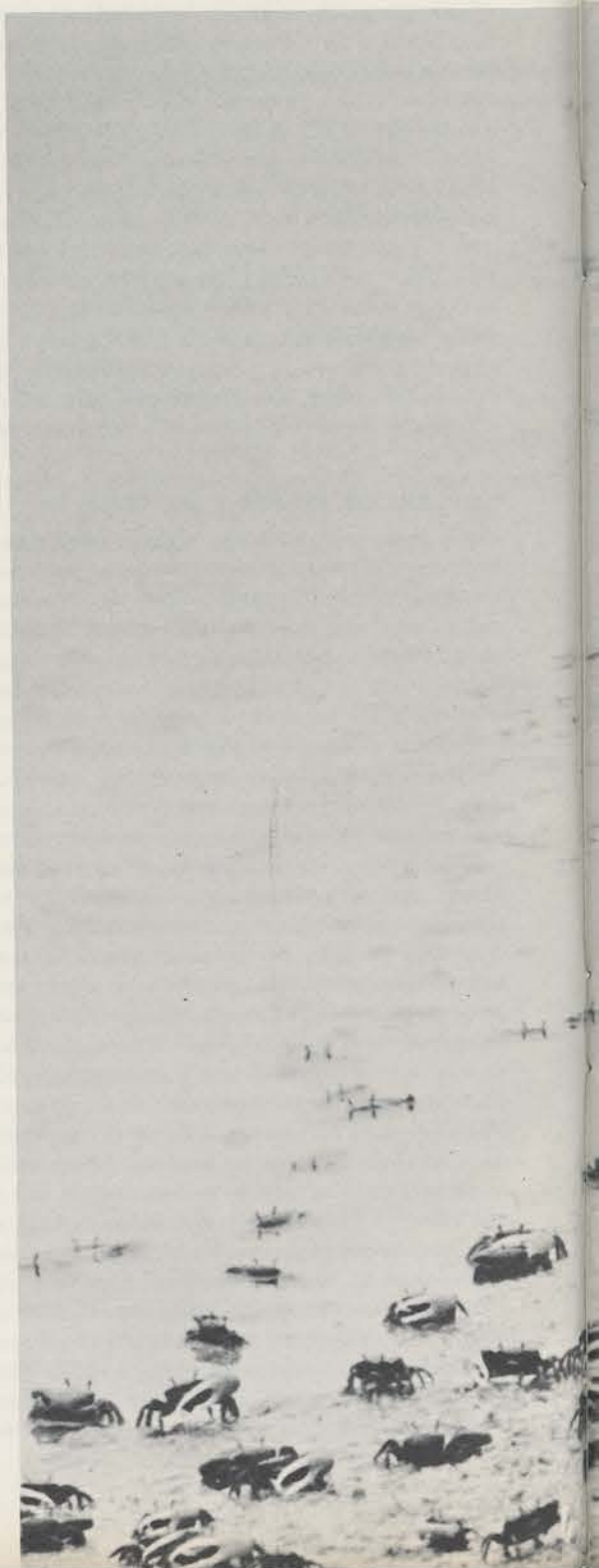
Битти ставит в «Мадисон сквер гарден» рекорд для закрытых помещений в беге на одну милю (3 мин. 59 сек.).

С разрешения журнала *Лайф*

КАК ЖИВОТНЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ВРЕМЯ?

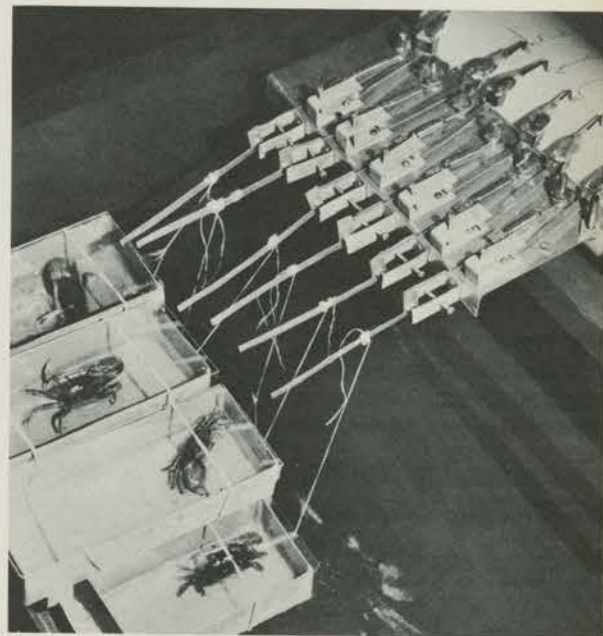
← Черепаха пускается в дальний путь. По шару проследят ее курс к островку, где она отложит яйца.

Медленно уходит в воду огромная черепаха с привязанным к ней шаром. За полосой прибоя она возьмет курс на крошечный островок, лежащий в 1600 километрах, и, преодолевая коварные ветры и течения открытого океана, безошибочно, словно по компасу, будет плыть, пока не достигнет своей цели и не отложит там яйца. На другом взморье, точно в час отлива, полчища манящих крабов выползают как по команде из своих нор и начинают рыскать в поисках пищи по оголенной отливом кромке берега. И даже в жестких лабораторных условиях (снимок справа) манящие крабы развивают необычайную деятельность в часы отлива. Описанные явления вызывают один вопрос, ответа на который пока еще нет: как животные организмы определяют время? Если черепахи, как полагают некоторые ученые, устанавливают свое местонахождение по солнцу и звездам, они должны учитывать вращение земли и ход времени. Крабы, которые из своих нор не видят воды, также, должно быть, следят за вечно меняющимся временем отлива по каким-то таинственным «часам».

В основном существуют две теории, пытающиеся объяснить эти явления. Группа ученых Северо-Западного университета высказывает предположение, что часовой механизм животных взаимодействует с какими-то внешними силами природы, скажем, — с циклическими колебаниями в атмосферном давлении или изменениями, происходящими в магнитном поле Земли. Исследователи Принстонского университета выдвинули гипотезу, согласно которой свойство определять время коренится в протоплазме и было выработано организмом просто потому, что оно необходимо ему для процесса жизни. Но если вокруг сущности «часового механизма» животных и идут споры, никто не оспаривает его значения. Заложенные в нем простые и точные принципы, вероятно, могли бы найти себе применение в навигационных приборах и даже в медицине, поскольку четкая работа этого механизма, по мнению медицинских работников, имеет какое-то отношение к здоровью человека, внутри которого он, несомненно, также действует.

Как на берегу (нижнее фото), так и в лаборатории манящие крабы ищут пищу точно в час отлива.

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ

Многих пассажиров нередко тревожит вопрос: а что, если пилот вдруг умрет в полете? Ответ недавно дала сама жизнь.

В прошлом году, в один из погожих зимних дней, 38-летнему Лестеру Петерсону, заместителю начальника Управления мостостроения корпорации «Юнайтэд Стейтс стил корпорэйшн», срочно понадобилось осмотреть один из строительных участков фирмы, в восьмидесяти километрах к востоку от Шайенна, в штате Вайоминг. Петерсон взял с собой двух инженеров — Лестера Лоуна и Джона Полака.

Все трое отправились, как обычно, на зафрахтованном частном самолете «Сесна-180», пилотируемом Эдгаром Ван Кюреном (56 лет). Никогда в жизни не управлявший самолетом Петерсон сел рядом с пилотом.

Одному из приборов, смонтированному в пульт перед Петерсоном, суждено было спасти инженерам жизнь. То было запасное навигационное радио, которым самолет был снабжен в дополнение к обычному оборудованию. К счастью, оно оказалось настроенным на волну Управления мостостроения в Шайенне и раций полевых бригад.

Сверкнув в ярких лучах зимнего солнца, маленький белый с коричневым самолет набрал высоту и взял курс на строительный участок. Вскоре пилот Ван Кюрен, получив указания с земли, сделал широкий разворот и пошел на посадку.

Самолет снижался все быстрее и быстрее. И вдруг, у самой земли, Лоун к ужасу своему заметил, что пилот поник головой, а взгляд его невидящих глаз устремлен в пол.

— Что случилось? — закричал Лоун и начал трясти Ван Кюрена за плечи. Петерсон совершенно инстинктивно схватился за штурвал и потянул его к себе. Машина, едва не коснувшись земли, на полной скорости взмыла вверх.

Достигнув высоты в две с половиной тысячи метров, Петерсон начал примеряться к приборам, пока кое-как не усвоил принципы действия некоторых из них. «Мы прекрасно знали, — рассказывал он потом, — что придется покружить не одну тысячу метров, прежде чем удастся найти выход из положения». Посовещавшись, решили вызвать по радио Управление в Шайенне и сообщить о случившемся. Так и сделали. Однако под самый конец сообщения радио заглохло.

В Управлении поняли все и развили энергичную деятельность. Начальник строительных работ Джемс Тримбл немедленно связался с шайеннским аэропортом. Там в срочном порядке подняли на ноги аварийные команды и медицинский персонал. Два легких самолета и вертолет вылетели на поиски беспилотного собрата, который значился под кодовым номером «79 X-Ray».

Тем временем Петерсону удалось вновь наладить связь с Управлением в Шайенне (оказалось, что кто-то в суматохе случайно выключил радио). Продолжая полет в юго-западном направлении, невольные авиаторы заметили внизу автомагистраль № 30, из чего заключили, что находятся километрах в пятидесяти от Шайенна. Управление их быстро проинструк-

После благополучного приземления: «пилот» Петерсон (справа) со своими пассажирами и Доменико (слева) у самолета.

тировало, как обращаться с основным навигационным радио. Следуя полученным указаниям, Петерсон связался с контрольной вышкой шайеннского аэропорта.

Вышка: 79 X-Ray, я вышка. Даю настройку: 1 2 3 4 5 5 4 3 2 1. Прием.

Самолет: Мы слышим вас.

Вышка: Сообщите вашу позицию относительно города.

Самолет: Сейчас мы приближаемся к восточной окраине. Пожалуй, нам придется сначала пройти на аэродром, чтобы присмотреться, что к чему. Прием.

Вышка: Хорошо, проходите.

Самолет: Послушайте, соедините нас с кем-нибудь, кто знает, как посадить такой самолет.

В эту минуту на вышке появился Луис Доменико, владелец фирмы по прокату самолетов.

Доменико: Я на вышке. Мы дадим вам все указания. Как слышите меня?

Самолет: Слышим вас хорошо. Ждем указаний.

«Голос Доменико звучал совершенно спокойно, — вспоминал потом Петерсон. — Указания его отличались предельной точностью». Доменико в свою очередь был восхищен хладнокровием и мужеством трех пассажиров.

Самолет: Поскорее говорите нам, что делать. На какой скорости приземляться и тому подобное? Прием.

Доменико: Снижайтесь примерно до двух тысяч метров. Держитесь восточнее летного поля, оттуда вам будет удобнее сделать подход к посадочной полосе.

Самолет: Это та большая, что сейчас под нами, — оранжевая? Прием.

Доменико: Совершенно верно. Вы отлично действуете, 79 X-Ray. Теперь подходите к аэродрому.

Самолет: А вы тем временем вызовите карету скорой помощи для нашего пилота. Мы не понимаем, что с ним.

«Когда мы первый раз пролетели над аэродромом, — рассказывает Петерсон, — то сразу же заметили толпу людей и аварийные грузовики. Но это нас ничуть не испугало, скорее даже успокоило». Доменико продолжал давать указания.

Доменико: Сообщите вашу скорость. Прием.

Самолет: Около 175 километров в час.

Доменико: Хорошо. Держите эту скорость.

Самолет: Очень трудно управлять самолетом. Понижится ли скорость, если потянуть за рычаг?

Доменико: Забудьте о рычаге. Не трогайте закрылков. Вообще ничего не трогайте, пока я вам не скажу.

Самолет: Хорошо. Вас поняли.

Доменико: 79 X-Ray, начинайте понемногу снижаться. Направление держите на самый конец полосы. Прием.

Самолет: Разве мы слишком высоко?

Доменико: Нет, высота ваша почти нормальная. Теперь поставьте нос самолета в направлении дорожки. Представьте себе, что спускаетесь по нитке, протянутой от носа машины к концу полосы. Нет, нет, не трогайте закрылков. Поубавьте немного газ. Подтяните регулятор чуть-чуть к себе, а когда приблизитесь к полосе, тяните его до самого конца и выравнивайте самолет. Для этого отведите штурвал немного назад. Продолжайте снижение. Выключите газ совсем. Тяните регулятор до конца. Не меняйте направление. Держите машину прямо. Штурвал — на себя. Так держать. Все идет хорошо.

Сложную процедуру приземления Петерсон выполнил совершенно бесстрашно. Коснувшись посадочной полосы, самолет подпрыгнул, затем еще раз ударился о землю, но, пробежав по дорожке, наконец остановился. Винт его погнулся, одна шина лопнула, но трое инженеров были целы и невредимы.

— До чего все это просто! — радостно воскликнул Петерсон, идя навстречу Доменико.

Пилота Ван Кюрена немедленно отвезли в больницу, где врачи констатировали смерть от кровоизлияния в мозг. Новопеченный летчик Петерсон признался, что никогда в жизни не помышлял управлять самолетом.

— Но видно судьба и впрямь играет человеком, — не без юмора заметил он. — Придется ей подыграть. Теперь возьмусь за учебу по-настоящему.

Здание Сиграм на Парк-авеню в Нью-Йорке

АРХИТЕКТУРА В США

Международный аэропорт имени Даллеса

ВОЛЬФ ФОН ЭКАРДТ

АМЕРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА на новом этапе

В тридцати семи километрах от Вашингтона, среди волнистых холмов Вирджинии недавно закончилось строительство замечательного сооружения. Там вырос вокзал нового международного аэропорта, парадный подъезд столицы нашей страны.

Смелое, мускулистое здание можно принять за монументальное скульптурное произведение, хотя в действительности оно строго функционально. Но монументальность здания лишена статичности. Все в нем пронизано стремительным движением. Ритмически взлетают гигантские пилоны, словно стремясь схватить подвешенную между ними крышу. А крыша непринужденно изгибается, подобно огромному гамаку.

Несмотря на покоряющую силу и мощь, железобетонное сооружение не нарушает, а скорее подчеркивает идиллическую безмятежность окружающего ландшафта. Но оно представляет резкий контраст тем откровенно голым четырехугольным коробкам из стекла и стали, которые до последнего времени неразрывно ассоциировались в нашем представлении с современной архитектурой.

Здание это, аэропорт имени Даллеса, было построено по проекту уроженца Финляндии архитектора Эро Сааринена, безвременно скончавшегося 1 сентября 1961 года, только пятидесяти одного года от роду, в самом расцвете своей деятель-

ности. Он так и не увидел полного воплощения своего замысла. По архитектурным и конструктивным качествам аэровокзал резко отличается от чистой, невозмутимой наготы прямоугольных зданий Технического центра фирмы «Дженерал моторс» около Детройта, выстроенных по проекту того же Сааринена десятью годами раньше. Сооружения эти так же не похожи друг на друга, как Парфенон на Тадж-Махал.

Быстрота эволюции стиля Сааринена типична для современного американского зодчества, непрерывно ищущего и находящего новые формы и новые методы строительства.

Несмотря на свою лихорадочность, это здоровые, творческие, продиктованные самой жизнью поиски. Они совпадают с совершенно небывалым расцветом строительства в США. По вычислениям экономистов, для удовлетворения спроса на новые здания всех типов, Соединенные Штаты должны будут в конце этого столетия воздвигнуть столько же новых сооружений, сколько их было выстроено за всю предыдущую историю страны. Недаром архитекторы и плановики говорят сейчас о строительстве «вторых Соединенных Штатов».

Чем вызвано это безудержное строительство, наполняющее всю страну от края и до края немолчным гулом, в котором сливаются в нестройный хор рев бульдозеров, лязг копров и

урчание бетономешалок? Двумя причинами. Первая — быстрый рост населения, требующий все большего числа жилищ, школ, больниц, храмов, библиотек, клубов, театров. Вторая — необходимость заменять обветшалые здания и перестраивать целые городские кварталы и районы. Некоторые районы, запущенные и перенаселенные, превращались постепенно в настоящие трущобы. Сейчас они полностью сносятся и заново застраиваются благоустроенными домами. Многие здания, насчитывающие всего тридцать или сорок лет жизни, выглядят вполне прилично, но уже не оправдывают себя экономически: они лишены целого ряда удобств, неотъемлемых от современного стандарта жизни, — скоростных лифтов и установок для кондиционирования воздуха, не говоря уже о достаточной кубатуре и освещенности. Иногда их приходится сносить просто для того, чтобы расширить и превратить в автострады улицы, не вмещающие растущего с каждым днем и чуть ли не с каждым часом потока автомобилей.

АРХИТЕКТОРЫ АМЕРИКИ

Проектировкой «вторых Соединенных Штатов» ведают главным образом 28 000 дипломированных архитекторов, работающих в тесном контакте с инженерами, конструктора-

ми, профессиональными планировщиками-градостроителями и другими специалистами. Некоторые архитекторы служат в федеральных и штатных ведомствах или в крупных фирмах, занимающихся строительными работами или производством строительных материалов. Но подавляющее большинство — около 90 процентов — архитекторов открывает собственные конторы — либо самостоятельно, либо в компании с другими архитекторами и конструкторами.

В некоторых архитектурных бюро их хозяин является и единственным работником. Но происшедшее за последние годы усложнение строительной техники вынуждает большую часть архитекторов держать постоянный штат чертежников, конструкторов, сметчиков и других сотрудников, необходимых для успешного проведения различных этапов строительства. Существуют гигантские архитектурные фирмы, вроде бюро «Скидмор, Оуингс энд Меррилл», насчитывающее до тысячи служащих, с филиалами в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско и Портленде (Орегон). Но такие колоссы являются исключением. Обычно архитектурное бюро имеет семь-восемь штатных сотрудников, а в случае надобности приглашает платных консультантов. Большинство архитектурных бюро не только снабжает своих клиентов чертежами и сметами, но и помогает им в выборе подходящего места и в планировании деятельности, для которой предназначается здание.

Например, получив заказ на аэропорт имени Даллеса, Эро Сааринен, прежде чем взяться за карандаш, детально изучил проблемы воздушного транспорта. Он обнаружил, что аэровокзалы теперь с каждым годом увеличиваются в размерах, обрастая длинными и узкими коридорами; по этим крытым, защищенным от дождя и ветра переходам пассажиры добираются до самолетов, число которых тоже растет со дня на день. Во многих американских аэропортах пассажиры должны проходить сотни и даже тысячи метров, в особенности если им нужно пересесть с одного самолета на другой. Это неудобство Сааринен устранил с помощью «подвижных залов ожидания» — комфортабельных комнат на колесах. Ряд таких устройств находится неподалеку от билетных касс, и входят в них из центрального холла вокзала. Затем комната движется к самолету, который теперь ожидает пассажиров в километре и более от вокзала, поближе к подсобным помещениям и взлетным полосам. Ее подкатывают к самолету вплотную и поднимают или опускают на нужную высоту, так что пассажирам остается только войти в самолет. Отпадает необходимость в коридорах, сходнях, лестницах и зонтиках.

В других странах архитекторы часто являются собственниками или служащими строительных фирм. В противоположность этому, американский архитектор, согласно профессиональному кодексу, должен быть независимым специалистом и во всем руководствоваться только интересами клиента. Чтобы стать дипломированным архитектором, нужно пройти пятилетний курс обучения в одном из 77 архитектурных высших учебных заведений (колледжей и факультетов) страны и затем не менее трех лет проработать практикантом. Только после этого разрешается держать государственный экзамен, дающий архитектору право работать самостоятельно.

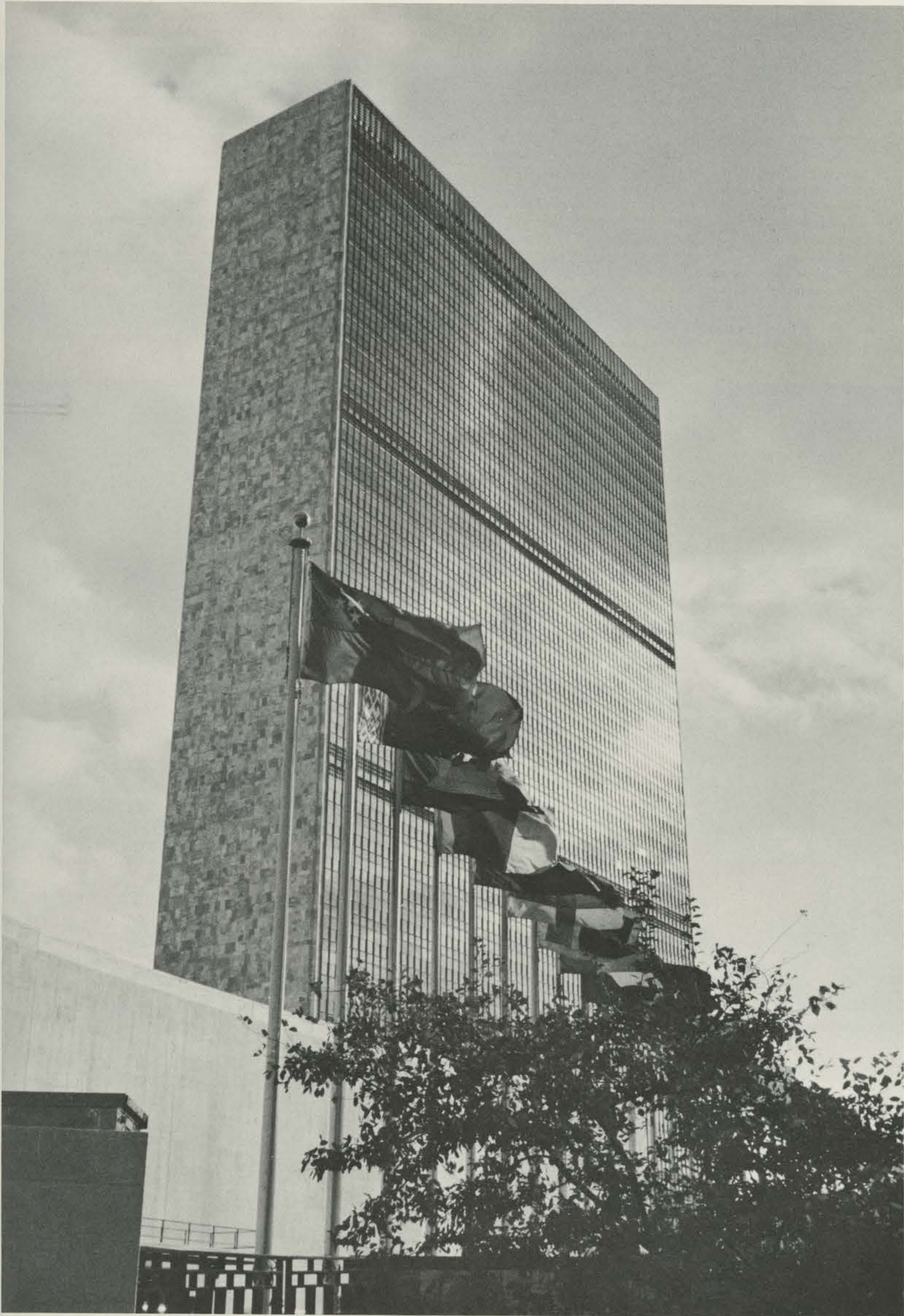
«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ»

Современная архитектура находится в состоянии стремительного, безостановочного движения, вызываемого изменениями в жизни общества и развитием техники. Невозможно сейчас предсказать облик «вторых Соединенных Штатов», невозможно предвидеть даже, остановится ли когда-нибудь американская архитектура в своем беспокойном развитии, выработав некоторый стиль, такой же определенный и легко различимый, как готика или барокко.

Всего несколько лет назад казалось, что американская архитектура будет развиваться под знаком так называемого «интернационального стиля». Одним из лучших образцов этого стиля в Соединенных Штатах принято считать «Ливер-хаус» на Парк-авеню в Нью-Йорке (фото справа). Его 22-этажная башня из аквамаринового стекла отражает вечно меняющееся небо и калейдоскопическое разнообразие окружающего города. Элегантная в своей простоте прямоугольная башня покоится на тонкой, в один этаж, горизонтальной плите, которую легко поднимают над уровнем земли опоры из нержавеющей стали. Если не считать здания Секретариата Организации Объединенных Наций (крайнее фото справа), это был первый сплошь застекленный небоскреб предельно простого типа, введенного в архитектуру родившимся в Швейцарии фран-

Ливер-хаус

Секретариат Организации Объединенных Наций

цузским архитектором Шарлем Ле Корбюзье и американским архитектором Миесом ван дер Роэ, уроженцем Германии.

Созданный Саариным на равнинных просторах Мичигана Технический центр фирмы «Дженерал моторс» (фото внизу слева) использует принципы того же строгого, блестящего стеклом «интернационального стиля», но не в вертикальном, а в горизонтальном направлении. Еще более ярким примером этого стиля служит дом, выстроенный в 1949 году Филипом Джонсоном для себя в Коннектикуте, в Нью-Кейнани (фото внизу справа). Дом представляет собой лишенную каких бы то ни было украшений стеклянную коробку, в которой принцип Миеса «чем меньше, тем больше» (то есть минимальными средствами достигаются максимальные эффекты) доведен до последнего предела. Многих архитектурных критиков это произведение Сааринена приводило прямо в умиление, и похвалам не было числа.

Вскоре подобные здания из стали и стекла начали в массовом количестве воздвигаться по всей стране, причем строители не обращали внимания на климат, окружение и целевое назначение зданий. Восторги заметно охладели. Многие критики стали высказывать опасение, как бы американская архи-

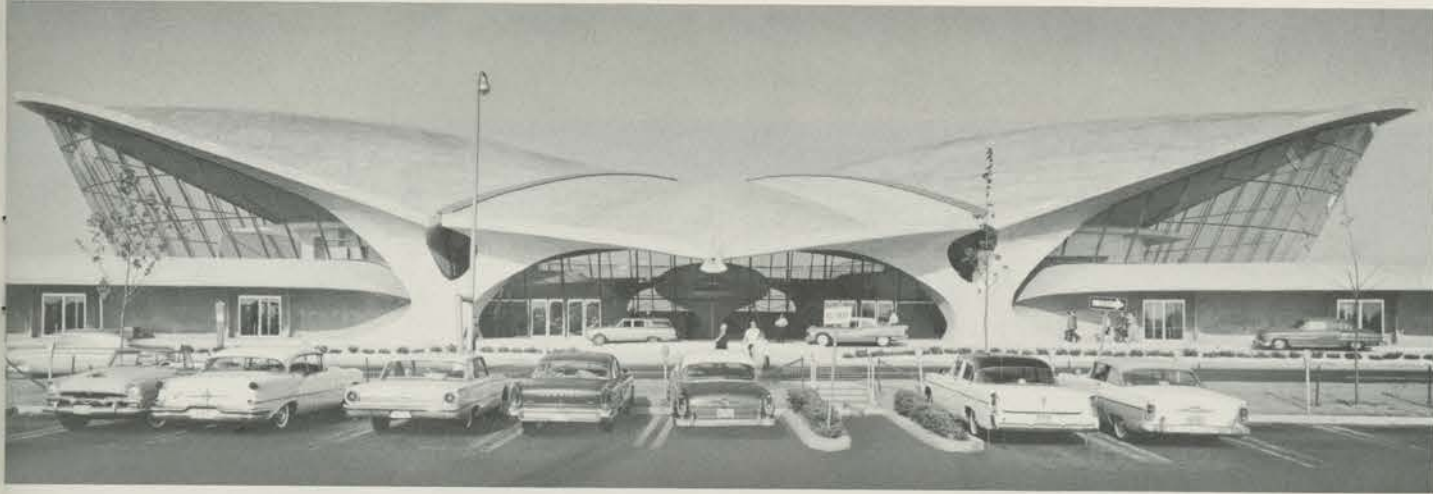
тектура не застыла навсегда в холодных и однообразных «стеклянных клетках». Льюис Мумфорд называл унылые застекленные конторские здания, как грибы выроставшие в американских городах, «людскими каталожными ящиками». К критикам присоединились архитекторы.

Но сегодня те же самые критики уже должны предостерегать архитектуру от излишнего увлечения разнообразием и необычностью форм. Ибо за последние десять лет повсюду стали во множестве появляться новые железобетонные сооружения, напоминающие «текучестью» и волнистостью своих форм произведения скульптуры. Аэропорт имени Даллеса — это только один пример. Аэровокзал компании «Транс уорлд эрлайнс» в аэропорту Айдлуайлд в Нью-Йорке (фото справа), законченный строительством по проекту Сааринена же в 1962 году, отличается еще большей экспрессионистичностью скульптурных форм. Все сооружение внутри и снаружи состоит из круто изогнутых линий, то соединяющихся в бесчисленных и беспокойных сочетаниях, то вновь расходящихся.

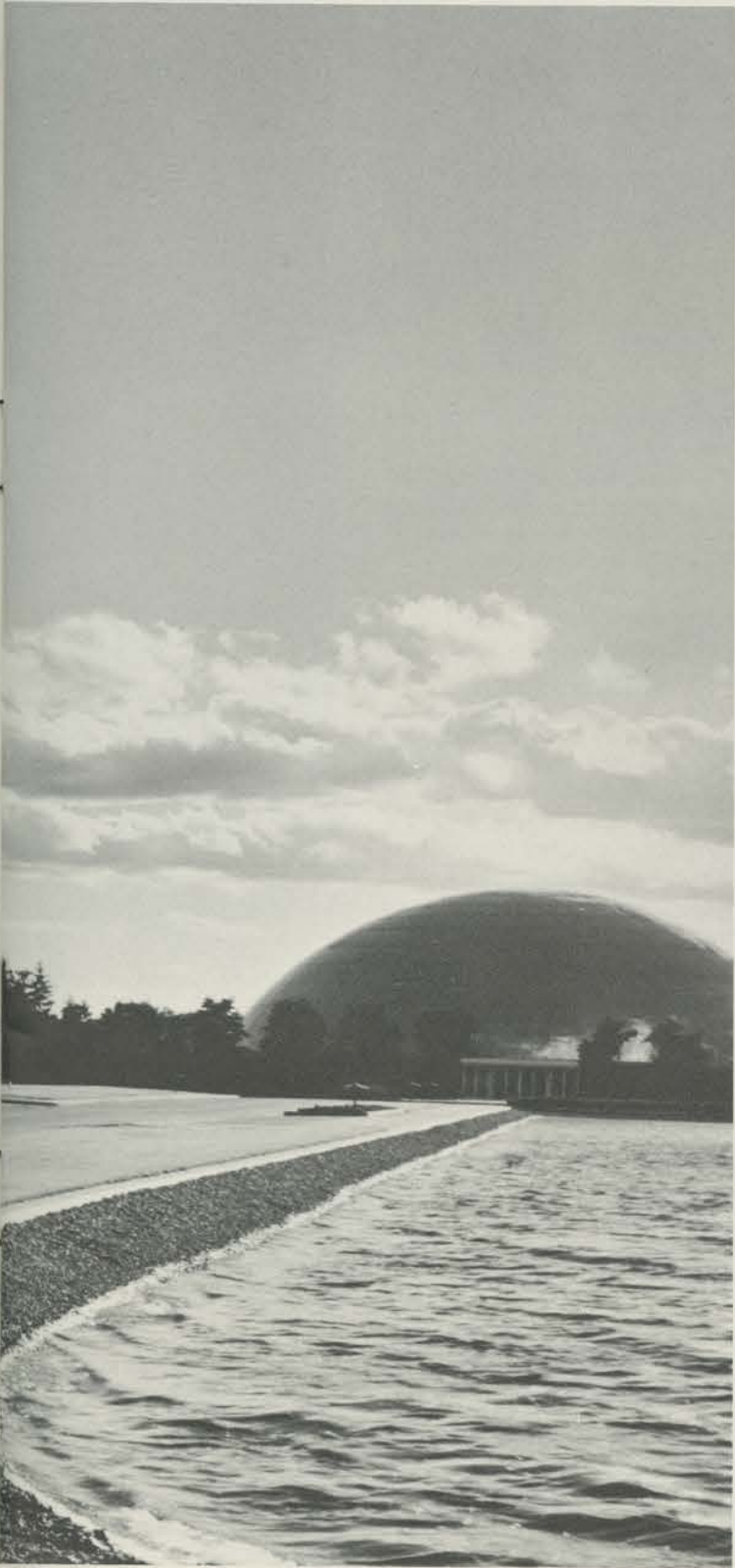
Первое такое железобетонное тонкостенное сооружение, параболическое во всех трех проекциях, построил на американской почве в 1953 году Уильям Генри Детрик. Это был

Технический центр фирмы «Дженерал моторс»

Аэровокзал «Транс уорлд эрлайнс»

Дом Филипа Джонсона

Выставочный павильон штата Северная Каролина

Театр «Арена»

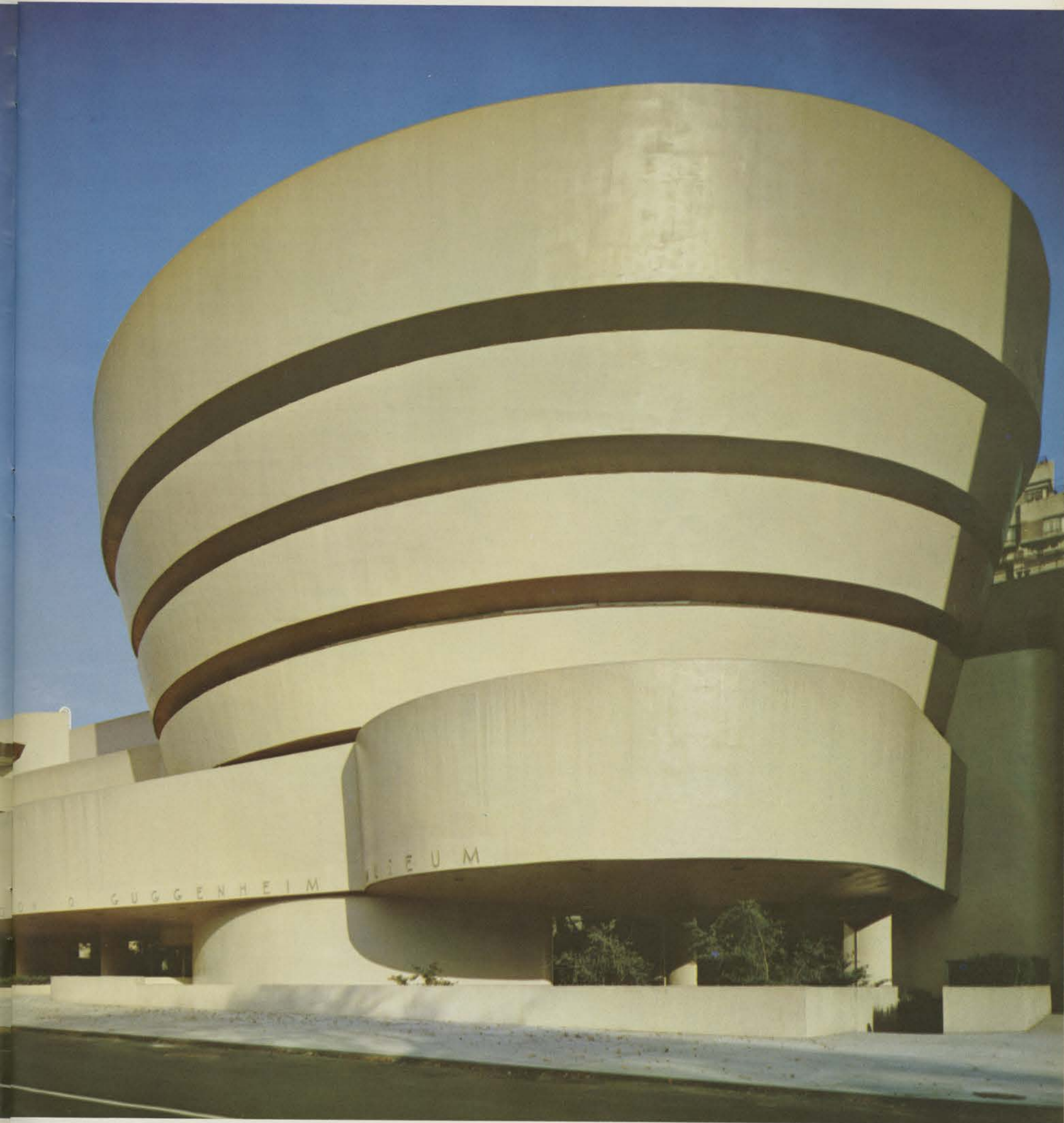
павильон ежегодной ярмарки-выставки штата Северная Каролина в Роли (фото сверху). Наиболее прославленным (что еще не значит самым удачным) из таких криволинейных сооружений является выстроенный по проекту Франка Ллойда Райта нью-йоркский Художественный музей имени Гуггенхайма (фото справа). Здание своими очертаниями напоминает скрытый внутри спиралеобразный пандус выставочных помещений. Постройка здания завершилась через шесть месяцев после смерти зодчего, скончавшегося в 1959 году.

НОВЫЕ РОМАНТИЧЕСКИЕ ВЕЯНИЯ

Жесткая геометрическая простота «интернационального стиля» была взорвана не только подобными надуманными формами, вызванными стремлением к монументальности. Новые веяния, отдающие дань романтическому духу и декоративности, охватили всю американскую архитектуру. Широкое применение легко формующегося, эластичного бетона, противопоставляемого жестким, угловатым стальным конструкциям, приводит к выполнению в скульптурных формах если не всего здания, то во всяком случае опор его фасадов. Игра светотеней, смелые узоры, интересная фактура, размашистые кривые находят самое широкое применение. Архитектор уже не ищет для здания предельно простой формы, и оно перестает быть только оболочкой, цель которой — прикрывать и охранять различные виды деятельности внутри него. Наоборот, сейчас организация пространства внутри здания зачастую выражается вовне с такой дерзновенностью, что критики начинают поговаривать об архитектурных «зверствах».

Умеренным и приятным для глаза образцом этой экспрессивной, железобетонной архитектуры служит вашингтонский театр «Арена» (фото слева), выстроенный в 1961 году по проекту молодого чикагского архитектора Гарри Уиза. В одном здании находится небольшой зрительный зал со сценой посредине, а в другом, соединенном с первым, — просторное фойе, где в антрактах зрители могут прохаживаться, беседовать, пить кофе и рассматривать выставленные картины. Такая планировка и форма не годились бы, конечно, для постройки иного назначения. Здание бостонского муниципалитета, которое будет строиться по премированному на всеамериканском конкурсе коллективному проекту Герхарда М. Каллмана, Ноэла М. Маккиннелла и Эдуарда Ф. Ноулса, представляется гораздо более массивным и вызывающим. Молодые архитекторы свалили в одну — на первый взгляд беспорядочную — кучу, самые разнообразные пространственные элементы: огромные залы, комнаты всевозможных размеров,

Музей имени Гуггенхайма

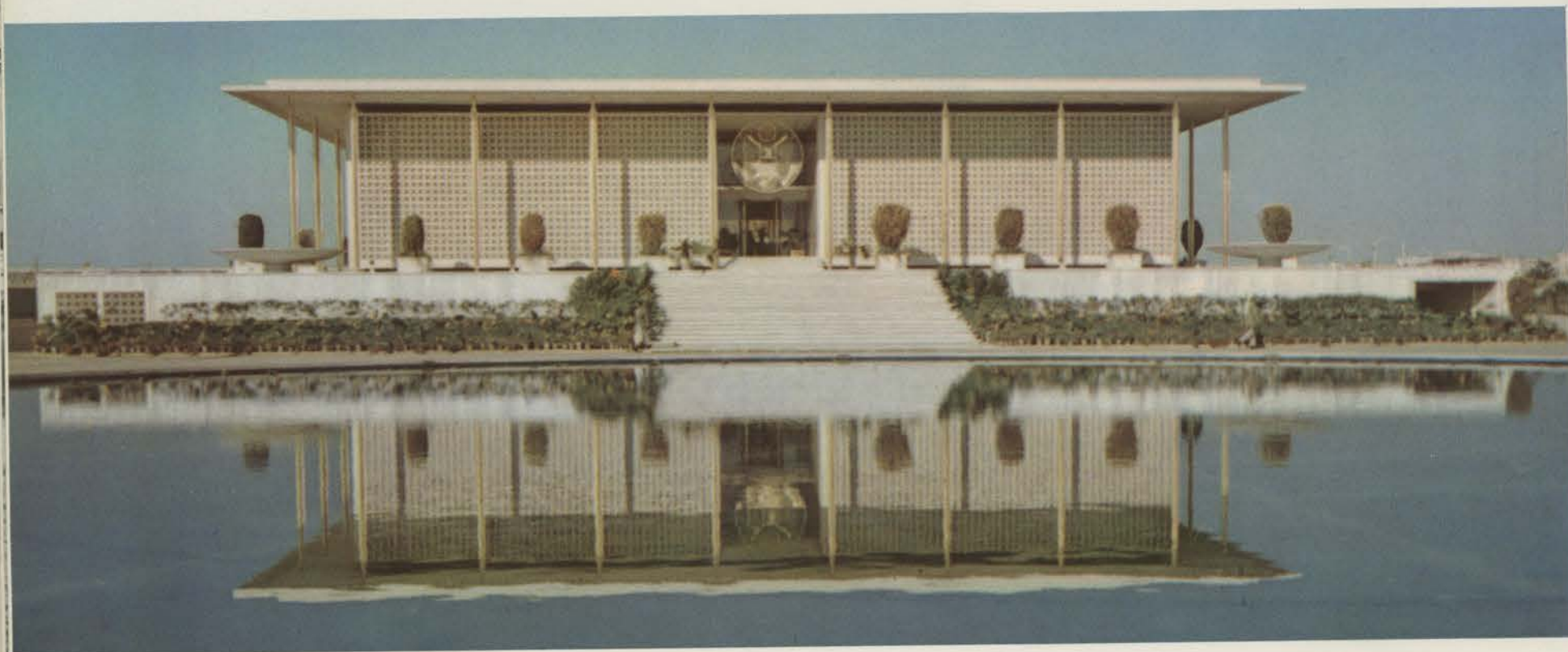
Общественный центр памяти Макгрегора

лестницы, коридоры и прочее. Внутренняя планировка всего комплекса отличается изумительным удобством и практичностью. Однако снаружи произвольное нагромождение блоков и опор, пустых и заполненных пространств создает беспорядочный, абстрактный рисунок. Это сооружение, многим напоминающее мощные, грубо скроенные здания Ле Корбюзье в Чандигархе, административном центре Пенджаба, намеренно примитивно по замыслу и выражает протест против машинно-стандартной архитектуры таких сооружений, как Ливер-хаус, Технический центр «Дженерал моторс» и дом Ф. Джонсона.

Однако этот же бунт против стандартизации зодчества породил и такие здания, как исполненный благородного изящества дом нью-йоркской филармонии, выстроенный по проекту Гаррисона и Абрамовича. Здание это — единственная законченная часть строящегося Линкольновского центра исполнительских искусств — отличается простотой и геометрической четкостью линий, и в его внешних опорах скульптурные формы использованы с максимальной сдержанностью. Другие почти сплошь застекленные здания как на стальных, так и на железобетонных каркасах украшаются сейчас скульптурными деталями, провисающими и нависающими балдахинами, решетками и узорами; в них используются различные цвета и фактуры самых разнообразных, но функционально совершенно оправданных материалов.

Типичными примерами таких сооружений являются: «Международное здание» архитекторов Аншена и Аллена в Сан-Франциско (фото справа) — позолоченная башня для контор и канцелярий; два спроектированных Минору Ямаками здания в Детройте — Общественный центр памяти Макгрегора для съездов и собраний (фото слева) и здание фирмы «Рейнолдс металс компани»; замечательное здание посольства Соединенных Штатов в Дели Эдуарда Д. Стона (фото внизу). Эти и другие аналогичные сооружения размножились за последние годы в огромном количестве; по декоративной пышности и сочности они зачастую не уступают архитектуре Альгамбры или кружевной венецианской готике.

Средневековой мистикой и явным романтизмом окрашена последняя работа Луи Кана — филиладельфийского архитектора,

Посольство Соединенных Штатов в Дели

«Международное здание» в Сан-Франциско

родившегося в Эстонии на острове Сарема. Самая известная его работа — здание Медицинских учреждений имени Альфреда Ньютона Ричардса (фото справа) на территории Пенсильванского университета. «В здании есть принципиальность, сила, основательность и радость, оно утверждает, учит и вопрошает», — писал о нем один критик. Здание представляет собой ряд высоких, тесно поставленных кирпичных вертикалей, окружающих и поддерживающих сомкнутые стеклянные кубы; их цементные полы и квадратные колонны образуют смелый, угловатый узор. Здесь Кан воплотил в жизнь свою идею отделения основных помещений от подсобных. За высокими, голыми каменными стенами скрыты подсобные помещения — клетки с животными, санитарные узлы, водопровод и газопровод, подающие и отсасывающие воздух трубы, отопительная система, установки для кондиционирования воздуха. За стеклом, залитые светом, как студии художников, размещаются основные, главные помещения — лаборатории, кабинеты, больничные палаты, в которых протекает сосредоточенная научная работа.

Архитектурное творчество достигло за последние годы такого разнообразия форм, что Льюис Мумфорд мрачно предостерегает: «Техническая изощренность и эстетическая смелость, проявляющиеся в таких колоссальных масштабах, способны только увеличить существующий хаос».

НАЦИОНАЛЬНА ЛИ АМЕРИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА?

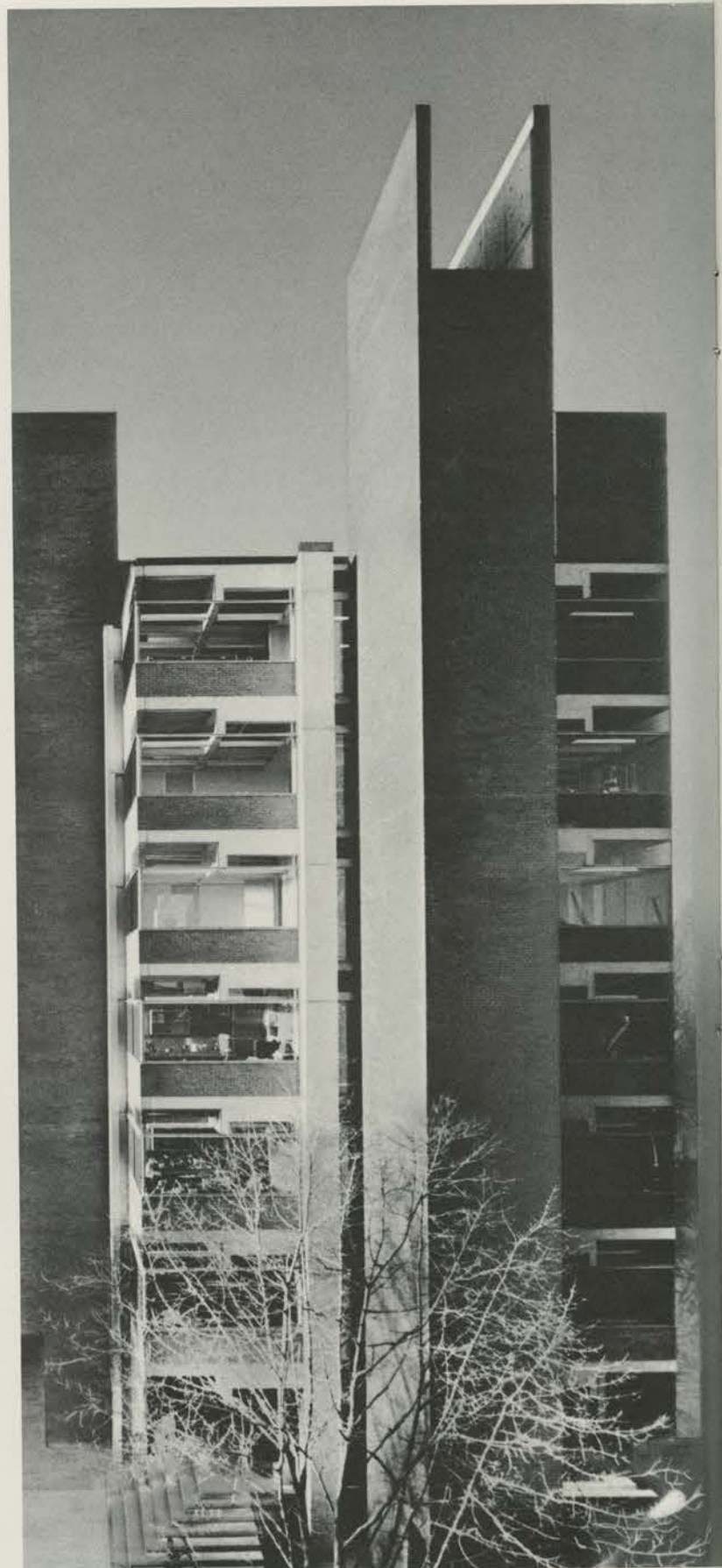
Пронсходящие в американской архитектуре сдвиги являются, конечно, не чисто американским явлением, но отражением того, что происходит во всем мире. Интернациональной стала архитектура в целом, а не один какой-нибудь стиль: борьба идей, вызванная техническими усовершенствованиями и брожением архитектурной мысли, не знает национальных границ. Сложные расчеты сжимающих и растягивающих напряжений в тонкостенных армоцементных конструкциях, проведенные Пьером Луиджи Нерви в Италии, последняя постройка Кензо Танге в Японии или новый проект Оскара Нимейера в Бразилии вдохновляют американского архитектора ничуть не меньше, чем какое-нибудь замечательное новое здание, выстроенное напротив его бюро другим американским архитектором. В свою очередь, его творчество оказывает влияние и на архитектуру других стран.

Хотя современная архитектура возникла главным образом в центральной Европе как бунт против чрезмерно декоративного, бесцельного эклектизма XIX века, однако идеи, творчество и строительные методы архитекторов Соединенных Штатов с самого начала оказывали заметное влияние на ее поступательное движение и эволюцию.

Малоизвестный американский скульптор Горацио Грино в серии статей, напечатанных между 1843 и 1852 годами, впервые сформулировал основные принципы современной архитектуры. Сам Грино никогда не занимался зодчеством, а героический реализм его скульптур (некоторые его работы можно видеть в вашингтонском Капитолии) явно отдает сентиментальностью викторианской эпохи. Но, будучи глубоким и оригинальным мыслителем, Грино задумывался над вопросами искусства и поднял знамя интеллектуального бунта против стиля своей эпохи, хотя сам не мог от него освободиться.

Известный историк архитектуры, профессор Колумбийского университета Джеймс Марстон Фитч пишет: «Не Луис Сулливан в 1890-х годах, а Грино первый высказал мысль о том, что в архитектуре, как и в живой природе, форма должна определяться функцией. И не Франк Ллойд Райт в начале этого века, а именно Грино первый выступил с требованием сделать архитектурные украшения и орнамент органической частью построек. Не кто иной как Грино, за восемьдесят лет до Ле Корбюзье, сказал, что здания следует рассматривать как машины, предназначенные снабжать обитателей уютом и комфортом. Это он, а не Вальтер Гропиус, создавший «Баухауз» в догитлеровской Германии, впервые заявил, что машиностроители и кораблестроители зачастую стоят ближе к подлинному искусству, чем художники по профессии».

Нет, конечно, ни малейшего основания думать, будто кто-либо из этих четырех гигантов современной архитектуры — Луис Сулливан, Франк Ллойд Райт, Ле Корбюзье или Вальтер Гропиус — хоть краем уха слышал о высказываниях Грино. Но его статьи, лишь недавно извлеченные из-под спуда и переизданные, напоминают нам о важной истине: плодотворные идеи никогда не бывают исключительным достоянием одного человека или одной страны: они возникают одновре-

Здание Медицинских учреждений имени А. Н. Ричардса

менно у многих людей в разных странах. Сначала, никому неведомые, они струятся в глубине, как подземные ручьи, и вдруг, выбившись на поверхность, сливаются в мощный поток, способный изменить течение истории.

Теоретических концепций Грину оказалось недостаточно, чтобы противостоять напору архитектуры XIX века, стремившейся втиснуть новые требования в архаичные формы, скопированные с египетских гробниц, римских храмов, дворцов Возрождения и готических соборов, или в электрические комбинации этих форм. И только тогда, когда Вальтер Гропиус, Миес ван дер Роэ, Эрик Мендельсон, Ле Корбюзье и другие объединили новые идеи с достижениями новой техники, историческое развитие архитектуры пошло по иному руслу.

ФРАНК ЛЛОЙД РАЙТ И ЛУИС СУЛЛИВАН

Названные зодчие Старого Света вдохновлялись идеями Франка Ллойда Райта, статьи которого печатались в европейских журналах, хотя на родине имя его было еще мало известно. В архитектуре Райта их больше всего восхищала неистощимая изобретательность, позволявшая ему приспособляться к новым техническим открытиям и перевоплощать их в открытые архитектурные.

Приверженцы викторианства изо всех сил стремились замаскировать такие новинки, как электрическое освещение, паровое отопление и стальные каркасы. Райт, напротив, не прятал электрических лампочек в поддельные канделябры — он использовал их для создания новых эффектов освещения.

Центральное отопление он применял для того, чтобы нарушить четырехстенную замкнутость комнат, и — устанавливая его иногда в полу — создавал открытые пространства своего «свободного плана». Райт использовал зеркальное стекло не только для увеличения размера окон, но и для сплошного застекления выходящих в сад стен дома, создавая совершенно новые взаимоотношения между внешним и внутренним пространством. Его стальные колонны не были имитацией коринфских — он пользовался ими для создания смелых новых форм, подобных, например, нависающим консолям особняка Роби (фото внизу). Найденный им путь превращения новой строительной технологии в новую эстетику сделался столбовой дорогой архитектуры. Главным вкладом Америки в эту технологию было усовершенствование конструкций на металлических каркасах, позволивших воздвигать небоскребы.

Зодчество Соединенных Штатов с первых шагов своего развития было обусловлено нехваткой рабочих рук и дороговизной труда. В материалах же, в том числе в железе и стали, недостатка не ощущалось, и они были относительно дешевы. Упор поэтому всегда делался на индустриализацию строительства. Искусство строить из камня, например, в Америке всегда было в заоне, потому что каменная или кирпичная кладка производится вручную и обходится слишком дорого. Вот почему американцы давным-давно стали культивировать строительство домов на каркасах, материалами для которых служили сперва дерево, а затем сталь. Каркасы обшивались оболочками из гонта, тонких досок или кирпича. Оболочки

Особняк Роби

делались тонкими, так как им не нужно было нести на себе груз следующих этажей и крыши.

После 1830 года, когда гвозди стали изготавливаться машинным способом, по этому методу строилось большинство американских домов. Металлические каркасы и готовые стеновые панели из чугуна появились в некоторых районах Соединенных Штатов уже в 1835 году. Первое в мире высотное здание, выполненное на многоярусном стальном каркасе с оболочкой, не являющейся несущим элементом конструкции, — здание Страхового общества в Чикаго — построил в 1883 году архитектор Уильям Ле Барон Дженни. Значительное влияние на развитие архитектуры оказал также лифт, изобретенный американцем Элишей Дж. Отисом в 1852 году. К началу XX века Луис Сулливан и другие архитекторы «Чикагской школы» создавали проекты небоскребов с навесными стенами, мощных и величественных в своей простоте. Гропиус, Миес, Ле Корбюзье и другие «авангардисты» использовали появление этих строительных методов для создания новой архитектуры, в которой, как выразился в 1901 году Луис Сулливан, «форма определяется функцией».

МИЕС ВАН ДЕР РОЭ И ВАЛЬТЕР ГРОПИУС

Однако, несмотря на деятельность Луиса Сулливана и Франка Ллойда Райта и на зароненные ими семена, эта новая архитектура на американской почве пустила всходы с запозданием. Американцы, как полагается, не признали своих пророков и продолжали воздавать дань ложноклассицизму и украшать даже небоскребы греческими колоннами и готическими арками. Первым свидетельством широкого интереса американцев к европейским новаторам была устроенная в 1932 году нью-йоркским Музеем современного искусства выставка новой архитектуры Франции, Голландии и Германии под общим названием «интернациональный стиль». На следующий год Гитлер установил в Германии «генеральную линию» в искусстве, и под запретом оказались все стили, за исключением самых реакционных. Гропиус, Миес и много их учеников покинули родину и переселились в Соединенные Штаты, дабы свободно продолжать здесь творческую и педагогическую деятельность. С тех пор интернациональный стиль начал свое победное шествие по стране. Ряд американских архитекторов проходил учебу у Гропиуса в Гарвардском университете или у Миеса в Иллинойском технологическом институте. И наконец-то страна признала своего собственного пророка — Франка Ллойда Райта.

Интернациональный стиль по-прежнему процветает и развивается. Миес ван дер Роэ, приближающийся к восьмидесяти годам, но все еще не выпускающий изо рта сигары, по зоркости и пылкости ума не уступает своим молодым ученикам. Он остается апостолом классического, дисциплинированного функционализма. Трудится он не покладая рук. В неприхотливой студии на верхнем этаже фабричного здания в Чикаго он создает все новые и новые проекты застекленных кубов и стройных параллелепипедов. Выполненные на стальных каркасах, следующих классическим законам ритма и пропорции, здания эти у него с каждым годом выглядят все более воздушными. Простота их обманчива. Тщательная отделка всех деталей, от оконных переплетов до дверных ручек, художественная обработка различных, зачастую очень дорогих, материалов, продуманность конструкции и рациональность использования внутренних пространств придают зданиям Миеса благородную и несомненную красоту.

Самой известной работой Миеса является здание фирмы «Сиграм» (см. снимок на стр. 15), построенное им в сотрудничестве с Филипом Джонсоном наискосок от Ливерхауса. Строительство здания закончилось в 1958 году. Классицизм этого небоскреба яснее всего виден в тщательно продуманном соотношении пролетов (3:5), которому подчиняется общая архитектура здания. Бронзовый фасад состоит из надоконных и междооконных панелей, ясно выявляющих структуру здания и чередующихся ритмически, но с легким вертикальным акцентом. Несмотря на скупость средств здание обладает элегантно роскошью и производит глубокое впечатление, сколько бы раз мы мимо него ни проходили.

Не только высотные конторские здания, подобные Сиграму, но и многоквартирные дома, школы, больницы, особняки и другие строения сооружаются сейчас в разработанной Миесом манере. Однако лишь немногие из них хотя бы отчасти приближаются к достигнутой самим Миесом совершенной гармонии. Среди этих немногих заслуживает упоминания здание

банка «Чейс-Манхаттан» (фото справа), выстроенное на Уолл-стрит по проекту Скидмора, Оуингса и Мерилла. С удивительной простотой возвышается эта шестидесятиэтажная остекленная башня с подчеркивающими ее вертикальность внешними одетыми алюминием колоннами, спокойно говоря миру о своей уверенности и силе. Роскошь тщательно продуманной внутренней и внешней отделки заставляет вспомнить о знаменитом изречении Миеса: «Бог — в деталях».

Нетрудно понять, почему Миес оказал такое огромное и длительное влияние на американскую архитектуру. Созданный им стиль, в котором каркас — либо скрытый внутри, либо слитый с оболочкой, либо подчеркнутый снаружи — определяет общую схему, этот стиль подкупает архитекторов своей легкостью и простотой. Отдельные элементы конструкции легко поддаются массовому изготовлению на заводах. В особенности это относится к наружным панелям, нередко обладающим изоляционными качествами и изготавливаемым из стекла, алюминия, нержавеющей или эмалированной стали и пластмасс с разнообразной фактурой и окраской.

Но в подкупающей простоте этого стиля таится опасность. Главная опасность — однообразие: похожие друг на друга, как близнецы, стеклянные коробки вырастают по всей Америке — от Бостона до Лос-Анжелеса и от Ричмонда до Сиэтла, да, можно сказать, и по всему миру. Кроме того, при ближайшем рассмотрении форма их на деле нередко оказывается менее рациональной, чем кажется. Действие тепла, солнечных лучей и холода — а климат во многих частях США отличается резкими температурными колебаниями — предъявляет суровые требования к строителям. Им приходится прибегать к сложному оборудованию, чтобы сделать здания удобными для жизни. Солнцезащитные щиты Ле Корбюзье и декоративные решетки Стона решают проблему только частично.

Архитекторы сделали и другое открытие: здания, выполненные в этом стиле, зачастую вовсе не воплощают принцип Сулливана «форма определяется функцией». Наоборот, их форма задается заранее, а функция более или менее удачно к ней подгоняется. Потом зодчие стали спрашивать себя, удовлетворяет ли людей такая лаконичная, прилизанная, угловатая, «машинная» архитектура? Или же, быть может, в наш век науки и техники люди ищут эстетического и эмоционального удовлетворения в органических, криволинейных, подражающих природе формах, в грубой фактуре, в игре света и тени, в необработанных, естественных материалах?

«ОБИТАЕЛЬНОСТЬ»

Эти раздумья 1950-х годов (не являются ли они началом нового бунта против архитектурной революции 1920-х и 1930-х годов?) повлияли не только на профиль, но и на план зданий.

Усилилось стремление делать здание внутри как можно более интересным и разнообразным, создавать удобную и приятную для жизни атмосферу. Появилось и заняло доминирующее положение новое, не существовавшее раньше понятие «обитабельность», под которым понимается степень пригодности здания для жизни. И эта новая забота о функциональности и удобстве внутренних пространств — желание планировать и оборудовать помещения так, чтобы они как можно лучше отвечали своему назначению, — начинает сказываться и на внешних контурах зданий.

Школы, например, теперь уже не строятся в виде простых, прямоугольных коробок. Их внешняя форма обычно отражает желание разделить детей по возрастным группам, поместить каждую группу в подходящие для обучения условия, создать наилучшую обстановку для преподавания каждого предмета. Пригородные школы нередко представляют собой ныне комплекс отдельных павильонов, окруженных дорожками и цветниками и размещенных наиболее рациональным образом по отношению друг к другу и к спортивным площадкам.

Строя жилые дома, архитекторы — во всяком случае, наиболее вдумчивые из них — тоже стремятся теперь учитывать различные интересы членов семьи и обеспечивать каждому уголок, соответствующий его склонностям. В домах часто создаются новые взаимоотношения между внутренним и внешним пространством за счет застекленных дверей и целых стен, открывающих вид на сад, террасу или патио. Даже в небольших домах, благодаря встроенной мебели, застекленным стенам и свободному выходу на террасу или скрытый от посторонних глаз дворик, создается ощущение простора.

Индивидуальное проектирование домов обходится дорого, и семье со средним достатком оно обычно не по карману.

Банк «Чейс-Манхаттан»

Однако удачные нововведения быстро подхватываются крупными строительными фирмами, застраивающими микрорайоны сотнями разнотипных домов низкой и средней стоимости. Такие районы планируются архитекторами на базе нового, лучшего понимания привычек, образа жизни, желаний, вкусов людей и требований, предъявляемых ими к жилищу.

Наряду с упором на «обитабельность», воскресла тяга к архитектурной традиции. Зодчие словно переоткрыли для себя историю. Ранее, в борьбе с эклектизмом XIX столетия, они стремились любой ценой к новому и поэтому не разрешали себе — и руководимым ими архитектурным школам — задумываться над прошлым. Теперь, добившись полной победы, они стали оглядываться назад, на архитектуру Парфенона, Айя-Софии и готических соборов — всего того, что восхищало и восхищает рядового человека.

Это признание достижений прошлого, отозвавшееся в архитектуре 1950-х и 1960-х годов эхом классических колоннад, византийской орнаментальности и готических арок, явилось тоже своего рода уступкой принципу «обитабельности»: в нем отразилось желание архитекторов учитывать установившиеся вкусы и склонности людей.

Филип Джонсон, строитель стеклянного дома, одним из первых заявил: «Я считаю, что мы должны встать на плечи предыдущего поколения и двигаться дальше... Модернизм с презрением отворачивался от созданных историей ценностей и, по-моему, потерпел поражение... мы не можем позволить себе роскошь не знать истории». Творчество самого Джонсона породило здания с прелестными барочными формами, подобные его «Церкви без крыши» в Нью-Хармони (Индиана).

ИСТОЧНИКИ НОВЫХ ВЕЯНИЙ

Как бы ни называть новый путь, по которому устремилось современное зодчество: необарокко, неоекспрессионизм или «новая пышность», — следует признать, что новые веяния, вероятно, рождались главным образом за границей. Впрочем, это трудно определить с уверенностью. Новые идеи, в особенности в искусстве, возникают, как правило, одновременно у разных людей в разных странах. Но где бы ни рождались новые стили и новые методы строительства, широкое применение их на практике осуществляется в Соединенных Штатах. У нас нет в крови традиции сопротивляться переменам. Поэтому мы непрерывно ведем поиски новых, более рациональных архитектурных форм и способов строительства.

Сильный толчок в таком направлении дало творчество неутомимого новатора Ле Корбюзье, этого Пикассо от архитектуры. Именно его небольшая, но прогремевшая на весь мир капелла около Роншана в Вогезах, выстроенная в 1950–1955 годах, повернула архитектуру геометрического функционализма к скульптурному эмоционализму.

Но, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что когда строительство капеллы Роншана окончилось и в архитектурных журналах разгорелись дискуссии, Франк Ллойд Райт уже создал проект Музея имени Гутгенхайма, отличающегося такой же криволинейностью, такой же пластичностью форм и представляющего такой же радикальный отход от господствовавших течений. По замыслу и выполнению Музей многим напоминает ранние работы Райта, в особенности магазин Морриса в Сан-Франциско (1948), отличительная черта которого — спиральный пандус.

В Бразилии Оскар Нимейер уже в 1943 году построил церковь Св. Франциска в Пампуля, стены и крышу которой образуют ритмически стекающие параболические своды. Архитектура этой церкви тоже несомненно предвосхищает современное направление. Нельзя забывать и о проектах немецкого архитектора Эрика Мендельсона, набросанных им еще в 1917 году в окопах Первой мировой войны. В то время его фантастические видения нельзя было осуществить по техническим причинам, даже если бы они и пришлись по вкусу публике. Но эти пророческие наброски удивительно похожи на новейшие образцы современного «скульптурного» зодчества.

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ИСПОЛЬЗУЕТ РАСТЯЖЕНИЕ

В наше время они стали возможными благодаря успехам техники железобетонных конструкций. Ими мы обязаны больше всего французскому инженеру Эжену Фрейсине, выстроившему в 1916 году для дирижабля ангар со складчатым сводом в Орли под Парижем, и швейцарскому инженеру Роберту Майяру, перебрасывавшему, примерно в те же годы, первые столь грациозные железобетонные мосты через альпийские

Здание общества страхования жизни «Феникс»

ущелья. Испанец Эдуардо Торроха и итальянец Пьер Луиджи Нерви еще больше усовершенствовали технику железобетонных сооружений. Они создали тонкостенные конструкции, работающие не только на сжатие, но и на растяжение: в них стены и крыша, несомое и несущее, костяк и оболочка представляют единое целое. Стенки этих конструкций зачастую действительно очень тонкие. Прочность их, как у скорлупы яйца, обуславливается не толщиной, а формой.

Вполне естественно, что над развитием бетонных конструкций больше всего трудились такие бедные сталью страны, как Испания и Италия, а богатая сталью и другими металлами Америка разработала методы покрытия больших пространств металлическими куполами. Однако до настоящего времени «геодезические купола», как именуют такие конструкции их создатель Ричард Бэкминстер Фуллер, оказали меньшее влияние на развитие архитектуры, чем работы Нерви и Торроха. Они применяются главным образом как временные сооружения и являются идеальным решением для постройки выставочных павильонов: установить их очень легко, а везет они так мало, что вертолет может без труда поднять купол и перенести его в другое место. Есть, впрочем, и исключения: павильон Американской выставки 1959 года в Москве, ставший частью архитектурного пейзажа Сокольников, и другое постоянное сооружение этой конструкции — «Климатрон» — геодезический купол, покрывающий ботанический сад в Сент-Луисе. Он выстроен в 1961 году по проекту архитекторов Морфи и Макки, применивших принципы Фуллера.

Новые работающие на растяжение конструкции, какие бы материалы в них ни использовались — железобетон или легкие металлы, позволяют архитекторам создавать любые скульптурные формы. Но одновременно они предъявляют к строителям новые требования. В старых конструкциях опоры или каркасы в значительной степени предопределяли форму будущей постройки, ограничивали ее возможности. Но теперь архитектор может построить здание любой формы. Техника не налагает почти никаких ограничений на его творчество.

Чрезвычайно удачным архитектурным парадоксом является здание общества взаимного страхования жизни «Феникс» в Хартфорде (Коннектикут). Спроектированное архитекторами Гаррисоном и Абрамовичем сооружение (фото слева) — заостренный эллипс в плане — покоится на тонких столбах-опорах и несколько напоминает корпус огромного корабля.

Не все архитекторы, однако, используют открывшуюся перед ними свободу с полным сознанием ответственности. По мнению ряда критиков, слишком много американских архитекторов стремится не к красоте, а лишь к оригинальности во что бы то ни стало. Многие критики разделяют мнение Мумфорда о том, что новые криволинейные формы и новый экспрессионизм могут повести к хаосу, а Мнес ван дер Роэ как-то сказал: «Совершенно невозможно — да и не нужно — каждую неделю придумывать новый архитектурный стиль».

СОЗДАВАТЬ АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ

Вполне возможно, однако, что все разговоры об архитектурном хаосе в конечном итоге окажутся такими же беспочвенными, как и прежняя боязнь архитектурной монотонности. Как часто случается с нашими человеческими делами, спорить об этом не приходится, так как данный вопрос в настоящее время теряет смысл. Дело в том, что архитектурная мысль сейчас переносит центр тяжести с отдельного здания на ансамбль, на единое архитектурное целое — будь то улица, площадь или микрорайон. Под архитектурой начинают понимать не искусство воздвигать здания, но искусство создавать для человека жилище в самом широком смысле слова.

Именно под этим углом зрения архитекторы совместно с социологами, инженерами и городскими планировщиками решают сейчас основную задачу градостроительства — создание «вторых Соединенных Штатов». Перед ними стоят две угрозы, которые проще всего можно охарактеризовать словами «разрастание города» и «перегруженность города».

В погоне за зеленью, свежим воздухом и удобными для детворы площадками, миллионы американцев переселяются из городов в пригороды. Исход этот с каждым годом приобретает более и более широкие размеры, потому что современный транспорт, в особенности же собственный автомобиль, позволяет людям с удобством жить за пятнадцать-двадцать, а то и более километров от места работы. Гарантирование правительством ссуд дает возможность очень многим обзавестись собственным домом. За переселяющимися в пригороды жите-

лями следуют магазины, а часто даже конторы и фабрики. В результате, пригороды застраиваются с такой быстротой, в особенности на Восточном побережье Соединенных Штатов, что трудно сказать, где кончается один город и где начинается другой. Город наступает на природу и грозит поглотить ее.

Но и сам город находится под угрозой. Немалую опасность создает феноменальный рост числа автомобилей. В 1961 году в стране было 76 000 000 машин, считая легковые автомобили, грузовики и автобусы, то есть на сто человек приходилось свыше сорока автомобилей. В следующие десять лет общее число автомобилей вырастет еще миллионов на двадцать пять. Нескончаемый поток машин захлестывает улицы городов, строившихся в то время, когда еще нельзя было предугадать такого размаха уличного движения. Постоянные заторы и недостаточное число стоянок сводят почти на нет выигрыш во времени, который обеспечивает автомобиль в нормальных условиях. Нью-Йоркцы в часы пик нередко говорят друг другу: «Если времени нет, пойдем пешком, а если спешить некуда — возьмем такси». И далеко не всегда это говорится в шутку.

Строительство в городах скоростных автострад с ограниченным числом съездов, расширение улиц и увеличение числа стоянок — все эти меры сами по себе не решают проблемы. Строительство добавочных метро и расширение других средств городского транспорта тоже вряд ли значительно уменьшит количество автомобилей на улицах города. Парализовать обе угрозы удастся лишь путем планирования и перепланирования жилых районов. Нужно создать такие условия жизни, чтобы люди потянулись из пригородов обратно в город, захотели опять жить поближе к месту работы, к магазинам, театрам, музеям, ко всему, что связано с понятием большого населенного центра.

Архитекторы уделяют теперь большое внимание вопросам городского планирования. Они отказались от представлений архитектуры начала XX века об идеальном городе машинного века и от взглядов на здание как на «машину для жизни». Еще недавно город будущего представлялся им в виде огромного парка, пронизанного по горизонтали скоростными автострадами, а по вертикали — многоквартирными домами башенного типа. Архитекторов больше влечет уют старых европейских городов с их площадями, тесными рядами домов, непринужденной атмосферой и живой суетой человеческих будней.

В городах, планируемых по такому образцу, создаются новые парки и площади, где люди могут бродить, сидеть, отдыхать, любоваться тенистыми деревьями, цветами и фонтанами, где они получают возможность забыть о машине. Во многих американских городах создаются теперь торговые центры и проспекты, куда допускаются только пешеходы.

Здание «Сиграм» и банк «Чейс-Манхаттан» замечательны своей архитектурой и планировкой, но еще замечательнее то, что оба здания не используют всего отведенного под них участка городской земли, кстати сказать весьма не дешевой: они отодвинуты вглубь, а перед ними разбиты площадки и скверы. Сквер перед зданием «Сиграм» с двумя фонтанами, со скамейками из зеленого мрамора представляет уютный оазис в самом центре бурлящего Нью-Йорка. Здесь, как и в сквере перед банком «Чейс-Манхаттан», измотанные пешеходы могут перевести дух. Сюда погожим днем сходятся в обеденный перерыв девушки из близлежащих контор, приносят с собой завтрак и кормят хлебными крошками голубей. Таким образом, «Чейс-Манхаттан» предоставил 70 процентов своей земли «на радость людям», как сказал Август Хекшер, советник покойного Президента Кеннеди по делам культуры.

Перенесение центра тяжести с машины на человека отбрасывает на второй план и вопрос об архитектурном стиле отдельных зданий. Не стиль, а забота о «радости людей» явится фактором, который определит лицо «вторых Соединенных Штатов». Здания будут существовать не сами по себе, но как часть общегородского ансамбля. Это отнюдь не значит, что все они полностью утратят свое лицо, станут невыразительными. Но мощные монументальные сооружения, подобные вашингтонскому аэропорту Сааринена, будут воздвигаться там, где эта монументальность оправдана: они будут играть роль точек притяжения в разумно спланированных городах.

Если архитектурная мысль пойдет и в дальнейшем таким путем, оригинальность, техническая изобретательность и художественная выразительность каждого здания будут подчинены стремлению сделать весь город наиболее удобным для жизни его обитателей. Забота о человеке стала сейчас главной задачей архитекторов и градостроителей. ▼

Благодаря гаражам улицы не загромождены машинами, что удобно для взрослых и безопасно для детей.

Перед жителями долины открывается чудный вид: залитые солнечным светом горы и тенистые дубовые рощи.

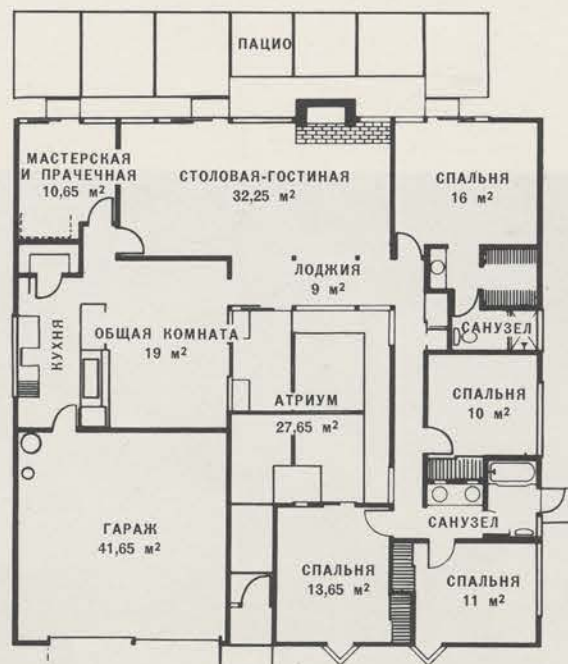
ОБИЛИЕ СВЕТА И ВОЗДУХА

Фото ЭРНЕСТА БРАУНА

В непринужденной обстановке сан-францисский зубной врач Томпкинс угощает гостей на патио своего дома.

Виниловый пол в доме Ирвинга Томпкинса выдерживает любую нагрузку, включая игры шустрых сыновей врача.

Типичный план жилой площади: комнаты сосредоточены вокруг атриума, расположенного в центре.

В НАШ ВЕК небывалого роста городов и населения главе семейства все чаще приходится сталкиваться со сложной проблемой: где найти такое жилье, которое, находясь подальше от города, обеспечивало бы достаточно пространства для его подрастающих отпрысков и одновременно позволяло бы ему без особых трудностей добираться до места службы? В районе Сан-Франциско многие семьи разрешили эту проблему, поселившись в пятидесяти километрах на север от города. Здесь строительная фирма «Эйхлер девелопмент» запланировала постройку городка-спутника, состоящего из односемейных домов, расположенных неподалеку от школ, культурного центра, магазинов и церквей. Не желая нарушать красоты окружающего пейзажа, фирма установила подземную электропроводку. Нетронутыми остались и шесть гектаров леса, которые вместе с рекой были включены в городской комплекс. Из городка-спутника до Сан-Франциско можно доехать за полчаса по широким шоссе. Отличная планировка домов и обилие зелени радуют глаз.

Миссис Зелл с сыном Питером в своем уютном атриуме, залитом солнцем и украшенном тропическими растениями.

СТАРАЯСЬ полностью использовать красоту пейзажа, фирма «Эйхлер» в постройке домов успешно применила стеклянные панели как для стен, так и для раздвижных дверей. Благодаря удачной планировке, четыре спальни и два санузла оказались изолированными от остальной жилой площади, где в дневные часы протекает оживленная деятельность. Среди целого ряда современных удобств — встроенные в стойку плита, духовой шкаф и стиральная машина. В каждом доме имеется просторный гараж на два автомобиля. Цена домов от 26 400 до 32 000 долларов. Для покупки необходимо внести известную сумму наличными и затем выплачивать ежемесячными взносами стоимость дома. Для получивших заем, обеспеченный Федеральным правительством, задаточная сумма может ограничиться 3000 долл., для ветеранов — 950 долл. Часто новоселы, подобно семействам Зелл и Юан, показанным на фото, оборудуют дома по своему усмотрению, в соответствии с потребностями.

Семья Зелл за обедом в полностью электрифицированной кухне.

Деревянный настил над ручьем во дворе своего дома соорудил сам Поль Зелл.

В столовой просторного комфортабельного дома Си Юан разливают своим гостям вино.

Для защиты от палящего солнца Си Юан, инженер-химик, сконструировал над патио легкую навесную крышу. Семья купила себе дом шесть лет тому назад.

Большая общая комната пригодна для работы, занятий и игр.

В один из погожих солнечных дней семейный квартет Си Юана наслаждается музыкой.

ПРИЗНАНИЯ МОЛОДОГО АРХИТЕКТОРА

Интервью с Джоном Ричардсом Эндрьюсом

МЭРИ СЭЙР ХЕЙВЕРСТОК

Ричардс Эндрьюс с детства мечтал стать архитектором. Мечта его сбылась, и в тридцать лет он уже работал младшим компаньоном в архитектурном бюро. Но молодому человеку хотелось большего, хотелось быть самому себе хозяином. И вот три года назад он принял смелое решение: снял бывший каретник, устроил там себе студию и кабинет, распрощался с работодателем, повесил на двери скромную вывеску и стал ждать клиентов. Очень немногим американским архитекторам удается вскоре после окончания университета открыть свое дело. Но Ричардс Эндрьюс, человек волевой и независимый, умеет добиваться своего. Кроме того, за его плечами солидный опыт: с пятнадцати лет, еще учеником средней школы, он в свободное время работал в архитектурных бюро. Как же идут его дела? Во время интервью Ричардс Эндрьюс ответил на этот и многие другие вопросы и откровенно высказал ряд мыслей об архитектуре вообще и о своей карьере в частности.

ВОПРОС: Скажите пожалуйста, мистер Эндрьюс, когда вы решили стать архитектором?

ОТВЕТ: Когда мне было лет восемь-девять. Так давно, что теперь уже не помню, чем обосновывалось такое решение. Вполне возможно, мне просто хотелось строить красивые здания. А любовь к красоте, мне, вероятно, привили иллюстрации в детских книжках. Когда я окончил восемь классов, отец устроил меня к балтиморскому архитектору. Продолжая учиться в школе, я работал младшим чертежником, раскладывал по папкам бумаги, записывал расходы, бегал за кофе... Под вечер я по возможности делал свои проекты, обычно в традиционном стиле. Корпел я и над учебниками, имевшимися у нас в бюро. В большинстве своем они описывали архитектуру XVIII века и классику. Поступая в колледж, я был уверен, что уже постиг всю премудрость: считал, что самое главное — сделать грамотный проект и серию хороших рабочих чертежей, удовлетворяющих по стоимости исполнения пожелания заказчика. О красоте и оригинальности я тогда не задумывался, архитектура для меня была не искусством, а ремеслом.

В. Как на вас повлиял колледж?

О. Я поступил в Вирджинский университет, в душе надеясь как можно скорее пройти пятилетний курс и получить диплом архитектора. Я добился стипендии, что позволило мне окончить курс за три с половиной года. Не вижу в том особой заслуги: когда занимаешься любимым делом, работаешь с двойной энергией. Насколько помню, для первой курсовой работы мне был задан проект лестницы. Я выполнил его в классическом стиле XVIII века — и получил ноль с минусом. В том же году, проходя обязательный курс «Зрительные основы архитектуры», я начал постепенно понимать, что элемент творчества в

зодчестве имеет значительно большее значение, чем я предполагал. Не желая идти против течения, я поначалу решил просто присоединиться к господствующему мнению, но в конце концов пришел к выводу, что именно современная архитектура отвечает моим запросам.

В. Удалось ли вам по окончании университета найти работу в фирме, сотрудники которой разделяли ваши взгляды?

О. Мне сразу же повезло. Отслужив свой срок в морской пехоте, я устроился в балтиморской фирме, где главное внимание обращали на художественную, а не на деловую сторону, и где от архитектора требовалось значительно больше, чем простая подготовка чертежей. В фирме тщательно обдумывали каждую деталь постройки. Работы было много, но, к сожалению, пришлось уйти: фирма не могла платить мне больше 80 долларов в неделю, а у меня была жена и ребенок, и хотелось зарабатывать больше. Мы решили переехать в Вашингтон, где строительство процветало. Там я служил в различных фирмах, но работа была далеко не такой интересной.

В. Стоит ли начинающему архитектору некоторое время проработать в довольно известной строительной фирме?

О. Конечно. Прежде всего, молодой архитектор обязан по закону минимум три года посвятить «всесторонней практике», и только после этого он имеет право просить о допущении к государственному экзамену (у меня еще до окончания университета накопилось больше стажа, чем требовалось). Затем, что еще важнее, в архитектурных школах приходится концентрироваться на общих проблемах и для практических деталей времени не остается. В колледжах, например, не готовят чертежников для архитектурных бюро.

Там не читают курса по проектировке деталей, а без них здания не построишь. Студенты главным образом изучают общую планировку — и это прекрасно. Но когда они поступают в бюро, они плохо владеют рейсфедером. Раньше черчение было специальностью, которая многих привлекала. Ведь рабочие — те, что возводят здание, будь то плотники или каменщики, — получают понятие о постройке по сделанным архитектором рабочим чертежам. И такие чертежи имеют большое значение. Предполагается, что молодой строитель по-настоящему учится черчению у своего первого работодателя, и это, по-моему, правильно. На моей первой работе — я тогда был еще школьником — мне дали лист ватманской бумаги в квадратный метр, велели разлиновать его на ровные квадратики и потом аккуратно соединить все углы диагоналями. Затем меня заставили выводить буквы, пока я в совершенстве не набил руку. Я говорю о вычерчивании букв, не о печатании. Печатает машина, а вырисовывать буквы должен чертежник.

В. Почему архитекторы, только что окончившие учебное заведение, очень часто жалуются на разочарование в работе?

О. Приведу вам такой пример. Один из моих работодателей, который для дипломной работы в Принстонском университете сделал проект морской академии для страны с многомиллионным населением, рассказывал мне, что в фирме его первой работой был проект уборной.

В. Нужно ли сдавать особый экзамен, чтобы получить права архитектора?

О. В каждом штате имеются свои экзамены. Вас проверяют по всем разделам архитектуры четыре-пять дней — в зависимости от штата. Если кандидат провалится по какому-нибудь разделу, ему разрешается держать повторный экзамен неограниченное число раз. Между переэкзаменовками проходит обычно полгода. Пока экзамена не выдержишь, не имеешь права называть себя архитектором и не можешь самостоятельно выполнять проекты зданий и брать за них деньги. Некоторые мои однокашники до сих пор не сдали экзамена и продолжают работать в фирмах. Я же держал его сразу после окончания университета, и мне здорово повезло: я получил проект такого здания, над которым уже работал в университете. Когда нам объявили, что в нашем распоряжении осталось двенадцать часов, все еще возились с предварительными набросками, а я уже сдал перспективные чертежи.

В. Какие возможности открываются перед выпускниками архитектурных факультетов?

О. Самые различные. Большинство фирм принимает любые заказы и не всегда заботится об их художественном исполнении. Есть, правда, и фирмы, берущие только те заказы, которые отвечают их принципам, но таких фирм, к сожалению, немного, в них мало вакансий и, как правило, мало денег. Я работал в фирмах обоих типов, но долго не выдерживал и уходил: то мои проекты признавались слишком смелыми (даже если заказчики оставались ими довольны), то не было возможности продвигаться. Я менял одну работу за другой и, наконец, после долгих обсуждений с друзьями и женой — а у нас к тому

Солнечные лучи ласкают дом, построенный Дж. Р. Эндрьюсом в Мэриленде. Дом, выполненный из дерева, камня и кирпича, архитектор пока считает своей лучшей постройкой.

времени были уже две дочки, — решил открыть собственное дело. Произошло это в 1960 году.

В. Как вначале шли дела?

О. Говорят, что молодой архитектор может открыть свое бюро только при наличии двух факторов: если у него в банке имеется достаточно денег, чтобы прожить год, и если у него уже есть несколько заказов. Средств в банке у меня не имелось, а заказы — был один на постройку дома, за который мне предложили заплатить ниже ставок Американского института архитекторов. Кроме этого дома, ничего не предвиделось. Однако мы продержались. Правда, нам приходилось туговато, но в последнюю минуту всегда что-нибудь выручало (я говорю «нам», потому что жена страдает не меньше меня, когда я остаюсь без клиентов). Мы твердо решили принимать только те заказы, которые нам по душе. Без денег мы, слава Богу, не сидели, хотя поступали они довольно нерегулярно. В самом начале мне попался разговорчивый заказчик, желающий построить дом. Немало времени ушло на обсуждение, но дом мы все-таки построили. Однажды пришел заказ на передвижную платформу для участников инаугурационного парада. Часто крупные фирмы, не желающие возиться с мелкими заказами, направляют своих клиентов ко мне. Так, раз я получил заказ на сарай — настоящий сарай — для одного врача. Приходит много мелочей, какие-то террасы да веранды, но, по крайней мере, выполняешь их по своему усмотрению. Часто я едва свожу концы с концами, но зато уступаю клиентам лишь в одном: в размерах гонорара. Я, поди, уже разбогател бы, если бы построил все викторианские особняки в пригородах, которые мне подворачивались. Например, мне предложили строить дом в сто

тысяч долларов, но заказчик настаивал на фасаде во французском провинциальном стиле — и я отказался. В моем бюро художественную сторону дела решает один человек: я сам. И об этом я честно предупреждаю всех клиентов.

В. Как вы определяете размеры гонорара?

О. В идеальном случае гонорар составляет 12 процентов стоимости дома, включая сюда все. Но нередко гонорар бывает гораздо ниже.

В. Что вы имеете в виду под словом «все»?

О. Сперва я встречаюсь с заказчиком и порой помогаю ему выбрать участок. Потом долго с ним беседую, стараюсь узнать, как он живет и что он понимает под словом «дом». Я стараюсь не усложнять дела, и мы начинаем с обсуждения схематических планов. Вот вам пример — а вы сами судите, сколько на это уходит времени: раз я потратил на разговоры часов триста и так и не приступил к составлению детального проекта. Я делаю предварительно наброски, пытаюсь выяснить, действительно ли заказчик хочет того, о чем он мне говорит. Я прошу откровенно высказаться, что ему нравится, что не нравится, почему?.. Наконец мы принимаемся за рабочие чертежи, сметы и т. п. Архитектура вещь конкретная, и говорить в общих чертах можно только до определенного момента, после чего такие разговоры становятся бессмысленными. Когда приходит время начинать постройку, я часто знаю больше о личных проблемах моего заказчика, чем его ближайшие друзья.

В. На каком типе зданий вы специализируетесь?

О. Главным образом на односемейных домах. Когда предпринимателю надо построить склад, многоквартирное или конторское здание, он прекрасно знает, чего он хочет. Он сам нанимает подрядчика или инженера. Но особняк он строит

для себя, там вырастут его дети, там он будет принимать друзей, компаньонов и клиентов. И тут ему без архитектора не обойтись.

В. Скажите, заказчики обычно знают, чего хотят?

О. Обыкновенно знают, но архитектор должен разъяснять клиентам ряд деталей, которые им и в голову не приходят. Например, как использовать пространство — внутреннее и внешнее, какова роль света и звука (ведь большая разница между тем, как каблучки стучат по твердой поверхности и как хрустят по гравии). Или, например, я стараюсь им втолковать, что едущим к ним гостям придется, вероятно, сражаться с городским движением и что потому они придут слегка уставшими, с натянутыми нервами. Потому я всегда разбиваю перед домом несколько уменьшающихся огороженных пространств. Благодаря этому я как бы ввожу гостей в дом постепенно, а не сразу распахиваю перед ними двери гостиной. Затем большинство клиентов с ума сходит по встроенным шкафам. У меня есть знакомый архитектор. У него замечательная система. Имея дело с несговорчивым клиентом, мой приятель делает вид, будто в корне не согласен с ним относительно числа и размеров шкафов. Позже он притворяется, что уступает заказчику в этом вопросе. На такие разговоры уходит уйма времени, и детально обсуждать план комнат уже некогда. Таким образом, мой знакомый может со всем остальным делать, что хочет. Когда дом наконец готов, заказчик в состоянии по заслугам оценить труд архитектора.

В. Как вы находите заказчиков?

О. Они меня сами находят. Старые заказчики настолько любезны, что охотно показывают построенные мной дома совершенно чужим людям. Для таких «смотрин» они приводят дом в поря-

док, подают кофе, а сами ступенькаются, предоставляя моим потенциальным клиентам полную свободу. Порой с заказами приходят мои личные знакомые, но от них я всегда стараюсь отделаться. Из-за расходов по постройке или каких-нибудь мелочей может пострадать наша дружба. Выбирать архитектора надо по его способностям, а не по его манерам и походке.

В. Значит, по-вашему, архитектор не должен себя рекламировать?

О. Любой словарь вам скажет, что архитектура — это искусство. Большинство архитекторов и их объединений пытаются, однако, рассматривать ее как профессию, то есть приравнять к труду педагога, юриста или врача. Но архитектура, тем не менее, остается искусством. Многие архитектурные бюро держат у себя на службе специальных людей «для фасада». Такие люди обычно происходят из хороших семей, владеют архитектурным жаргоном, вращаются в деловых кругах, состоят во всех клубах. Благодаря этому они получают бесчисленные заказы — но они бизнесмены, а не художники. Впрочем, и я не чуждаюсь публичных выступлений. Так, я собираюсь прочесть доклад в клубе деловых людей «Киванис». Но я не ставлю себе целью завязать там знакомства — просто не упускаю случая немножко встряхнуть людей.

В. Вы когда-нибудь отказывались от постройки?

О. Много раз. Я даже прибавил свое условие к стандартной форме контракта, выработанной Американским институтом архитекторов. Заказчик, как известно, имеет право расторгнуть соглашение в любое время, если он не удовлетворен работой строителя. К этому я прибавил еще одно: оговариваю, что и архитектор может разорвать контракт, если, по его мнению, страдает художественная сторона проекта. Однажды я отказался от постройки магазина, потому что хозяин все время запрашивал всевозможных фабрикантов, с товарами которых он имел дело, что они думают о различных деталях, и потом просил меня включать в проект их предложения. Я ему сказал, что если он слушает советы других, то напрасно тратит на меня деньги. Однако он продолжал свое, и я с ним распрощался. Сперва он мне не поверил, все звонил и звал меня. Но я наотрез отказался иметь с ним дело.

В. Какого характера недоразумения бывают еще у вас с заказчиками?

О. Многие заказчики воображают, что они разбираются в архитектуре не хуже нас. Как раз теперь, при постройке церкви, у меня возникла подобная проблема. Мой проект, литургически продуманный, должен быть утвержден приходским советом, состоящим из людей, настроенных довольно критически и в архитектуре мало понимающих. Один из членов совета, по профессии адвокат, в вопросах права, наверно, собаку съел. Он все время предлагал изменения в проекте, и мне, наконец, пришлось ему сказать, что если бы мое дело разбиралось в суде и он защищал мои интересы, я всецело доверился бы его профессиональным советам; но в вопросах эстетических я, как архитектор, должен выносить окончательный приговор — иначе я отказываюсь выполнять работу. У многих заказчиков бывает еще один недостаток: они не могут себе представить здание в трех измерениях. Не раз, взглянув на чертеж и одобрив его, они меня спрашивают: «А где можно увидеть готовое здание?»

В. Чем заполнен ваш рабочий день?

О. Всем, чем угодно: от надзора за постройкой и бесед с заказчиками до выписывания счетов и кропотливой работы над чертежами. И все посвящено интересам. Чертежи я делаю сам, хотя они и отнимают много времени. Я до сих пор не нашел чертежника, который удовлетворял бы мои запросы. И в этом есть свое преимущество: когда я добьюсь успеха — а я его добьюсь — я буду полностью в курсе дела, хотя часть работы и будут выполнять другие.

В. Как, по-вашему, вы одни можете обслужить заказчика не хуже, чем большая известная фирма?

О. Когда вы обращаетесь в фирму с «большим именем», у вас нет никакой гарантии, что ваш

ний и экспериментаторства. Скажите, они вам не помогли выработать свой стиль?

О. Когда-то строители говорили: «Все, что вы начертите, мы построим». В каком-то смысле это справедливо и сегодня. Однако архитектор должен вести за собой инженера, а не наоборот. Новые методы и материалы открыли перед нами замечательные возможности использования пространства. Но архитектура не триюкачество, это умение оперировать пространственными формами. И сейчас можно добиться замечательных результатов в самой простой постройке — с помощью столба или перекладины, — но исполнение должно быть гармоничным. Свежеиспеченные архитекторы сразу же стараются создать

Эти два дома, построенные для двух семей, имеют схожие очертания, но выглядят по-разному. Деревянная постройка справа как бы парит на склоне, в то время как кирпичное здание твердо стоит на ровном участке.

дом построят архитектор с «большим именем». Работу наверняка дадут какому-нибудь ловкому молодому человеку прямо из колледжа, который работает в манере главы фирмы. Свои пожелания вы излагаете знаменитому архитектору, он своими словами передает их молодому помощнику, который фактически и занимается вашим заказом. Далеко не все пойдет гладко, но что поделаешь: за вашей постройкой от начала до конца не будет присматривать хозяйское око человека, который несет за все ответственность. В фирме, состоящей из одного человека, такого случиться не может. Проект — это тонкая ниточка, на которой держится вся постройка. Взвзвись за него, другие могут ниточку порвать, а если и попытаются связать ее, то свяжут плохо.

В. С чего вы начинаете, принимаясь за проект?

О. Всегда с окружающей среды. Если я строю односемейный дом, то начинаю с дома по соседству, если это конторское здание — со всего района. Я стараюсь всегда помнить о том, что здание должно быть связано с окружением.

В. В каком виде вы сдаете заказчикам проект?

О. В виде перспективных изображений. Макетчик я плохой, и для макета всегда можно нанять кого-нибудь. А кроме того, люди все равно ничего не видят на макете. Пусть уж лучше любуются красивым рисунком.

В. В архитектуре сейчас очень много новых течений

свой стиль, исходя из существующих элементов. Однако вы ничего не добьетесь, если начнете приклеивать кусочки своего к творчеству других. Вы можете быть эклектиком как экспериментируя с современными формами, так и работая с классическими ордерами. Нельзя добиваться успеха с помощью выигранных трюков, пусть даже вами самими придуманных, нужно выработать свою систему, достаточно гибкую и способную развиваться. Франк Ллойд Райт (хотя я и не поклонник его творчества) достиг изумительных результатов при постройке Гуггенхаймовского музея, но это еще не означает, что все музеи должны строиться по такому образцу. Когда смотришь на замечательные здания, нужно уметь анализировать свои впечатления, понять общую идею и использовать ее в своем творчестве. Я надеюсь развиваться постепенно, а не делать опрометчивых скачков в неизвестное. Я тщательно продумываю детали, потому что в мелочах легче выразить себя. Чтобы выработать свой стиль, требуется время. Даже над деталями приходится серьезно ломать голову. Мне непонятно, как это люди готовы принять чужой стиль или приспособить его к своим нуждам — и потом облачать в него свои здания.

В. Чем характерна ваша разработка деталей?

Прежде всего я разбиваю большие плоскости и поверхности на панели. Штепсели и т. п. я по-

Пацио (вверху) и полузакрытый дворик (внизу) наглядно показывают стремление архитектора обеспечить постепенный переход с улицы в дом. Высокий забор и бамбуковый навес придают пацио вид комнаты. Пройдя пацио, полузакрытый дворик и переднюю, посетитель наконец попадает в гостиную.

мешаю в плинтусы, выключатели ставлю в метре от пола, на уровне дверных ручек. Таким образом стены не загромождаются чисто механическими элементами. Кроме того, как я уже сказал, я отношусь с особым вниманием к постепенному переходу с улицы внутрь дома. Здесь многому можно поучиться у заслуженных мастеров и в то же время избежать имитации.

В. Что вы скажете о деловой части вашего бюро?

О. Раньше я очень беспокоился о том, как вести бухгалтерские книги, куда что заносить. Но теперь больше не волнуюсь. За проектом неизбежно следуют финансовые сметы — самая трудная часть работы. Архитектор не ручается за стоимость постройки — он и не может и не должен ручаться. Что же касается расходов по бюро, то за помещение я плачу пятнадцать долларов в месяц, за телефон — восемь. Вот и все. Есть у меня приятель. Он открыл свое бюро почти одновременно со мной, но в другом районе, в центре города. Сейчас у него много состоятельных клиентов, и все же, как я слышал, он уже задолжал 27 000 долларов. Начал он с высоких принципов, но теперь скатился вниз и с радостью хватается за каждый заказ. И качество его работы, безусловно, снижается.

В. Кто ваши любимые архитекторы?

О. Луи Кан, Брейер и, конечно, Ле Корбюзье.

В. Вы пытались спроектировать дом для себя?

О. Боюсь, финансы мне никогда не позволят построить дом, отвечающий всем моим запросам. Поэтому я себя уговариваю, что делать проект не стоит, он-де мне все равно позже разонравится. По-моему, в некоторых старинных домах, не имеющих исторической ценности, есть достаточно места, чтобы проводить в них интереснейшие переделки, которых нигде больше невозможно осуществить. Так я, наверно, и буду кочевать из одного подновленного дома в другой.

В. Отличается ли ваше поколение архитекторов от своих отцов?

О. Отцам приходилось бороться с застарелыми пережитками в архитектуре. Они старались добиться личных побед и эти победы всячески подчеркивали. В наши дни перед архитектором стоят более интересные задачи. Он должен думать, да и всегда думает, об обществе. Успехов он добивается не лично для себя, а для улучшения жизни вообще. И архитектор вносит свою лепту в это общее дело. Он находится в привилегированном положении: только он может влиять на окружающую среду так видимо и ощутимо. Мое поколение было свидетелем многих нововведений — например, при нас появились стеклянные несущие стены. Но часто архитекторы несколько преждевременно увлекаются новшествами, которые еще не успели оправдать себя на практике. Строители часто не думают о последствиях, они забывают, что архитектура живет века. Стекло и нержавеющей сталь не ладят с погодой, такие здания с возрастом не становятся лучше. Сейчас в нашем распоряжении богатейший выбор методов и материалов, а потому нам следует быть особенно осторожными, когда мы выбираем что-нибудь новое, стараясь воплотить наши идеи.

В. Какой постройкой вы гордитесь больше всего?

О. Следующей. Когда дом закончен, видишь ошибки, критикуешь, делаешь выводы. Следующее здание всегда кажется наиболее привлекательным. Это-то и дает стимул к работе. ▼

СТРАНА ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ

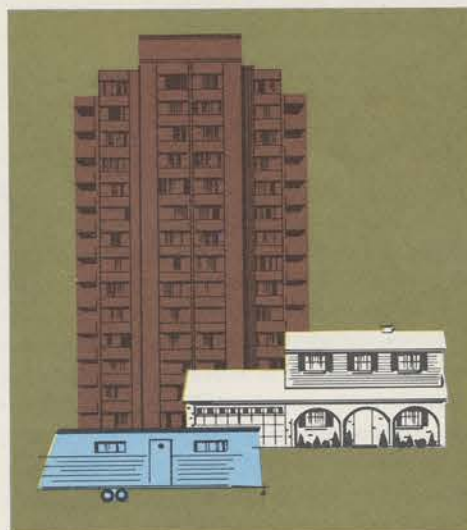
Ежегодно более миллиона американцев переселяются в собственные новые дома. Это объясняется главным образом доступностью кредита при покупке дома. Чтобы купить дом, покупатель должен внести небольшую сумму наличными деньгами, иногда лишь 3 процента стоимости дома. На остальную сумму он берет ссуду под проценты (в среднем 6 процентов) в банке или каком-нибудь другом кредитном учреждении. Ссуду домовладелец погашает ежемесячными взносами на протяжении многих лет (вплоть до 35 лет). В результате, свыше 65 процентов американских семей владеют собственными домами, то есть в два раза больше, чем тридцать лет назад.

Для поощрения жилищного строительства и для облегчения покупки домов ряд государственных ведомств гарантирует выдаваемые на строительство или приобретение дома ссуды. Так, с 1934 года Федеральное управление жилищного строительства (ФУЖС) гарантировало свыше 3 000 000 ссуд на постройку или приобретение вновь построенных односемейных домов и 3 000 000 ссуд на покупку домов, уже не новых.

Законодательные меры правительства, улучшение работы

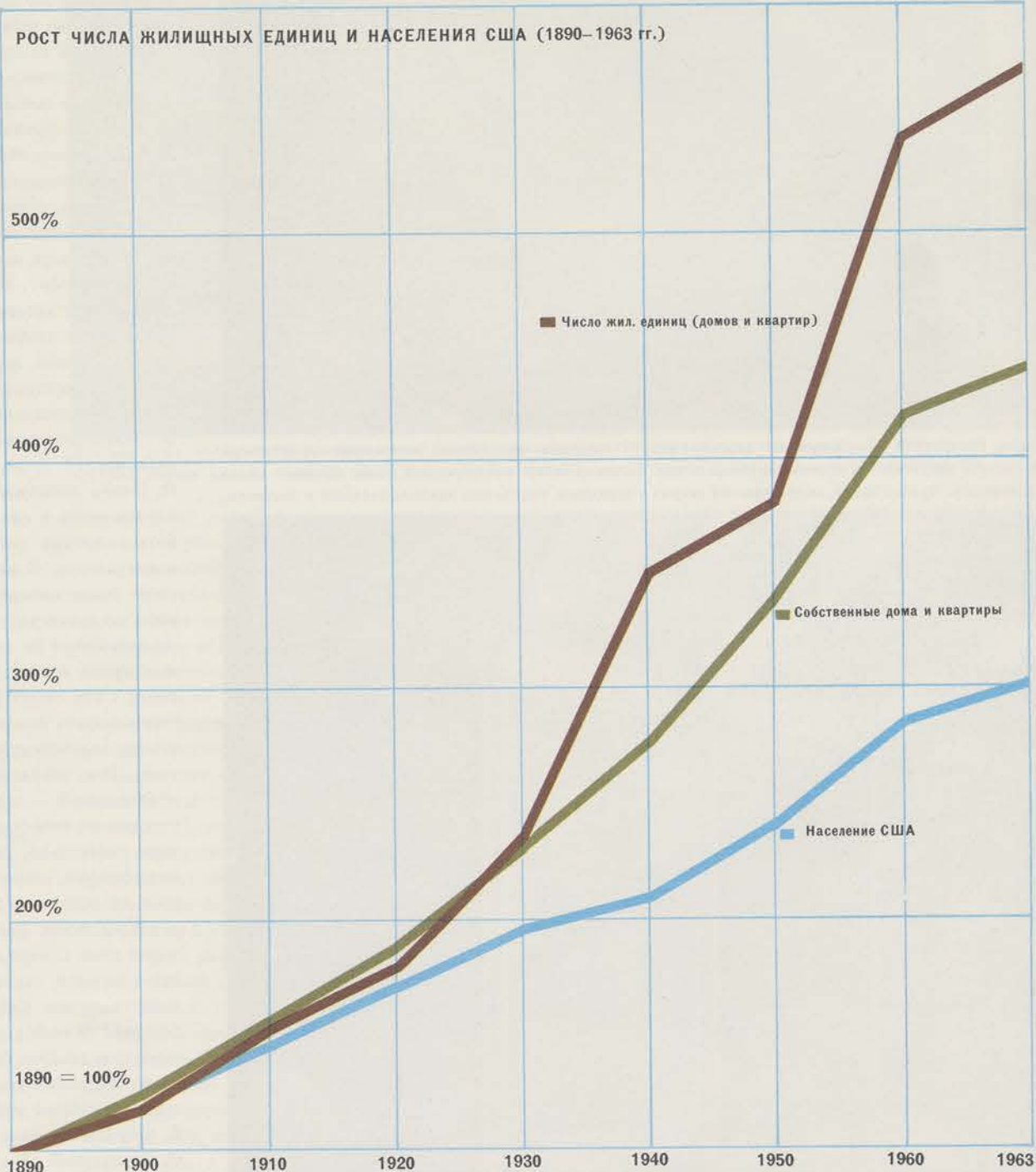
банков и правила, установленные ФУЖС, в значительной степени сократили число случаев лишения права выкупа заложных — в прошлом наиболее уязвимое место ипотечных операций. За всю практику ФУЖС менее одного процента домовладельцев, пользовавшихся гарантированными этой организацией ссудами, потеряли за несоблюдение договора право выкупа заложных. Потеря такого права, однако, отнюдь не означает, что покупатель лишается всего вложенного в дом капитала: дом продается, и сумма, остающаяся после покрытия задолженности, полностью возвращается покупателю.

Хотя число семейств в США ежегодно увеличивается на миллион с лишним, повышенный спрос на дома объясняется не только этим. Тысячи и тысячи семей продают свои старые дома и покупают новые вследствие перемены места работы, увеличения числа членов семейства, роста доходов или переселения в районы с другим климатом (например, пенсионеры часто уезжают во Флориду). Но в основном спрос на новые дома со стороны лиц, уже владевших домами, вызывается чрезвычайно возросшим за последние годы переселением жителей централь-

ВИДЫ ЖИЛИЩНЫХ ЕДИНИЦ

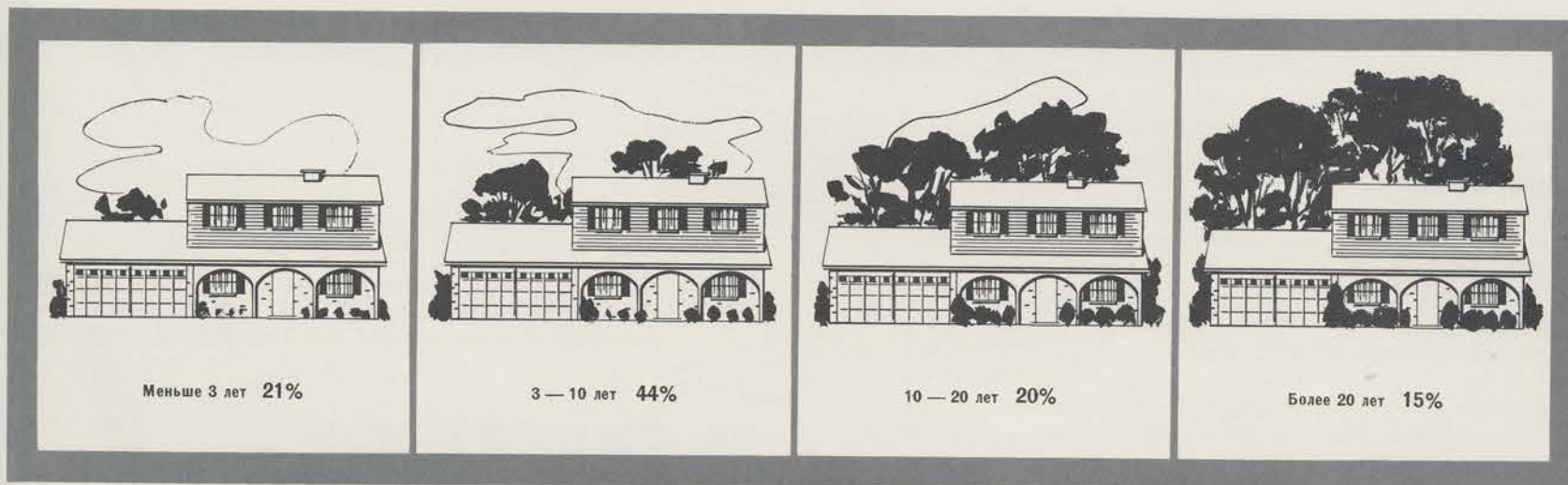
Дома-автоприцепы	
Занимаемые владельцами	676 539
Занимаемые съемщиками	90 026
Односемейные дома	
Занимаемые владельцами	29 962 670
Занимаемые съемщиками	9 750 569
Жил. единицы в квартирных домах	
Занимаемые владельцами	2 157 444
Занимаемые съемщиками	10 386 432

ных городских районов в пригороды, а также заметным наплывом сельских жителей в большие города и их предместья.

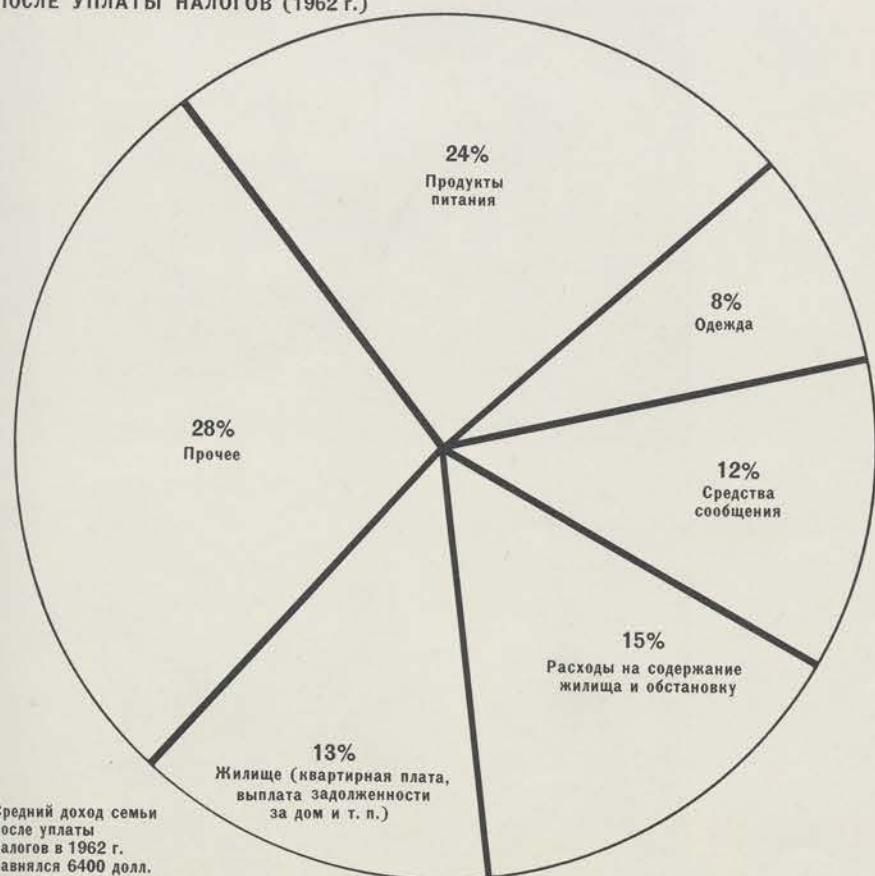
Преобладающий процент новых жилых домов строится либо в крупных городах, либо в их окрестностях. Когда-то Соединенные Штаты были страной ферм, теперь почти 60 процентов принадлежащих отдельным семьям домов находятся в 49 крупнейших городских районах страны. Поскольку стоимость новых домов самая различная, они доступны не только какой-нибудь одной хорошо обеспеченной категории людей, но чуть ли не каждой семье. Сегодня вокруг каждого крупного города на месте недавних пашен широко раскинулись новые пригороды с односемейными домами, каждый из которых стоит на своем отдельном участке земли. В центральных кварталах городов на месте бывших трущоб вырастают новые высотные многоквартирные дома, часто принадлежащие на кооперативных началах самим жильцам. Эти жилмассивы соединяются с пригородами сетью скоростных автомагистралей, не знающих пересечений на одном уровне. Так жилищное строительство преобразует лицо Соединенных Штатов.

СОСТАВ СЕМЕЙ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ: СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК НА СЕМЬЮ?	
	Один человек 8%
	Двое 28%
	Трое 19%
	Четверо 20%
	Пятеро 13%
	Шесть и больше 12%

КАК ДОЛГО ДОМОВЛАДЕЛЬЦЫ ЖИВУТ В СВОЕМ ДОМЕ?

СООТНОШЕНИЕ СТОИМОСТИ ЖИЛИЩ И ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ УПЛАТЫ НАЛОГОВ (1962 г.)

СТОИМОСТЬ ОДНОСЕМЕЙНЫХ ДОМОВ

Дэвид Б. Карлсон, ближайший сотрудник и член редакции влиятельного журнала «Архитектурный форум», специализируется по вопросам экономики градостроительства и по проблемам обновления городов.

Как меняет свой облик, как обновляется город? Происходит это по-разному, но в Соединенных Штатах перестройка города протекает обычно при самом активном участии его жителей. То, что произошло в Филадельфии, — яркий пример реконструкции города по инициативе его обитателей.

Политический центр Американской Революции, бывшая одно время столицей страны, Филадельфия — это живой памятник американской истории. Основал ее в 1682 году квакер Уильям Пенн, давший поселению название «Город братской любви». Спустя сто лет в Филадельфии жил и работал ее самый знаменитый гражданин — изобретатель, государственный деятель и философ Вениамин Франклин. С самого начала Филадельфия строилась и развивалась по плану. Согласно замыслу Пенна, город должен был расти в пределах большого прямоугольника, разделенного вертикальной и горизонтальной осями на четыре части. В центре каждого квадрата находилась просторная площадь. В точке пересечения осей разбили пятую площадь, предназначенную для общественных зданий.

Однако со временем город разросся далеко за пределы прямоугольника Пенна. В начале XX века небольшая группа филадельфийцев положила начало движению, стремившемуся украсить город и в особенности один из его центральных районов. Наиболее крупным достижением этой группы был проспект имени Вениамина Франклина, идущий от здания городского управления к раскинувшемуся в северо-западной части города парку Фермаунт. Проспект был задуман в виде широкого, обсаженного деревьями бульвара, окаймленного рядами общественных зданий. Так вокруг площади имени Логана с ее красивым фонтаном выросли здания Публичной библиотеки, Городского суда, Института имени Франклина, Научного, художественного и промышленного института имени Мура, Академии естественных наук и собора Святых Петра и Павла. К югу от площади Логана находится сквер имени Риттенхауза, ставший своего рода «уголком Парижа», с его бассейном, теннисными деревьями и скульптурами животных, на которые постоянно карабкается детвора.

Таковы были основные элементы плана центральной части города, когда в 1920-х годах, в пору экономического подъема, началось бурное и хаотичное строительство, почти не считавшееся с задачами общего планирования. Затем наступила депрессия. Существующие здания стали приходить в упадок, а постройка новых домов, в общем, прекратилась.

В середине 1940-х годов безразличное отношение городских властей к насущным нуждам города стало предметом широкого обсуждения и резкой критики. Новое поколение, вернувшееся домой после Второй мировой войны, было возмущено трущобами, обступившими исторические здания Филадельфии и ее известные университеты. Жители массами переселялись из центральных районов в быстро растущие пригороды с их новыми благоустроенными домами. Вслед за населением стали перебираться в предместья и покидать город торговые и промышленные предприятия, что подрывало его экономическую базу.

БУНТ ГОРОЖАН

К счастью, не все жители Филадельфии отвернулись от переживаемого городом кризиса. В 1947 году ряд предпринимателей и городских планировщиков совместными усилиями разработали план реконструкции города и построили макет, показывающий, какой могла бы стать Филадельфия после расчистки наиболее запущенных районов и создания более привлекательных условий для деловой жизни. К удивлению организаторов, выставку макета посетило свыше 400 тысяч филадельфийцев, получивших таким образом представление о потенциальных возможностях своего города. Впоследствии выставка стала постоянной, и значение ее в настоящее время общепризнано. Недаром директор Городской плановой комиссии Эдмунд Н. Бэкон сказал: «Школьники, видевшие выставку „Обновленная Филадельфия“ в 1947 году, сегодня полноправные избиратели, принимающие деятельное участие в омоложении своего города».

Сам Бэкон в то время принадлежал к группе молодых градостроителей и юристов, которые вдохнули новую жизнь в движение за реконструкцию Филадельфии. Эта группа настояла на создании новой Городской плановой комиссии, имеющей целью разработку планов развития города. Движению за реконструкцию Филадельфии оказали большое содействие и две другие группы горожан. Одной была ассоциация, настаивавшая на сносе неприглядных лавок, окружавших здание «Индепенденс-холл» (где была подписана Декларация Независимости), и на замене их открытым пространством с зелеными насаждениями. Другой общественной группой было объединение, добивавшееся коренного пересмотра устаревшей политической структуры города и выработки нового городского устава, обязывающего городские власти энергично заняться переустройством Филадельфии.

Когда деятельность названных и других групп была уже, можно сказать, в разгаре, Конгресс Соединенных Штатов принял меры с целью помочь городам выбраться из состояния запущенности. Признав, что Федеральное правительство, представляющее интересы всех американских

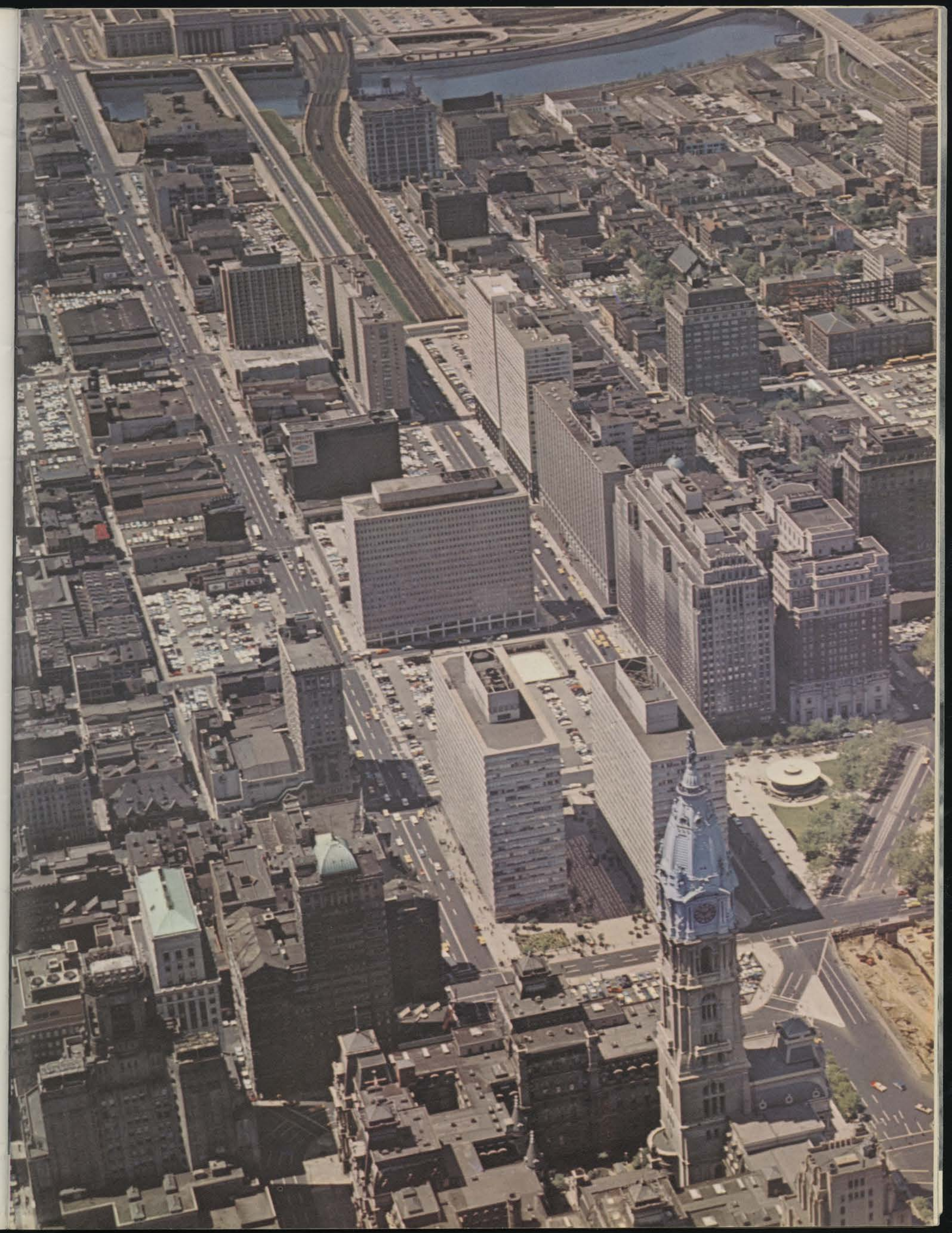
ФИЛАДЕЛЬФИЯ ОМОЛОЖЕННЫЙ ГОРОД

ДЭВИД Б. КАРЛСОН

Пенн-сенер (справа). Современные здания и открытые пространства изменили облик Филадельфии между рекой Скулкилл и ратушей (башня внизу снимка). Однако основной план Уильяма Пенна не нарушен.

Сосайети-хилл (внизу) до и после реконструкции. Узкие улицы, обветшалые дома и магазины уступили место обновленным зданиям и детской площадке. Зеленые пространства соединяют исторические здания.

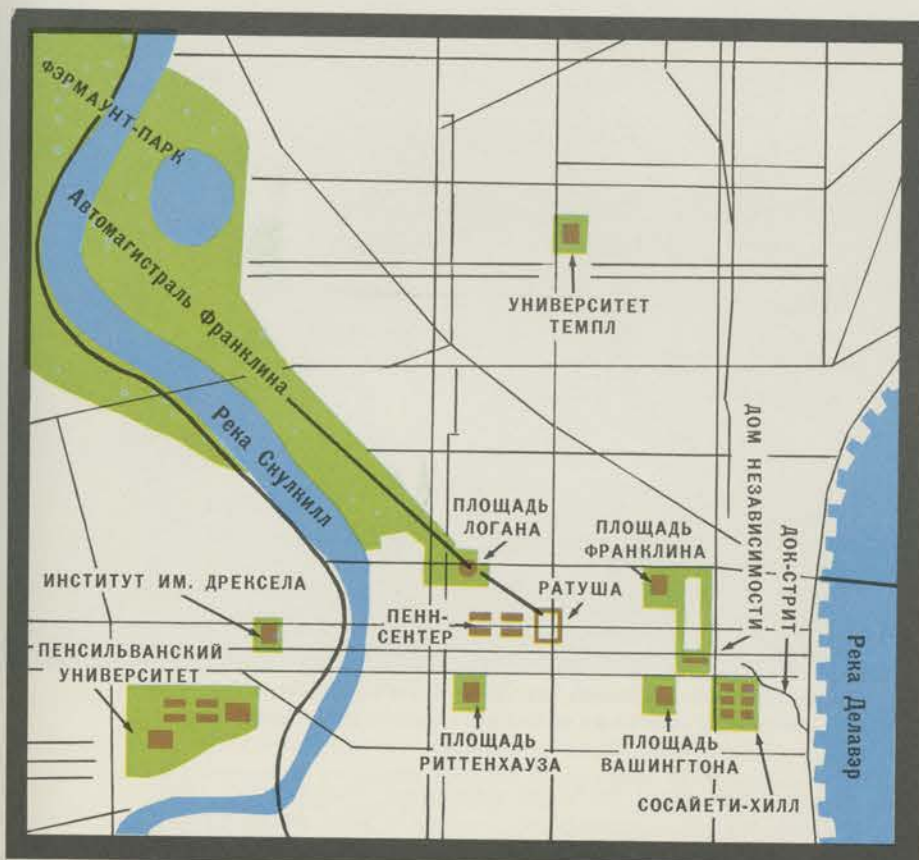
Индепенденс-холл среди трущоб (справа, снимок 1952 г.). Здесь начались работы по реконструкции города. На смену обветшалых домов пришел бульвар-площадь Индепенденс-молл (внизу), окруженный элегантными жилыми и торговыми зданиями.

граждан, ответственно за здоровые экономические и социальные условия в крупных городах страны, Конгресс в 1949 году принял закон о жилищном строительстве, сделавший возможным ассигнование федеральных средств на ликвидацию трущоб.

По этому закону города получили право скупать недвижимость в районах, где жилые дома или здания торговых и промышленных предприятий не отвечают современным требованиям, сносить старые постройки и расчищать место для нового строительства. Одобрив намеченный городом план реконструкции того или иного района, Федеральное правительство может возместить городу две трети убытков, понесенных при покупке, расчистке и перепродаже земли частным застройщикам. Благодаря федеральной субсидии города получили возможность продавать землю по ценам, достаточно низким для привлечения частного капитала к социально и экономически полезному строительству, вроде, например, постройки хороших жилых домов, школ, игровых и спортивных площадок, а также коммерческих зданий, подходящих по своему назначению и внешнему виду для данного района.

Спустя два года, под влиянием агитации инициативных групп и в предвидении поддержки намеченной реконструкции со стороны Федерального правительства, филладельфийские избиратели подавляющим большинством

Пересекаясь у ратуши, Брод-стрит и Маркет-стрит делят центральный район города на четыре части. В центре каждой части большая озелененная площадь.

голосов одобрили новый устав города, несмотря на решительную оппозицию многих городских деятелей. Одной из важнейших черт нового устава было включение в состав Городского совета представителей от города в целом, а не от его отдельных районов. (В прошлом члены совета представляли лишь узкие интересы своего участка.) Городской совет нового состава безусловно мог возглавить дело преобразования Филадельфии.

Голосование в пользу нового устава предвещало конец режима, десятки лет господствовавшего в органах городского самоуправления. В 1951 году мэром был избран Джозеф С. Кларк, программа которого содержала обязательство приступить к очистке городских трущоб и обветшалых районов.

ЦЕНТР ГОРОДА — ПЕРВЫЙ ОБЪЕКТ

Новые филладельфийские лидеры решили, что прежде всего необходимо расчистить центральный район, разрабатывая вместе с тем планы по улучшению других районов города. Одна из групп горожан к тому времени уже составила план устранения трущоб, окружавших «Дом Независимости» на площади имени Вашингтона в северо-восточной части центра Филадельфии. Федеральная субсидия дала возможность снести ветхие строения вокруг этого исторического памятника, а штат Пенсильвания взял на себя расходы по устройству площади-бульвара протяженностью в три квартала. Таким образом, для прекрасного старинного здания было

создано надлежащее окружение, и сегодня это место — «Индепенденс-холл» — стало одной из достопримечательностей города, привлекающей множество туристов.

Ликвидация большинства обветшалых домов, окружавших «Индепенденс-холл», и создание на их месте зазелененной площади послужило толчком для коммерческого и жилого строительства в этой части Филадельфии. Город воспользовался создавшимся положением и поддержал строительство крупного комплекса многоквартирных домов, получившего название «Сосайети-хилл». Одновременно город поощрял домовладельцев реставрировать более старые, но еще прочные здания. Этот прилегающий к площади Вашингтона район совершенно преобразился. В нем выросли новые односемейные и высотные квартирные дома и более пятисот старых домов было отремонтировано и обновлено. То, что прежде было темным пятном на лице города, стало одним из лучших его жилых районов.

Строительный комплекс Сосайети-хилл свидетельствует о стремлении городских властей добиться высокого эстетического уровня. Объявив конкурс на застройку Сосайети-хилл, городские власти подчеркнули, что решающую роль будут играть архитектурные достоинства представленных проектов. В результате конкурса город остановил выбор на двух строительных фирмах. Обе согласились выделить один процент общей стоимости строительства на художественное оформление, скульптуру, мозаику и пр. Для составления проекта застройки фирмы пригласили известного архитектора Йо Минг Пея. Воздвигнутый по его чертежам комплекс широко расставленных многоэтажных домов с их прямыми чистыми линиями имеет очень импозантный вид. Вместе с тем, дома расположены так, что они не заслоняют находящихся поблизости исторических зданий.

Словно пробудившись от спячки, филладельфийцы создали ряд организаций, занявшихся различными фазами реконструкции города. По мере того как успех начинаний становился очевидным, возрастал интерес к ним широкой публики. Захваченные всем происходящим, многие домовладельцы произвели большие перемены на своих участках. Так например, Гогольские жили в одном из старых домов близ Сосайети-хилл и не догадывались об исторической ценности своего владения, пока их не уговорили снести фальшивую стену, за которой был обнаружен прекрасный кирпичный фасад, какими славилась старая Филадельфия. Сегодня семья Гогольских по заслугам гордится лептой, внесенной ею в дело восстановления исторического облика города.

РЫНКИ И КОНТОРСКИЕ ЗДАНИЯ

Одновременно с работами в районе площади Вашингтона, другая организация, во главе с представителем одного рекламного агентства Гарри Баттенем, приступила к смелым планам коренной перестройки старого продовольственного рынка на Док-стрит. Долгие годы район базара, тянувшегося от площади Вашингтона до пристаней на реке Делавэр, и окружавшие его трущобы с полуразрушенными складами были язвой города. На узких улицах происходили постоянные заторы, и подвозящим продукты грузовикам приходилось иногда простаивать часами. Такие условия душили торговлю и наносили ущерб всему городу.

Гарри Баттену пришла в голову возможность одновременно расчистить два района. Он предложил снести рынок на Док-стрит и построить новый оптовый рынок на южной стороне города, на месте городской свалки. Свалка, как и базар, с давних пор отравляла прилегающие районы: там круглые сутки жгли мусор, и зловонный дым разносился по всему городу.

Пять лет спустя рынок был снесен, уступив место части комплекса многоквартирных домов Сосайети-хилл, а там, где раньше была свалка, возник внушительный оптовый центр распределения продовольствия. (Мусор сжигается теперь во вполне современных мусоросжигательных печах.) Помимо очевидных эстетических преимуществ, эти новостройки приносят городу полтора миллиона долларов ежегодно в виде сборов с нового прекрасно оборудованного рынка, тогда как старый рынок давал только 17 800 долларов. Следует добавить, что на расходы по очистке района Док-стрит местные предприниматели собрали свыше 200 000 долл.

Филладельфийские деловые люди занялись также вопросом реконструкции района вокруг здания городского управления в самом центре города. Дирекция Пенсильванской железной дороги, одного из самых крупных предпринимателей и землевладельцев города, уже давно поговаривала о необходимости снести свою так называемую «китайскую стену» — девятиметровую насыпь с железнодорожными путями, проходившую через центр города от набережной реки Скулкилл до станции Брод-стрит у самой ратуши. Однако пока в Филадельфии царил благодушное ничегонеделание, железнодорожная компания тоже ограничивалась одними разговорами. В конце концов плановик Эдмунд Бэкон и архитектор Винсент Клигг представили проект сноса насыпи и создания на ее месте нового коммерческого центра, наподобие Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке. Он должен был состоять из комплекса высотных конторских зданий, связанных сетью пассажей с магазинами и тенистыми скверами для пеше-

ходов. Предложение Бэкона встретило полную поддержку со стороны Совета горожан по вопросам городской планировки, озабоченных тем, чтобы город сохранил за собой контроль над перестройкой района и чтобы последний не попал в руки земельных спекулянтов, которые могли нарезать освободившуюся площадь на случайные, не связанные друг с другом строительные участки. Железнодорожная компания согласилась, и для координации планов была создана наблюдательная комиссия.

Сегодня «Пенн-сендер» — два высотных конторских здания, здание железнодорожного транспорта и отель — можно считать лишь частичной удачей. Правда, Бэкон, первоначальные планы которого подверглись некоторым изменениям из-за необходимости заручиться поддержкой деловых кругов, находит, что в общем проект выполнен удовлетворительно, несмотря на архитектурные недостатки построек и на отсутствие кое-каких запроектированных деталей. Как бы то ни было, Пенн-сендер представляет собою новаторский опыт отделения пешеходного движения от автомобильного. Для этого ниже уровня улиц устроена для пешеходов площадь с зелеными скверами, обеспечивающая удобную связь с железнодорожными поездами и метро. В настоящее время вырабатываются еще более смелые планы расширения системы безопасных пешеходных дорог от Пенн-сендер до торгового района на восток от ратуши: проложенные на эстакадах тротуары будут подводить покупателей прямо к дверям пяти крупнейших универсальных магазинов города, а также к автобусным вокзалам, станциям метро и автомобильным стоянкам, находящимся в непосредственной близости от тротуаров, но незаметным со стороны.

НАСТУПЛЕНИЕ РАЗВИВАЕТСЯ

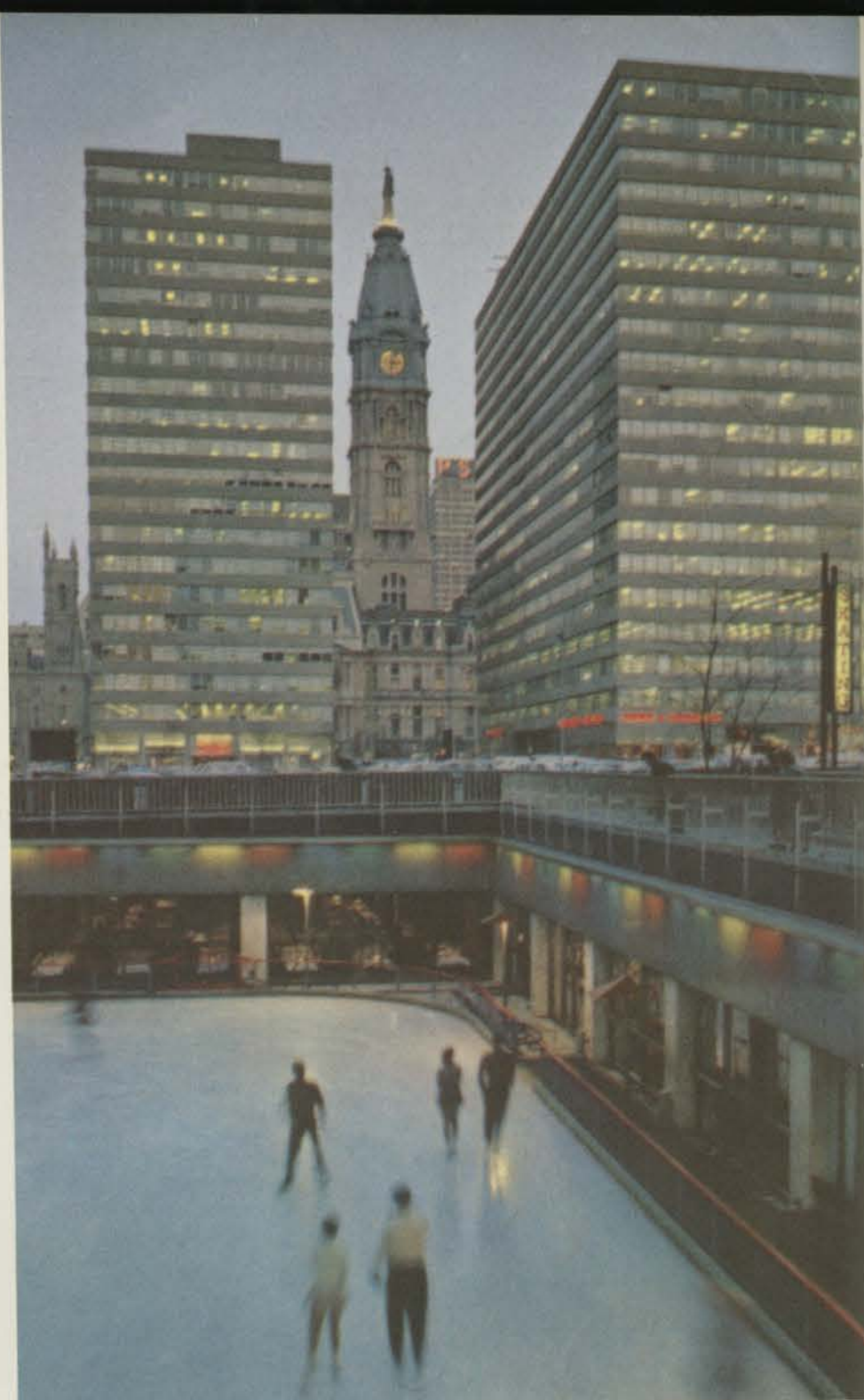
В результате успешной реконструкции центральной части Филадельфии, стала еще очевидней необходимость обновления остальных районов города. После продолжительных обсуждений урбанисты-планировщики и эксперты по жилищному строительству решили переключиться на новые рельсы и сосредоточить усилия на восстановлении и сохранении существующего жилого фонда, на преобразовании промышленных районов и на улучшении кварталов, прилегающих к университетам. Программа эта отражала новую установку городских властей, пришедших к заключению, что реконструкция должна проводиться в более широких масштабах, чем это было предусмотрено в 1949 году. Программа встретила поддержку со стороны населения, продолжавшего голосовать за сторонников реформ на всех муниципальных выборах.

Первый пункт новой программы — ремонт жилых домов — требовал наиболее широкого участия самого населения. В то время очень многие жилые дома Филадельфии были старыми или запущенными, а часто и теми и другими. Филадельфийская Ассоциация жилищного строительства потребовала, чтобы все дома старше двадцати пяти лет (а их было около 70 процентов) прошли ту или другую стадию обновления: минимум — через строжайшую инспекцию с точки зрения нарушения норм жилищного кодекса, максимум — через капитальный ремонт.

Перестановка ударения с плана упразднения трущоб на программу обновления районов, еще не пришедших окончательно в упадок, свидетельствовала о возрастающем убеждении, что мероприятия по ликвидации отдельных запущенных кварталов не смогут значительно улучшить состояние жилищного фонда в целом. Когда новые дома строились как оазисы среди неприглядных и обветшалых соседей, они зачастую приходили быстро в упадок, и квартиры в них сдавались с трудом. Градостроители начали понимать, что превращение домов в трущобы зависит не только от состояния самих домов, но и от общих условий данного района и поведения живущих в нем людей.

В 1954 году в программу Федерального правительства было внесено существенное изменение, позволившее производить финансирование реконструкции жилых домов на тех же условиях, что и упразднение трущоб. Филадельфия, со своей стороны, тоже стала обращать все больше внимания на улучшение жилищных условий в районах, окружающих центр города, не забывая при этом и о наиболее запущенных местах в самом центре. Такая тактика дала хорошие результаты, и ветхие дома постепенно исчезают под влиянием двух факторов: наличия лучших жилищных условий в других кварталах, во-первых, и давления нормальных экономических сил, обуславливающих более рациональное использование земельных участков благодаря возрождению всего центра города, во-вторых.

По мере развертывания движения за оздоровление жилищного фонда, городское управление старалось наладить более тесный контакт с населением. С этой целью довольно часто созывались собрания типа традиционных городских сходов, а небольшие группы собирались еще чаще.

Между новыми конторскими зданиями (на заднем плане видна ратуша) расположен каток Пенн-сендер ринг. Летом на площади — ресторан под открытым небом.

В ряде районов город начал подбирать энергичных общественных деятелей, способных оказать максимальную поддержку делу реконструкции. Первые опыты в этом направлении не всегда давали желательные результаты: в сильно запущенных районах трудно было рассчитывать на восторженное отношение со стороны местных деятелей.

Вскоре, однако, в Филадельфии образовалось свыше 1300 местных групп. Большинство из них работало под руководством более крупных объединений местных лидеров, которые в свою очередь поддерживали связь с представителями городских властей. Местные группы всячески старались повлиять на жителей, чтобы те вовремя ремонтировали свои дома и вообще интересовались вопросами общего улучшения данного района, включая надзор за школами, парками, за здравоохранением и мероприятиями по общественному жилищному строительству. Вскоре выяснилось, что угрозы и предупреждения городских инспекторов, требующих ремонта дома, гораздо менее действительны, чем уговоры соседей.

Программа улучшения жилищного фонда Филадельфии дала прекрасные результаты. Число неудовлетворительных по своему состоянию жилых домов, составлявшее в 1950 году 14 процентов, снизилось в 1960 году до 6 процентов. Что еще важнее, целые районы, стоявшие ранее на грани полного упадка, медленно, но верно восстановили свою репутацию здоровых и чистых кварталов. Работа в этом направлении продолжается, и впереди остается еще много дела.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТЫ

В то время как жители города боролись за обновление своих районов, усилия деловых людей были направлены на создание более здоровых условий для промышленности. К моменту блестящей победы сторонников реформ на муниципальных выборах 1952 года было уже ясно, что про-

мышленность Филадельфии нуждается в помощи. Капиталы, вкладываемые в новые заводы и оборудование, не могли возместить убытка от приходящих в упадок предприятий. Стремившиеся к расширению предприятия не могли найти подходящей земли и переселялись туда, где ее было много, — в предместья. Перегруженность улиц и густота населения в некоторых районах вызвали повышение расходов по доставке товаров. В 1957 году предприниматели организовали Корпорацию промышленного развития Филадельфии. Городские власти поддержали инициативу предпринимателей и год спустя превратили Корпорацию в официальный орган по делам промышленного роста города, передав в ее ведение так называемый «земельный банк», то есть принадлежащие городу участки земли, для сдачи в аренду различным предприятиям. Меньше чем за пять лет Корпорация заключила свыше двадцати пяти договоров с предприятиями, нуждающимися в земле для перемещения или расширения производства. В результате началось строительство индустриальных объектов, общая стоимость которых превысила 15 000 000 долларов. Два года тому назад Корпорация объявила о создании нового «промышленного парка» в 200 гектаров, который ни в чем не будет уступать другим новым паркам в пригородах Филадельфии.

Быстро растущие высшие учебные заведения играют первостепенную роль в жизни Филадельфии; они же стали и одним из главных объектов программы преобразований. Город уже давно был занят ликвидацией трущоб, окружавших три известных филадельфийских вуза — университеты Темпл и Пенсильванский в северной части города и Технологический институт имени Дрексела в западной, — но при новом подходе к делу стало ясно, что принятых мер недостаточно. В настоящее время городские власти совместно с университетами и местными больницами разрабатывают план создания «университетского города» в западной Филадельфии. Эта часть города стала официально важнейшим районом реконструкции, к которому все органы городского управления относятся с сугубым вниманием.

В процессе осуществления программы реконструкции, высшие учебные заведения получают возможность приобретать новые земельные участки, столь необходимые для их расширения. Для защиты своих интересов вузы организовали Корпорацию для развития западной Филадельфии. Одна из главных задач Корпорации состоит в том, чтобы заручиться поддержкой местных жителей, и в этом отношении она очень преуспевает. В отличие от университетов в других городах, планы расширения которых зачастую вызвали протесты местных жителей, деятельность западно-филадельфийской Корпорации пока что проходит гладко. В первую очередь это объясняется тем, что пожелания и нужды местных жителей были тщательно учтены. Одним из наиболее успешных мероприятий была разработанная Пенсильванским университетом совместно с институтом Дрексела программа помощи местным общественным школам, в частности предоставление учащимся средних школ права пользоваться оборудованием высших учебных заведений, под руководством профессоров и преподавателей. С точки зрения архитектурных достоинств строящегося «университетского города» следует особо отметить два здания Пенсильванского университета, созданные по планам крупнейших архитекторов нашего времени: медицинскую лабораторию — по планам Луи Кана и женское общежитие — по планам покойного Эро Сааринена.

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

По мере ускорения темпов реконструкции Филадельфии, планы на будущее начали отставать от строительства. Даже когда стало ясно, что согласованное развитие возможно только при наличии генерального плана реконструкции, такого плана выработано не было; он был разработан значительно позже — лишь к 1960 году.

Согласно общему плану реконструкции, город разделен на десять основных районов с населением от 150 до 300 тысяч в каждом (в Филадельфии ныне несколько больше 2 000 000 жителей). Эти районы в свою очередь разделены на 56 подрайонов с населением от 25 до 35 тысяч. Каждый подрайон делится на группы кварталов с населением от 5 до 15 тысяч. Таким образом, программа реконструкции может быть доведена до уровня отдельных кварталов, благодаря чему каждый житель города знакомится не только с общей перспективой намеченных преобразований, но и с детальными планами, разработанными для его участка.

Принятый сейчас план реконструкции сводится, в сущности, к системе, позволяющей определить, какого рода использование земли является наиболее целесообразным для данного района. Там, где сейчас вперемежку стоят жилые дома, фабрики и небольшие магазины, в процессе реконструкции возможно будет произвести известную унификацию землеполь-

зования. Торговля и промышленность будут более централизованы, благодаря чему освободится место для создания парков и спортивных площадок в районах, отведенных под жилые дома. По новому плану, в каждом участке с 12 тысячами жителей должно быть по одной большой игровой и спортивной площадке. (Сверх того, в Филадельфии имеются такие обширные общественные парки, как Фэрмаунт и парк на реке Скулкилл.)

Для осуществления всего плана реконструкции при нынешнем объеме ежегодных затрат, потребуется почти сорок лет. Городу предстоит израсходовать 921 000 000 долларов, Федеральному правительству и штату Пенсильвания — 2 600 000 000 долларов. Частные капиталовложения исчислены в сумме 9 000 000 000 долларов.

Население встретило план реконструкции с энтузиазмом, и в настоящее время он представляет собой вполне реальную схему дальнейшего развития города. Все дело в том, что каждая фаза плана разрабатывалась градостроителями совместно с заинтересованными группами жителей. Пожалуй, именно в области планирования деятельность филадельфийских граждан оказалась наиболее успешной.

Активный интерес жителей Филадельфии к вопросам градостроительства проявился в начале 1940-х годов, когда небольшая группа влиятельных лиц стала настаивать на создании плановой комиссии. До тех пор политические лидеры Филадельфии относились к планировщикам-градостроителям с презрением, обзывая их «длинноволосыми мечтателями», и город продолжал беспечно прозябать в состоянии прогрессирующего упадка. Когда же лидеры наконец признали необходимость учреждения плановой комиссии, инициативные группы горожан не распались, а наоборот, создали из своих представителей Совет горожан по вопросам городского планирования. Вскоре Совет превратился в официального посредника между городскими властями и различными районными организациями (их было больше 150-ти). Влияние Совета горожан стало весьма значительным. Совет проводил множество собраний и сыграл большую роль в пробуждении интереса широкой публики к задачам реконструкции. Благодаря Совету стало возможным узнавать мнение жителей по вопросам планировки и учитывать их пожелания. Приступая к разработке новых планов, городские власти в первую очередь прислушивались к голосу Совета. Лучшее всего о значении этой организации свидетельствует то обстоятельство, что на протяжении семнадцати с лишним лет любое более или менее крупное предложение, получившее поддержку Совета горожан, неизменно утверждалось городским муниципалитетом.

Совет горожан также помог городским властям выработать новые правила о зонировании города. Каждый год он рассматривает смету Городского совета на капитальные затраты и выносит свои рекомендации. Эти рекомендации Городской совет тщательно изучает и нередко им следует.

Последний проект, разработанный плановой комиссией с помощью Совета горожан, посвящен перестройке всего центра Филадельфии. Многие из этого проекта в настоящее время выполняются или уже осуществлены. Таковы: комплекс зданий Пенн-сендер; перестройка района площади Вашингтона, где уже возвышаются многоквартирные дома Сосайети-хилл; ряд других многоквартирных домов, возведенных к западу от здания городского управления; новые огибающие центр города автострады, имеющие целью избавить центр от транзитного движения и сыграть роль эффективного регулятора и распределителя потоков грузового и легкового автотранспорта.

Планы реконструкции центра разработаны таким образом, чтобы привлечь к делу как можно больше частного капитала. Земля в центре строго зонирована. Земельные участки вокруг ратуши отведены под крупный торговый центр; к югу, востоку и западу от нее расположены реконструированные районы жилых домов; к северу должен вырасти новый промышленный центр. Вдоль набережной реки Делавэр тоже ведется перестройка. На ее берегу будут возвышаться квартирные дома и магазины, а вдоль реки Скулкилл будет разбит новый большой парк с отдельными группами многоквартирных домов.

В ближайшие годы главные усилия города все еще будут, вероятно, сосредоточены на преобразовании центра. Однако планам реконструкции других районов Филадельфии тоже уделяется должное внимание с тем, чтобы большая часть работ была выполнена к 1976 году — к двухсотлетию со дня подписания в Филадельфии Декларации Независимости. В настоящее время город выполнил около половины своей смелой программы преобразований. По сравнению с тем, какой Филадельфия была к концу Второй мировой войны, ее не узнать, но впереди еще много работы. Когда через двенадцать лет в Филадельфии состоятся юбилейные торжества, самым блестящим экспонатом на выставке будет сам город. ▼

СЛОВО ЗОДЧИХ

Создатели архитектурного ландшафта Америки

ЛУИС Г. СУЛЛИВАН (1856–1924), которого называли «первым пророком архитектуры, рассчитанной на американские условия», работал в Чикаго. По его проектам построено много замечательных зданий на Среднем Западе, отличающихся исключительной четкостью замысла. Им же сформулированы принципы, породившие новую эпоху в архитектуре.

«План и конструкция должны быть полностью подчинены требованиям практичности и полезности; никакие архитектурные доктрины, традиции, предрассудки и привычки не смеют становиться на пути... Я хотел бы проверить на деле формулу, разработанную мною после долгих наблюдений над живой природой: форма определяется функцией; на практике моя формула даст возможность архитектуре снова стать живым искусством...»

«Зодчество, к которому мы стремимся, должно, подобно человеку, обладать активностью, живостью, гибкостью, силой, здравомыслием... Человек знает и любит свое окружение, знает и любит жизнь, умеет ценить силу и доброту, стоит обеими ногами на земле, мыслит высшими категориями человечества, с любовью оглядывается на прошлое, с восторгом прозревает будущее, — человек обладает волей к творчеству. Пусть будет таким же и наше великое искусство».

ФРАНК ЛЛОЙД РАЙТ (1869–1959), желчный гений, ни разу не отозвавшийся добрым словом ни об одном современном архитекторе, всю свою жизнь оставался преданным учеником и последователем Луиса Сулливана. Его смелые решения архитектурных проблем оказали сильнейшее влияние на развитие американской архитектуры и на переворот, происшедший в ней за годы жизни архитектора.

«Принцип „форма определяется функцией“ останется мертвой догмой, пока мы не пойдем более высокой истины: форма и функция едины... пока не пойдем, что он знаменует новый подход к строительству на американской земле, подход, способный создавать архитектурные формы, не только не противоречащие функции, но обладающие выразительностью, далеко опережающей функцию в области человеческого духа...»

«Стандартизация — это всего-навсего необходимый инструмент; во всех областях, не являющихся чистой техникой, технологией или коммерцией, применение ее должно быть ограниченным. Стандартизация — не более чем средство для достижения цели.

«Если ею пользоваться так, чтобы не стеснять духа, сражающегося с жесткостью нашей воли, пользоваться, быть может, с подозрительностью, применять так, чтобы она не превратилась в стиль, в непререкаемый канон, то в таких пределах стандартизация приемлема для архитектора».

ВАЛЬТЕР ГРОПИУС (р. 1883) — основатель знаменитой архитектурной и художественно-промышленной школы «Баухауз», имевшей целью перебраться мост от искусства к промышленному производству в довоенной Германии. Впоследствии Гропиус руководил факультетом архитектуры Гарвардского университета и сделался одним из столпов современного зодчества.

«Внешние очертания современных зданий не родились по прихоти нескольких архитекторов, стремившихся к новаторству. Они являются неизбежным следствием интеллектуальных, социальных и технических факторов нашей эпохи... Работа истинного художника заключается в ничем не стесняемых поисках способов и средств выразить окружающую нас жизнь».

ЛЮДВИГ МИЕС ВАН ДЕР РОЭ (р. 1886) — бывший директор школы «Баухауз», создатель знаменитого здания Сиграм на Парк-авеню в Нью-Йорке, законченного постройкой в 1959 году.

«Длинный путь от материала через функцию к творчеству преследует одну-единственную цель: создание порядка в отчаянной неразберихе нашего времени. Мы обязательно должны навести порядок, поставить каждую вещь на надлежащее место и воздать ей должное. Мы должны сделать это с таким совершенством, чтобы сотворенный нами мир расцвел изнутри. Ничего больше мы не хотим, ничего большего мы не можем сделать. Цель и смысл нашей работы лучше всего выражают проникновенные слова Блаженного Августина: „Красота — это сверканье истины“.

«... Там, где техника достигает своих подлинных высот, она становится архитектурой... Вы понимаете, я надеюсь, что архитектура — не игра в кубики для забавы и старых и малых. Архитектура писала историю эпох и давала им имена. Архитектура зависит от своего времени».

ЭРО СААРИНЕН (1910–1961), безвременно скончавшийся в возрасте 51 года, превозносился критиками как самый динамичный мастер второго поколения архитекторов XX века.

«По своим внешним очертаниям мои работы резко отличаются друг от друга. Но найденные мною решения частных проблем покоятся на общих принципах, внутренне объединяющих все построенные мною здания...»

«На мой взгляд, современной архитектуре грозит опасность: она слишком

быстро окостеневает, втискивает себя в слишком жесткие рамки. То, что когда-то казалось началом нового великого периода в архитектуре, вырождается в автоматическое, бесконечно и всюду повторяющееся приложение одной и той же формулы...»

«Необходимо исследовать и расширять горизонты нашей архитектуры. В этом смысле я считаю себя скромным союзником Ле Корбюзье и противником Миеса ван дер Роэ, хотя я бесконечно восхищаюсь его работами».

ЛУИ КАН (р. 1901), профессор архитектуры Пенсильванского университета, в 1905 году переехал из России в Соединенные Штаты. Его необычный, можно сказать — мистический подход к работе оказал сильнейшее влияние на архитектурную мысль Соединенных Штатов.

«Архитектуру можно назвать обдуманым созданием пространств. При чем пространства эти заполняются в соответствии с требованиями заказчика. Архитектура — это создание пространств, отвечающих своему назначению. Музыкант, глядя на ноты, видит то, что слышит. План здания должен звучать как гармония пронизанных светом пространств».

МАРСЕЛЬ БРЕЙЕР (р. 1902) пользовался заслуженной известностью в группе архитекторов, связанных со школой «Баухауз». В 1937 году он переехал в США и работал вместе с Вальтером Гропиусом в Гарвардском университете. Из его последних работ выделяется проект большого правительственного здания в Вашингтоне.

«Здание — дело рук человеческих, искусственно созданное сооружение. Поэтому оно не должно подражать природе — оно должно противопоставлять себя ей. Здание обладает прямыми, геометрическими линиями. Если в нем используются свободные линии, то должно быть ясно, что линии эти созданы искусственно, что они не выросли сами собой. Я не вижу никаких оснований, почему архитектура должна подражать естественным, органическим, живым формам».

ЭДУАРД Д. СТОН (р. 1902) впервые прославился в 1937 году как автор нью-йоркского здания Музея современного искусства. С тех пор он построил целый ряд ярко индивидуальных зданий, отличающихся большой изобретательностью архитектурных решений.

«Я лично не одобряю того, что выдается за современную архитектуру... Я утверждаю, что всякое здание — жилое, общественное или административное — должно быть в какой-то мере согласовано с природой. Другими словами, оно должно гармонировать с природой, а не противоречить естественным законам нашего окружения. Возьмем, например, тепло, холод, солнечные лучи. Это чрезвычайно могущественные силы. Пытаясь строить сплошь застекленные здания где угодно, будь то Нью-Йорк, Новый Орлеан или Лос-Анжелес, не обращая внимания на климатические условия, мы, в сущности говоря, игнорируем законы природы...»

МИНОРУ ЯМАСАКИ (р. 1912) приобрел широкую известность после постройки по его проекту вокзала аэропорта в Сент-Луисе, законченного в 1956 году. Ямасаки много путешествует по Японии (откуда его родители эмигрировали в Соединенные Штаты) и по Европе и находит на Западе и на Востоке опору в своей борьбе против безличного интернационального стиля в архитектуре.

«Меня ужасает мысль, что наши города превратятся в бесконечные ряды зданий из стали, эмали и стекла, пусть даже прекрасно выполненных...»

«Великая архитектура прошлого стремилась к монументальности, воздвигала сооружения, внушающие народу благоговение и трепет. Наши демократические идеалы призывают нас к постройке зданий, вызывающих другие чувства — ощущение счастья, мира, безопасности».

ФИЛИП ДЖОНСОН (р. 1906), бывший искусствовед, обратился к архитектурной практике, когда ему исполнилось сорок. Несколько лет спустя он открыто порвал с интернациональным стилем и разработал собственную, в высшей степени утонченную и продуманную манеру.

«Интернациональный стиль не нуждается ни в хулителях ни в защитниках. Греческую и готическую архитектуру в последующие века то превозносили, то ниспровергали, но все эти оценки не оказывали влияния на развитие архитектуры, а только свидетельствовали об умонастроении самих критиков. Интернациональный стиль оправдывает себя самим фактом своего существования. Мы можем относиться к нему неодобрительно (что большинство из нас сейчас и делает), но совершенно ясно, что наша близость к нему не позволяет нам определить ни его будущее влияние, ни его место в истории архитектуры... Я по-прежнему считаю Ле Корбюзье и Миеса ван дер Роэ величайшими из живущих ныне архитекторов. Однако время летит. Старые ценности сменяются новыми с головокружительной, но веселящей сердце быстротой. Да здравствует перемена!»

Бобби Аллен в защитном облачении гонщика за рулем коляски фабричного производства. Совершая пробный круг для разогрева мотора, Бобби сам себя сфотографировал.

КОНСТРУКТОР И ГОНЩИК

ФОТО ФЛИПА ШУЛЬКЕ

В мире любителей гонок «картов» — небольших одноместных колясок, оснащенных миниатюрными, работающими на бензине моторчиками — имя Бобби Аллена произносится с большим уважением. Вот уже несколько лет подряд он неизменно выходит победителем этих своеобразных и захватывающих соревнований. Сейчас чемпиону 18 лет. Впервые участие в гонках он принял пять лет тому назад на «карте», сконструированном с помощью отца в гараже их флоридского дома в Майами-Спрингс. С тех пор Бобби успел завоевать первое место на чемпионатах в Соединенных Штатах, Англии и на Багамских островах. Сейчас во всем мире насчитывается до 250 000 картов, все они оборудованы одним или двумя двигателями мощностью от 2,5 до 20 л. с. Многие из них не быстроходны, однако есть и такие, как например у Бобби, которые на километровом треке развивают до ста километров в час.

Юркие карты проносятся по нассаускому автотреку на Багамских островах. Цена модели фабричного производства — от 150 до 700 долларов, самодельные обходятся примерно в 70 долларов.

Отец, пилот реактивного лайнера, оказывает сыну не только техническую помощь. Ценные советы Бобби Аллен получает и от приятеля отца, Джима Ратманна, известного гонщика-автомобилиста.

БЛАГОДАРЯ возрастающей с каждым годом скорости сообщений, мир делается все меньше и меньше, и соответственно растет потребность взаимопонимания между народами. Но народы сразу не могут сесть за круглый стол, чтобы разделить трапезу, обменяться мыслями или объединиться на основе общих интересов. Мосты взаимопонимания нужно строить постепенно, шаг за шагом.

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» уже больше столетия использует свои страницы для передачи читателям сообщений и новостей со всего света, и ее передовые статьи неизменно поощряют обмен мнениями по злободневным вопросам. Сознывая все возрастающую ответственность, издатели газеты с 1947 года расширили свою деятельность, чтобы взять на себя роль посредников для более обширной аудитории, разделенной континентами и океанами.

В тот год, семнадцать лет назад, издатели «Нью-Йорк геральд трибюн» торжественно открыли первый «Всемирный форум молодежи», на который, за счет газеты, со всего света собрались юноши и девушки не старше двадцати лет, чтобы ознакомиться с жизнью в Соединенных Штатах. Такие «форумы» продолжают обычно три месяца, в течение которых приезжая молодежь участвует в повседневной жизни страны, имея возможность непосредственно ознакомиться с ее хорошими и плохими сторонами и составить себе собственное мнение о ней.

Не менее важно и влияние, оказываемое приезжими на их гостеприимных хозяев: зарубежные гости живут по три недели в нью-йоркских семьях, где есть их сверстники, меняя на протяжении трех месяцев своих хозяев три раза. Вместе со своими американскими однолетками они принимают активное участие в занятиях

местной школы, неоднократно выступают в телевизионных программах и радиопередачах и участвуют в диспутах. Школьное издание газеты «Геральд трибюн», выпускаемое, как и журнал «Схоластик магазин», специально для учащихся средних школ, широко освещают деятельность участников молодежных форумов. Покойный Президент Кеннеди выразил мнение многих, когда после встречи с членами форума 1963 года в Вашингтоне сказал: «Я уверен, что вы научили моих сограждан большему, чем сами от них научились. . . Мы очень рады, что вы здесь, что вы ближе знакомитесь с нами».

Частично близкое знакомство группы 1963 года, состоявшей из тридцати девяти делегатов от такого же числа стран, заключалось в том, что группа объехала главные города северо-восточной части Соединенных Штатов. Первый визит был нанесен Вашингтону. Там зарубежные учащиеся имели возможность побеседовать с государственными деятелями, в том числе с членом Верховного Суда Артуром Дж. Гольдбергом, министром юстиции Робертом Ф. Кеннеди и заместителем директора Мирного корпуса Уильямом Мойерсом. В Капитолии группа увидела ряд сенаторов и конгрессменов, закончив свое пребывание в Вашингтоне посещением Белого Дома, где ее принял Президент Кеннеди.

Отправившись на юг, делегаты проехали до Ричмонда в Вирджинии, знакомясь с общественными деятелями и с учащимися средних школ и колледжей этого района. В последующие поездки были включены Балтимор, Филадельфия и Нью-Хейвен (Коннектикут), где группа провела в Йельском университете сутки, отведенные на ознакомление с жизнью американского высшего учебного заведения. Исторический Бостон был последней остановкой в пути. Такой маршрут

путешествия, плюс недели, проведенные в районе Нью-Йорка, являются более или менее типичными для программы каждого года. В текущем году приглашения на форум были посланы юным делегатам сорока четырех стран.

Каждый делегат на форум из той или иной страны отбирается на общегосударственном конкурсе, проводимом соответствующим министерством или органами народного просвещения. На основании сочинения и автобиографии, написанных по-английски, и заключительной беседы с комиссией из трех человек, учащийся, показавшийся наиболее подходящим, намечается в делегаты съезда. В Соединенных Штатах американский делегат выбирается в районе Нью-Йорка, после того как он (или она) пройдет через ряд серьезных дискуссий о народном образовании, о культуре и о международном положении.

В этом году форуму «Геральд трибюн» будет придана совершенно новая черта. Летом 1964 года от двадцати до двадцати пяти учащихся средних школ США совершат поездки по нескольким европейским странам, участвуя в собраниях местных школьников, выступая по радио и телевидению и, самое главное, обмениваясь взглядами и обогащаясь новыми впечатлениями.

Посещения Америки зарубежной молодежью (по сегодняшний день 518 школьников из 76 стран побывало в Соединенных Штатах) как по идее, так и по характеру отличаются от поездок студентов, приезжающих учиться в американских университетах и колледжах. В прошлом году в США жило и училось до 64 000 иностранных студентов. Главным для них было учение, многие уже избрали себе будущую профессию и стремились сочетать университетские занятия с общественной жизнью. Для делегатов же молодежного форума, организованного «Геральд

«ВО МНОГОМ РАЗЛИЧНЫЕ... В ОСНОВНОМ»

«Добро пожаловать!» Джон Г. Уитни, главный редактор и издатель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», открывает молодежный форум 1963 года. Торжественное открытие происходит

трибюн», три месяца в Соединенных Штатах — это время интенсивного изучения всего окружающего и самих себя. Школьные занятия отходят на задний план перед увлекательными спорами, за которыми молодежь проводит ночи напролет. Томми Карлстейн из Швеции не только набрался новых впечатлений от Нью-Йорка в семье, где он был гостем: от Кван Иоп Хонга он узнал о Корее, от Стивена Мвазиге — о Кении, от Раби Эль-Батала — о Сирии. Упор делается на личное общение разных людей из разных стран.

Когда Билгин Адали, делегат от Турции, покинул в 1963 году Соединенные Штаты, ему казалось, будто весь мир вдруг стал для него родным домом: «Мы во многом различные люди, но в основном такие же, более или менее одинаковые. Я уверен, что куда бы я ни попал после этого замечательного опыта, я везде найду братьев и сестер, которые распахнут передо мной свои двери».

Все, что довелось повидать новозеландцу Аллану Хинкли, помогло ему познать других. «За завтраком и беседой, за спором и шутками, даже за игрой в снежки я все время узнавал что-нибудь новое, — говорит он. — Мой кругозор расширился, я начал больше считаться со своими ближними, стал живо интересоваться другими народами и другими странами».

Кульминационный пункт трехмесячного визита наступает в тот день, когда приехавшие школьники встречаются со всеми, с кем они общались за это время: с учащимися школ, которые они посещали, с семьями, где жили, с учителями и лицами, руководившими их поездкой по стране. Иностранная молодежь получает тогда замечательную возможность высказать свою точку зрения и поделиться впечатлениями. В 1963 году эта встреча, на которую собралось около двух

тысяч человек, состоялась в большом новом зале Нью-Йоркской филармонии.

В словах одного школьника, описывающего свои впечатления о Соединенных Штатах, чувствовалась тоска по родине. «Я много скитался по бывшим британским колониям, — сказал мальчик Дж. Сриниваза Айир. — Когда я ехал к вам, то в душе надеялся найти между нами много общего. Первое, что мне бросилось в глаза, были бесконечные бытовые приборы в ваших кухнях и богатая обстановка в ваших жилищах. Порой я скучал по дому: хотелось опять запустить пальцы в гору дымящегося риса, пройтись босиком по простому, некрашеному полу...»

С более серьезной критикой выступил молодой индиец Шийял Гупта, которого особенно неприятно поразили резкие разногласия между Севером и Югом. «Жителям Азии и Европы кажется очень странным, — сказал он, — что этот наболевший конфликт все еще не разрешен, хотя уже сто лет тому назад ваша страна объединилась». Маджид Гуссеин из Эфиопии заметил: «Все, с кем я встречался, были очень дружелюбны. Но в нашем мире нет ничего совершенного. К сожалению, есть еще люди, относящиеся с предубеждением к отдельным расам и национальным меньшинствам».

Делегат из Боливии пожаловался на то, что в Соединенных Штатах неправильно истолковывают прогресс в странах Латинской Америки. Аналогичную мысль выразил и иорданец Мухаммад Салех: «Как посланец арабов я не мог не отметить, что американцы имеют ложное представление о том, что происходит в арабских странах». Делегатка Соединенных Штатов Этел Силверман предостерегала своих соотечественников: «Мы должны подавлять наши предубеждения по отношению к идеологическим противникам, должны стараться понять их мировоззрение, понять их действия. Только тогда мы имеем право их осуждать или восхвалять. Мы, американцы, всегда ожидаем, что другие к нам относятся беспристрастно. Но и мы сами должны быть беспристрастными».

На многих Соединенные Штаты произвели хорошее впечатление. Молодая аргентинка осталась в восторге от наших автострад. «Вы, американцы, жалуетесь, что ваши шоссе скучны и однообразны, — сказала она. — Я же с наслаждением по ним ездил и особенно любовалась мостами, то сверху, то снизу пересекающими дорогу». На другом конце света, в далеком Вьетнаме, один юноша долго будет вспоминать о своем посещении американских школ. «Мне кажется, что школа в Соединенных Штатах не только учит молодежь совместной работе, — заметил он, — но и прекрасно подготавливает школьников к жизни».

На собрании в Нью-Йоркской филармонии два делегата из стран, которым очень хорошо знакомы политические и идеологические конфликты, горячо призывали к более глубокому взаимопониманию народов. «По-моему, всем нам нужно научиться вместе жить, — предложил Слободан Касуль из Югославии, — а не быть готовым вместе умирать». А Гидеон Ремез из Израиля сказал: «Совершенно не обязательно, чтобы мы полностью устранили наши идеологические и моральные различия, но мы должны научиться одному: признавать друг друга такими, какими мы есть, взаимно уважать наши положительные качества и на этом создавать возможность дальнейшего понимания». Слова этих двух молодых людей, выразившие мысли как гостей, так и хозяев, должны стать основой для будущих Всемирных форумов молодежи, да и для всех международных встреч.

МЭРИ БОЙКЕН

Пятьдесят штатов

«Наш штат в изобилии производит продукты питания, одежду и мебель, наши поля дают самый богатый в стране урожай табака, а потому мы можем ни от кого не зависеть», — так любят с гордостью заявлять жители Северной Каролины. Климат штата — от умеренного до субтропического — способствует развитию сельского хозяйства и промышленности, а также привлекает многочисленных туристов.

Бесконечные песчаные отмели и острова, длинной цепочкой тянущиеся по побережью Северной Каролины, были свидетелями многих исторических событий. Здесь, в Китти-Хок, братья Райт в 1903 году совершили первый полет на самолете. На острове Роанок была основана таинственно исчезнувшая впоследствии первая английская колония в Америке, где родилась Вирджиния Дэйр — первый английский ребенок, уроженец Нового Света. Когда-то у этого побережья бесчинствовал пират Черная Борода, которого в конце концов поймали и казнили. До изобретения радио и радара, рифы и штормы у мыса Гаттерас были грозой моряков: недаром его прозвали «кладбищем Атлантического океана». Сейчас побережье превратилось в курортный район, где можно купаться, заниматься парусным спортом и ловлей рыбы.

Северная Каролина была названа так в честь английских королей — Карла Первого и Карла Второго. Ее площадь — 137 000 кв. километров, население — 4 560 000 человек. Заболоченная Приатлантическая низменность, омываемая теплыми водами Гольфстрима, к западу сменяется холмистым плато Пидмонт, над которым возвышаются Аппалачские горы с вершиной Митчелл (2036 метров) — высшей точкой восточнее реки Миссисипи. Штат богат строительным лесом, его плодородная почва дает богатые урожаи кукурузы, хлопка, земляных орехов, высокосортных табаков. Северная Каролина занимает ведущее место по добыче слюды, ее вольфрамовые копи — самые большие в стране. Быстро развивается здесь производство синтетических тканей и точных электронных приборов.

Университет Северной Каролины, основанный в 1795 году, — самое старое в стране штатное высшее учебное заведение. Крупнейший город — Шарлотт, административный центр — Роли, насчитывающий 94 000 жителей. Основали Северную Каролину колонисты, приехавшие из других районов Америки, в большинстве своем англичане по происхождению. За ними в Северную Каролину последовали жители французских, немецких и уэльских поселений в Америке. Только небольшая группа шотландцев приехала сюда прямо из Европы.

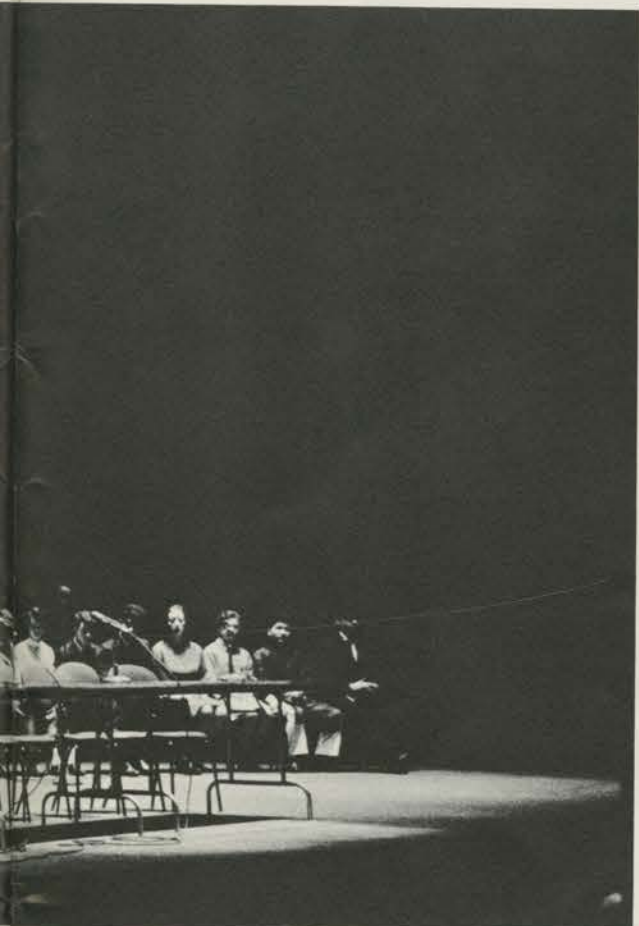
Несколько любопытных фактов о Северной Каролине:

••• Северная Каролина потребовала независимости за три месяца до того, как тринадцать колоний подписали Декларацию Независимости.

••• Когда южные штаты в 1861 году вышли из Союза, Северная Каролина присоединилась к ним самой последней и все же дала конфедератам больше солдат, чем любой другой штат.

••• В Ашвилле родился Томас Вулф, многие романы которого посвящены юношеским годам писателя в родном горном городе. В Гринсборо родился О. Генри, прославившийся своими рассказами и новеллами с неожиданными развязками.

ТАКИЕ ЖЕ»

в только что отстроенном зале Нью-Йоркской филармонии.

ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦ ТУФЛИ

**В таких
удобных,
стильных
туфлях
на
низких
каблуках
не
страшно
пуститья
в любую
экскурсию.**

Туфли под шкуру леопарда с черными лакированными задниками, открытые по бокам.

Светлые туфли с тисненным под крокодиловую кожу верхом; каблуки высотой в дюйм.

Замшевые туфли на шнурках с отделкой из темной лайки и низкими каблуками.

Туфли из узорной лайки с тупыми закрытыми носками и открытыми боками и задниками.

Легкие мокасины, открытые по бокам, с охватывающим пятку ремешком и пряжкой.

ПО ЗАВЕТАМ ФРЕЙДА

На сцене. Теории Фрейда часто используются в драматургии. Так, Юджин О'Нейл в пьесе «Браун, великий бог» прибегает к помощи масок, за которыми скрывают свои переживания его стремящиеся уйти от реальности герои.

Различные направления психоаналитической теории и практики получили весьма широкое распространение в Соединенных Штатах — в стране, по мнению самого Фрейда, наименее восприимчивой к его теориям.

Брок Брауэр

В 1909 году Зигмунд Фрейд совершил короткую поездку в Соединенные Штаты, чтобы выступить в университете имени Кларка с серией лекций, впоследствии получивших большую известность. Это было первым в Соединенных Штатах публичным выступлением Фрейда с его теорией психоанализа. Лично Фрейду поездка пришлась не по душе. В Новом Свете ему мало что понравилось. Единственным приятным воспоминанием остался тот неожиданный энтузиазм, с которым были встречены его теории, казавшиеся тогда довольно спорными. Фрейд уехал в глубоком убеждении, что несколько недель в Америке были причиной его дальнейших невзгод, начиная с возрастающей неразборчивости почерка и кончая несварением желудка, которое он относил за счет американской кухни. «Америка — это ошибка, — заметил Фрейд по возвращении в Европу. — Правда, ошибка грандиозная, но тем не менее ошибка». Позднее он сделал еще более уничтожающее заявление, сказав, что в Соединенных Штатах его теории в лучшем случае найдут себе применение лишь в рекламе.

Однако открытия Фрейда в области бессознательного приобрели наибольшее влияние в стране, которая казалась ему менее всего пригодной для развития психоанализа. Правда, в Новом Свете его учение подверглось несколько сглаживающему процессу. В нашу страну теории Фрейда были завезены европейскими учеными, бежавшими от гитлеровского террора, и здесь они приобрели «права гражданства». Нет, однако, сомнений в том, что за последние четверть века основные фрейдовские представления о первопричинах человеческого поведения оказали огромное влияние на американскую мысль. Интенсивное изучение Фрейдом влияющих на развитие личности иррациональных сил — полового влечения, в самом его широком аспекте, стремления к самоуничтожению, конфликтов между принципом удовольствия и реальностью и т. п. — давало, казалось, более правдоподобное объяснение таких явлений, как война и тоталитарная демагогия, чем традиционная вера американцев в способность человеческой природы к беспредельному самосовершенствованию.

Президент университета имени Кларка Стэнли Холл, организовавший поездку Фрейда в Соединенные Штаты, более сорока лет назад с удивительной проницательностью предсказал влияние фрейдовского учения на культурную жизнь в будущем. В 1920 году Холл писал о Фрейде: «Его взгляды привлекли и вдохновили ряд блестящих умов не только в области психиатрии, но и во многих других отраслях человеческих знаний и обогатили культурный мир более свежим и проникновенным пониманием, чем любой другой источник в беспредельных сферах гуманитарных наук». Пророческие по тому времени слова Холла как нельзя лучше суммируют современные взгляды на влияние Фрейда не только на медицину, но и на искусство, просвещение, социальные науки и другие не менее важные и сложные области человеческой мысли.

Слова Холла приобретают особую ценность, если учесть, что они были написаны через шесть лет после его перехода в лагерь сторонников Альфреда Адлера — первого из целого ряда уче-

ников Фрейда, взявших под сомнение ту или иную доктрину своего учителя. Адлер придавал большее значение, чем Фрейд, комплексу неполноценности и стремлению к личной власти, а его менее пессимистические теории, не придающие столь доминирующего значения половому влечению, оказались более приемлемыми для американцев. Несмотря на переход в лагерь отступников, Холл, однако, дал Фрейду весьма высокую оценку. Чувство преклонения перед основными достижениями Фрейда разделяет с Холлом большинство наших психоаналитиков, в частности представителей младшего поколения, рожденного и получившего образование в Соединенных Штатах, а следовательно не принимавших личного участия в венских распрях. Ученики Юнга, Адлера, Хорней, Ранка и самого Фрейда — все глубоко уважают ярко выраженный индивидуализм основоположника психоаналитической теории.

Так например, молодой психоаналитик доктор Изидор Портной — последователь Карен Хорней и поэтому во многих отношениях противник «классической» теории Фрейда — говорит: «Я глубоко почитаю Фрейда. За то, что он открыл область бессознательного; за его труды по анализу сновидений и свободных ассоциаций; за то, что он настаивал на взаимосвязи всех элементов человеческой личности; за упорное искание истины. Никто так искренне, так решительно и упорно не добивался правды, как Фрейд». Ведь нельзя забывать, что Зигмунд Фрейд, являясь основоположником психоанализа, был вынужден прежде всего произвести самоанализ — и он с успехом справился с этой труднейшей задачей. Д-р Портной расходится во взглядах не столько с самим Фрейдом, являющимся для него образцом интеллектуального мужества, сколько с последователями Фрейда, о которых он говорит, что они «поставили психоанализ на слишком деловую ногу». Д-р Портной протестует и против того, чтобы придавать слишком большое значение обреченности человека в инстинктивном и биологическом отношениях, как делают это, по мнению многих, истые фрейдисты. Он считает, что человеком руководит не «эго», являющееся арбитром в борьбе между биологическими силами и общественными ограничениями, а его «самость», подверженная различным влияниям, в том числе и влиянию культурной среды.

В Соединенных Штатах спор отколовшихся психоаналитиков с ортодоксальными приверженцами фрейдовских теорий ведется с момента появления у нас психотерапии. В нашей стране фрейдисты составляют наиболее крупную группу психоаналитиков, насчитывающую 900 квалифицированных психотерапевтов и примерно такое же число изучающих эту область. Они состоят в Американской психоаналитической ассоциации, которая считает себя ответственной за выполнение завета Фрейда о необходимости уберечь от ревизионистов «чистое золото психоанализа». Последние годы фрейдисты сосредоточивали внимание на узких и чисто теоретических изысканиях в области «психологии эго», изучая сложные «защитные» механизмы бессознательного, которые человек воздвигает, пытаясь уклониться от необходимости встретиться лицом к лицу стоящую перед ним проблему. Работа в этом направлении в основном велась Гейнцем Гартманом, Рудольфом М. Левенштейном и покойным Эрнстом Крисом — по мнению одного из критиков, «трем диктаторами в области психологии эго». Многочисленные психоаналитики нефрейдовского толка обвиняли их в потере контакта с жизненной реальностью, требовали установления более свободных и более «творческих» отношений между психотерапевтом и больным и применения менее фаталистического подхода к возможности излечения. В этих протестах отразились, в известной мере, старые европейские споры о психоанализе. В то же время они были проявлением стремления

к новому, проявлением скрытой, но сильной веры американцев в дело прогресса, в возможность самосовершенствования и в свободу личности.

Следует отметить, что одна из наиболее убедительных нефрейдовских теорий психоанализа разработана Гарри Стаком Сулливаном почти исключительно на основании американских материалов. Главная предпосылка Сулливана заключается в том, что психические заболевания возникают не только под влиянием процессов, происходящих во внутреннем мире больного (например, под влиянием инфантильной сексуальности), но и в результате взаимоотношений между людьми (в частности при общении с ними). Обширные исследования об отношениях между отдельными личностями Сулливан проводил в Вашингтонском Институте имени Уильяма Алансона Уайта. Это крайне либеральное учреждение признает право на изучение отношений, которые устанавливаются между терапевтом и больным. Работы Сулливана дали его последователям совершенно новый терапевтический метод, позволяющий пациенту избежать, по выражению Сулливана, возможного превращения в «низкокачественную карикатуру того, чем он мог бы в действительности быть». Впрочем, Сулливан упорно стремился сохранить свою независимость и нередко пользовался окольными путями, чтобы не быть заподозренным в том, что он находится под влиянием Фрейда. Сулливан, например, исследуя развитие индивидуума почти с тех же позиций, что и Фрейд, разбирал отдельные его фазы таким образом, чтобы они отражали не столько динамику половых влечений, сколько зависимость от значительно более сложных социальных отношений. Но по глубине теории и по строгому отношению к фактам истории болезни подход Сулливана чрезвычайно напоминает тщательность методов самого Фрейда, применявшихся последним в его исканиях основных положений психоаналитической теории.

Сулливана можно считать духовным отцом Института имени Уайта. В институте и сейчас упор делается на его теории о человеческих взаимоотношениях. Однако в стенах института вели исследовательскую работу и многие другие неортодоксальные психоаналитики. Из них наиболее широко, пожалуй, известен «фрейдист-соци-

олог» Эрих Фромм, который применил теории психоанализа для разрешения общественных проблем, что привело его в область политических и социальных наук. Выступая в защиту «здорово-мыслящего общества», Фромм утверждает, что международная напряженность часто объясняется «параноидным мышлением», рисующим страну политического оппонента в сгущенных, искусственно вызывающих чувство страха красках. «Здоровая политика», утверждает Фромм, должна основываться на разумных предпосылках, а не на неопределенных опасениях.

Различные уклонения от теории Фрейда, которые получили развитие в Америке, основываются на признании интеллектуальной свободы и главных фрейдовских понятий. Пятьдесят лет назад, на собраниях американских врачей Фрейда называли «венским вольнодумцем». Его влияние считали «эпидемией сумасшествия», его теории — «вздором, блажью и нелепостью». А сейчас, говоря словами поэта У. Г. Одена, Фрейд «не просто человек, теперь он климат общественного мнения». Теории Фрейда высоко котируются в интеллектуальных кругах. То, что они одновременно служат излюбленной темой язвительных остроумцев, лишней раз свидетельствует об их влиянии. В своем труде «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд сказал: «Мы смеемся лишь над тем, что нас глубоко, пусть и бессознательно, затрагивает» — и, исходя из этого, можно утверждать, что бесчисленные карикатуры в журналах и газетах, изображающие психотерапевта с его неизменной кушеткой, только подчеркивают огромное значение психоанализа в современной американской жизни.

Психоанализ давно нашел себе широкое применение в медицине. Во многих медицинских центрах страны имеются кабинеты психотерапевтов. Американская психиатрическая ассоциация рекомендует всем врачам проходить курс психоанализа, что позволит им своевременно оказать пациенту необходимую помощь. Если это мероприятие будет проведено в жизнь, психоаналитический метод станет столь же распространенным, как, например, метод стетоскопии.

Предложенное Фрейдом понятие «психологической истины» приобрело огромное значение, в частности, в американской драматургии. Так

На экране. Психоаналитический подход Фрейда к эмоциональным вопросам стал органической частью многих современных кинофильмов. На фото: «Дэвид и Лиза» с участием артистки Джанет Марголин. В фильме показана история болезни душевно неуравновешенной девушки, подвергающейся курсу психотерапии. Подсознательный страх мешает героине вести нормальный образ жизни. Однако в конце концов любовь к товарищу по несчастью помогает девушке вырваться из темного мира фантазий.

например, трилогия Юджина О'Нейла «Траур приличествует Электре» является драматической трактовкой «комплекса Эдипа», основной концепции Фрейда в области инфантильной сексуальности. В «Странной интермедии» О'Нейл пользуется новым приемом: время от времени он предоставляет слово «бессознательному» своих героев. В более современной пьесе Генри Денкера «Далекая страна» автор, взяв за основу действительный случай из клинической практики Фрейда, показывает, как возникла и развивалась теория психоанализа в уме основоположника этой науки — самого Зигмунда Фрейда.

Интересную, хотя и мучительную роль сыграл психоанализ в неровном творчестве американского драматурга Теннесси Уилльямса, почитатели которого довольно внимательно следили за тем, как отражается психотерапия на его произведениях. Психотерапевтом Уилльямса был доктор Лоуренс Кьюби, занимавшийся психоанализом и другого известного американского драматурга — покойного Мосса Харта. Как писал позднее о себе Теннесси Уилльямс, он решил прервать курс психоаналитического лечения после того, как д-р Кьюби стал задавать ему слишком интимные вопросы о причинах мелодраматического надрыва в его пьесах, причем утверждал, что этот надрыв отражает болезненные явления нашего времени. С этого момента можно наблюдать заметный подъем духа в творчестве Уилльямса, в частности в его пьесе «Ночь Игуаны». Явилось ли это прямым результатом психотерапии или нет, останется навсегда тайной кабинета врача. Однако не может быть сомнения в том, что на смену обычному надрыву в творчестве Теннесси Уилльямса пришла в конце концов несколько безнадежная умиротворенность.

Пожалуй, никто среди литераторов не воздавал таких почестей Фрейду, как известный критик Лайонел Триллинг, подвергшийся в свое время курсу психоаналитической терапии. В знаменитом очерке «Фрейд и литература» Триллинг писал: «Психология Фрейда — единственная систематическая попытка объяснить деятельность человеческого разума, которая, с точки зрения тонкости, многогранности и трагической силы, заслуживает определенного места в хаотической массе психологических интуиций, накопленных в сокровищнице мировой литературы». Триллинг считает психоанализ «одним из кульминационных пунктов романтической литературы XIX века», указывая на то, что «основной его темой является радость, горе и удовлетворение запросов отдельной личности».

Как «систематическая попытка объяснить деятельность человеческого разума», как фактор, оказавший большое влияние на нашу культуру, и, наконец, как раздел медицины — учение Фрейда, по странной иронии судьбы, получило настоящее признание лишь в середине антиромантического XX века, в тот психологический период, который Оден называет «веком тревоги». Возможно, это произошло именно потому, что учение Фрейда является своего рода противовесом против опасностей, угрожающих современному обществу. Его идеи глубоко антитоталитарны и призывают к сохранению всего того, в чем наиболее ярко выражается индивидуализм человека. Фрейду пришлось бежать от гитлеровцев не только потому, что он был евреем.

Психоанализ следует понимать как высоко индивидуалистическую дисциплину современной психиатрии. Потому на него так резко и нападают некоторые критики, утверждая, что психоанализ ставит частные и эгоистические интересы отдельной личности выше интересов общества. Сторонники психоанализа отвечают, что одна из основных задач психотерапии заключается в укреплении ослабленного «эго» для того, чтобы дать возможность индивидууму справиться с эмоциональными проблемами, которые возникли именно в результате общественных взаимоотношений.

Другие критики, подходя к вопросу скорее с научной, чем с моральной точки зрения, оспаривают психоаналитическую теорию, основываясь на учении И. П. Павлова или на бихейвизме. Эти критики, далеко расходясь между собой во взглядах, считают, что психологию индивидуума формируют материалистические влияния окружающей среды, а не биологические и инстинктивные факторы, на которых настаивает Фрейд.

Психоаналитики на основании клинической практики отвергают такой подход как несоответствующий запросам пациента. Очень часто, указывают они, у больных различного социального происхождения проявляются идентичные черты характера и одинаковый образ поведения. Психоаналитическая теория требует, чтобы больной сам осознал первопричину своего заболевания путем глубинного анализа собственных чувств, воспоминаний и снов под руководством квалифицированного психотерапевта. Хотя многие американские психоаналитики и отклонились от ортодоксального фрейдовского учения, они в большинстве своем согласны с такой установкой.

Но в основном психотерапевты интересуются сейчас другой проблемой: как сложное, дорогое, но необходимое лечение сделать доступным для большего нуждающегося в нем числа людей? Строго говоря, почти вся главная работа со времен открытий Фрейда идет именно в этом направлении. Так, ученые нашли и разработали ряд методов, делающих психотерапию доступной для тех, кто не может себе позволить длительного индивидуального курса лечения. Сюда относятся методы групповой терапии и лечение в амбулаториях для тех психически расстроенных, кто еще в состоянии вести нормальный образ жизни. Сюда же относятся ограниченное консультативное обслуживание и краткосрочный психоанализ, требующий не более года (обычный курс психотерапии тянется годами, причем больной посещает врача примерно три раза в неделю). Благодаря этим и некоторым другим сравнительно недорогим и требующим менее продолжительных сроков психотерапевтическим методам, удается оказывать помощь значительно большему количеству больных, чем при применении традиционного курса глубинного психоанализа. По большей части эти новые методы разработаны американскими психотерапевтами.

При оценке современных американских психотерапевтов в первую очередь необходимо учитывать следующее: какие усилия они прилагают в деле удешевления и повышения эффективности психоаналитической помощи. Врачи пытаются сократить продолжительность курса лечения путем улучшения взаимоотношений между больным и терапевтом, которые значительно усложняются при длительном курсе лечения. Эти вопросы интересуют лучших американских психотерапевтов гораздо больше, чем попытки добиться новых открытий чисто теоретического характера. «У нас нет сейчас ни Фрейда, ни Юнга, ни Адлера, — пишет один из обозревателей. — Современные работники в этой области резко отличаются от великих мыслителей прошлого. В основном они — практики, которым часто удается достичь блестящих результатов. Но выдающихся теоретиков среди них нет».

Сейчас целый ряд американских врачей-психиатров добился больших успехов в психоанализе, но особенно выделяются своим смелым подходом к проблеме отношений между врачом и больным два психотерапевта.

Во-первых, это д-р Франц Александер, пожалуй наиболее известный американский психоаналитик. Д-р Александер был почти двадцать пять лет директором чикагского Института психоанализа. В настоящее время он возглавляет психиатрический отдел больницы «Маунт-Синай» в Лос-Анжелесе. Первых успехов он добился в области психосоматической медицины. Но с 1939 года д-р Александер начал со своими сотрудниками ради-

кальный пересмотр методов психоаналитической терапии, уделяя особенное внимание приспособлению курса лечения к требованиям больного. Д-р Александер и его сотрудники поставили себе задачей разработать «краткосрочный анализ», то есть терапию, которая продолжалась бы не многим более года и в то же время оказывала бы реальную помощь больному, что избавит его от необходимости в течение значительного отрезка жизни подвергаться глубинному психоанализу. Сейчас д-р Александер один из главных поборников краткосрочного метода. Если удастся усовершенствовать метод д-ра Александера, то у нас есть все основания надеяться, что психоанализ станет столь же коротким процессом, как приобретение профессиональных навыков. Это бесспорно уберет многих пациентов от долгих и мучительных лет страданий.

Во-вторых, нужно отметить д-ра Ролло Мэя, сотрудника нью-йоркского Института имени Уайта. Основная заслуга д-ра Мэя в том, что он первым в Соединенных Штатах применил новый европейский метод «экзистенциалистического психоанализа», являющийся реакцией на «расщепление личности», вызываемое современными противоречиями между наукой и техникой, с одной стороны, и растущей централизацией власти, с другой. Д-р Мэй считает, что наилучшим методом лечения больного, «которого ничто не волнует, у которого проявляется тенденция к обезличению и который скрывается от стоящих перед ним проблем за теоретическими рассуждениями и техническими формулировками» — это признать наличие у больного обостренного «чувства существования». Понятие «чувство существования» заимствовано из философии экзистенциализма — одного из важнейших направлений современной западной мысли. Можно надеяться, что такая экзистенциалистическая ориентировка придаст психоаналитическим отношениям особую человечность.

Эти психотерапевты — представители старшего и младшего поколений американских психоаналитиков. Д-р Александер, по происхождению венгр, принадлежит к поколению европейских ученых, которые были вынуждены бежать из Европы и нашли себе пристанище в Соединенных Штатах. Он достаточно консервативен и большой сторонник медицинского подхода к истории болезни пациента. Д-р Мэй, с другой стороны, считается психотерапевтом-практиком, человеком получившим психоаналитическое образование, но не имевшим чисто медицинской подготовки. Как и большинство психотерапевтов, родившихся и получивших образование в Соединенных Штатах, он подходит к вопросу с точки зрения культурных ценностей. Оба ученых во многих отношениях стоят на диаметрально противоположных позициях, но их связывает то, что оба они — последователи Фрейда.

С американской точки зрения, главное достижение Фрейда как раз в том, что он стал основоположником дисциплины, позволяющей столь разным психотерапевтам, как д-р Мэй и д-р Александер, не соглашаясь друг с другом, преследовать общую цель: освобождение человеческого достоинства от цепей добровольно наложенного на себя, хотя и бессознательного рабства. Нет ничего более характерного для американского темперамента, чем желание сбросить с себя путы, тормозящие нормальное развитие отдельной личности. Именно Фрейд первый позволил нам надеяться на достижение этой цели, когда в начале нашего века он «совершенно изолированно» работал в своей родной Вене. Быть может, основной вклад американских ученых в дело психоанализа заключается в том, что им удалось вывести теории Фрейда из изоляции и превратить его психоаналитические открытия из источников споров в новые вехи на пути, по которому продолжают поиски достижения эмоционального здоровья и свободы личности. ▼

Фото Роуланда Шермана

ДЖЕССИ ЛОКЕТТ И ЕГО ДЕТИ

В воскресенье Джесси Локетт с женой Анни возвращается после церкви домой.

Джесси Локетту 67 лет. Сейчас он пенсионер, но в свое время ему пришлось немало потрудиться. На свои скромные заработки он вырастил семерых детей и всем сумел дать образование. За двадцать с лишним лет не было ни одного года, чтобы кто-нибудь из детей не учился в колледже, а бывали времена, когда удавалось посылать даже трех сразу. Что и говорить, трудновато приходилось Джесси Локетту. Когда в 1924 году он пошел работать уборщиком на завод фирмы «Дю Понт» в Делавэре, ему платили меньше 32 центов в час; в 1953 году, перед уходом на пенсию, он получал в час 1,27 доллара. Кем только не был за эти годы Локетт — и садовником, и сторожем, и рабочим в лавке! Чтобы больше зарабатывать, приходилось все дольше работать. Но тяжелые времена остались, слава Богу, позади, и ныне 155 долларов в месяц (пенсия от фирмы «Дю Понт» и социальное обеспечение) плюс помощь, которую ему с радостью оказывают дети, обеспечивают Локетту спокойную старость.

Четыре года назад, продав дом за 8000 долларов, Локетты построили себе новый.

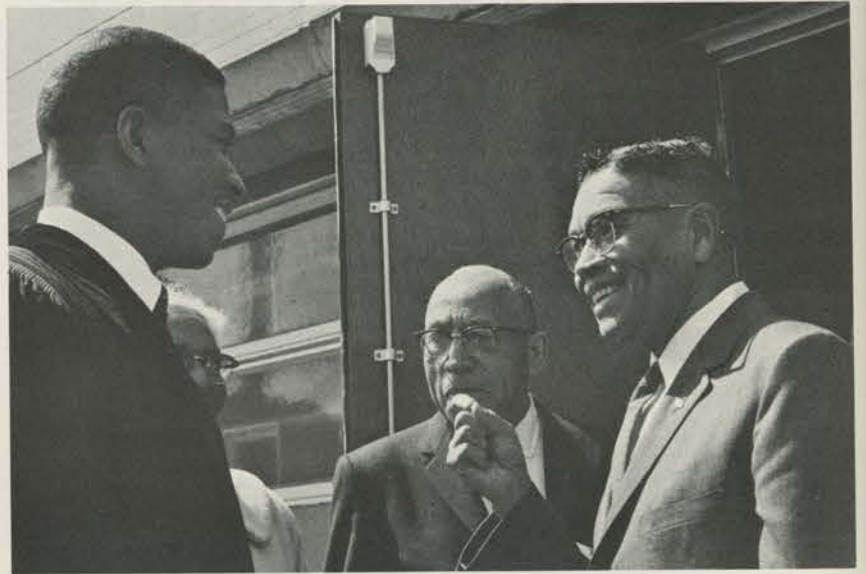

Безделье не к лицу пенсионеру, привыкшему к активной жизни

Десять лет назад, покинув в последний раз ворота проходной конторы завода «Дю Понт», где Джесси Локетт проводил по восемь часов пять дней в неделю, он и не представлял себе, что отдых — это тоже занятие. Однако он очень скоро в этом убедился, и теперь у него частенько не хватает времени, чтобы справиться со всеми своими делами. Прежде всего, Джесси изредка навещает детей — одна из дочерей, например, живет в штате Мичиган, а это порядочное расстояние от Уилмингтона в Делавэре. Все шестеро преуспевают (младшая дочь умерла пять лет назад) в своих профессиях. Одна дочь — работник общественной помощи, другая — библиотекарь. Две дочери — учительницы; одна из дочерей вышла замуж за майора, а до того работала в суде; сын — врач-психиатр. Нужно повидать и старых друзей на заводе, где Локетт проработал тридцать лет, немало времени отнимает сад и работа в церковном комитете. Одним словом, всех дел не перечесть, и свободного времени почти не остается.

На заводе «Дю Понт» Локетт беседует со сторожем, которого знает много лет.

После церковной службы Джесси прощается со своим пастором.

Локетт в медпункте школы с дочкой Агнью, учительницей (слева).

К своему 67-му дню рождения Локетт покупает костюм в магазине, где раньше подрабатывал.

Отец с гордостью наблюдает за дочерью Марджори, которая в средней школе ведет класс шитья.

Каждое следующее поколение живет лучше и счастливее

Дочь Инес занимается с ребятами дошкольного возраста в промышленном городе Гэри (штат Индиана).

Локетт хорошо помнит, какое значение его родители придавали образованию. Ему, мальчишке с фермы, удалось закончить всего восемь классов, однако он твердо решил дать образование своим детям. «Все мы знали, — вспоминает одна из дочерей, — что попадем в колледж, так что рассуждать особенно не приходилось. Мы просто кончали среднюю школу и шли дальше». Пятеро учились в государственных университетах, двое — в колледжах, существующих на средства церковных организаций. Четверо Локеттов получили научные степени. Локетт гордится детьми, а те, в свою очередь, гордятся отцом. «Если бы меня спросили, — говорит его дочь Милдред, — кого я больше всего уважаю, я бы не задумываясь ответила: Авраама Линкольна и Джесси Локетта».

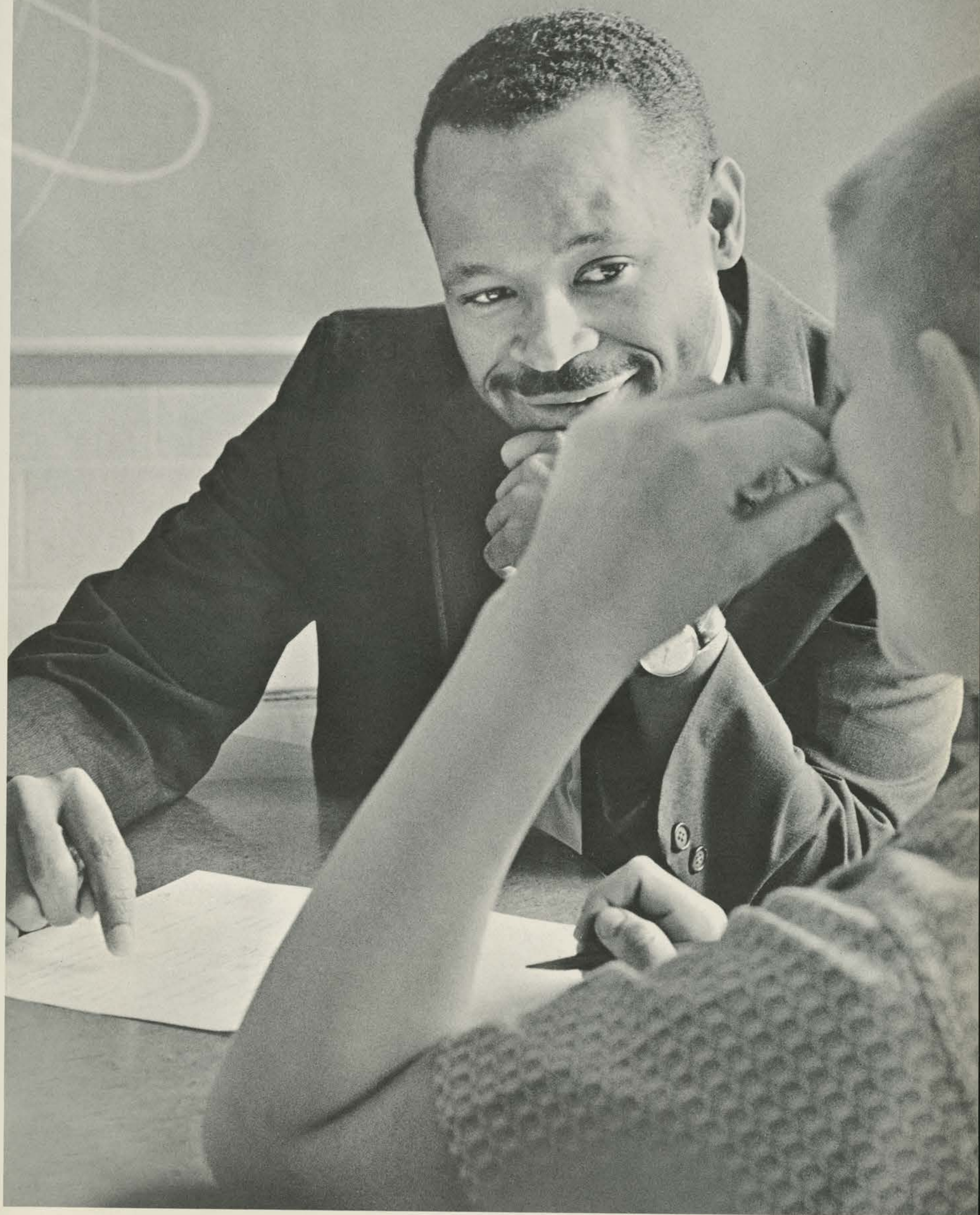
Внуки Джесси Локетта, дети дочери Долорес, устроили для матери и отца-майора домашний концерт.

Дочь Милдред — отзывчивый и толковый библиотекарь.

Врач-психиатр Гарольд Локетт беседует с пациентом.

meteorites

Обновленная Филадельфия:
строятся новые здания,
переделяются старые

